

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

СЕНТЯБРЬ

2010

ЭЛУЛ

5770

N 9(221)

СОЗНАНИЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ БЫТИЕ

לִּיבְיָאָהוּ אֵשֶׁת עִיבְיָו אֵלֵי צְלוֹתָהּ אֵלֵי אִי אֵלֵי אֵלֵי

ДИАЛОГ РЕБЕ И ПРОФЕССОРА[1]

Страница из средневекового манускрипта.

1460 год.

Британская библиотека.
Коллекция Ротшильда. Лондон

Тора и наука: противоречия

Вопрос: Многих из тех, кто получил в юности светское научное образование и только впоследствии вернулся (или находится в процессе возвращения) к иудаизму, смущают противоречия, которые они усматривают между научными достижениями в разных сферах науки и положениями Торы.

Иногда такие противоречия связаны с событиями далекого прошлого. В этих случаях научный подход, весьма гипотетический, основан на экстраполяции современных данных на возможные события, отстоящие слишком далеко от нас по времени, – поэтому он выходит за рамки науки. Мы уже обсуждали эту тему подробно. Однако порой возникают споры непосредственно о событиях сегодняшнего дня.

Например: в Талмуде, как и в писаниях Рамбана, говорится, что черви зарождаются самопроизвольно, а не путем размножения. Современная зоология считает это невозможным. Есть и другие подобные примеры. Как нужно отвечать на такие вопросы?

1. Следует ли заявлять, что истина Торы выше и ее нельзя подвергать сомнениям, – и этим ограничиться?

2. Следует ли указать на ошибочные положения и отсутствие веских оснований для научных выводов, если последние противоречат Торе?

3. Можем ли мы в таких случаях говорить о том, что недостаточно понимаем смысл положений Торы?

Ответ: Во-первых, третий вариант даже не должен подлежать рассмотрению. Следует всегда придерживаться буквального смысла Торы. Не раз делались попытки избавить людей от сомнения и смущения, убеждая их понимать слова Торы не буквально.

Особенно это недопустимо в том случае, когда речь идет о вопросах, связанных с практической Алахой. Вопрос, который вы задали, относится именно к этой области: существование самопроизвольно зарождающихся червей важно применительно к законам шабата – можно ли в этот день убивать такие существа?^[2] Очевидно, что тут речь идет не о какой-то притче; мы говорим о реально существующих, живых существах.

Точно так же запрещено подвергать сомнению буквальный смысл стихов о шести днях Творения – днях, а не эпохах! – поскольку дело касается основополагающей идеи о субботнем дне, учрежденном в седьмой день Творения, равно как и законов, связанных с шабатом.

С другой стороны, не нужно игнорировать кажущиеся противоречия. Того, чья вера крепка, эти противоречия беспокоить не будут, – суть нашей веры в том, что Тора истины есть высшая истина. Однако если кого-то смущают противоречия, то, очевидно, необходимо основательно и детально изучить их корни и доказать, что в соответствующих теориях или экспериментах были допущены ошибки. Всегда возможно, что неоправданное обобщение было сделано в результате экстраполяции тех или иных научных результатов.

Вопрос о самопроизвольно зарождающихся червях очень прост. Действительно, в ходе экспериментов описан процесс развития червей (личинок) из яиц. Располагая объяснениями того, каким образом эти яйца были отложены, можно сделать вывод, что черви данного вида появляются путем размножения. Однако, когда яйца, обнаруживаемые в гнили, идентифицируются как принадлежащие определенному виду червей и черви, обнаруживаемые там же, также относятся к этому виду, это ни в коей мере не доказывает, что такие черви могут зародиться только из яиц, а не самопроизвольно.

По сути дела, каждый отдельный червь имеет собственные индивидуальные характеристики, так что не существует двух одинаковых червей. И вывод о том, что конкретный червь абсолютно идентичен тем червям, которые выводятся из яиц, не может быть признан верным. Но даже если бы он был признан верным, это вовсе не означало бы, что такие черви не могут зародиться самопроизвольно.

В целом, у экспериментальной науки нет фундаментального доказательства существования чего-то такого, что невозможно. Она рассуждает только о чем-то зафиксированном, но никоим образом не доказывает невозможность того, что еще не удалось увидеть или воспроизвести. Наука, особенно в свете термодинамики, только устанавливает вероятность события. Согласно современному научному подходу, концепция «невозможного события» уступила место концепции «маловероятного события».

Страница из книги «Сефер а-миспар» («Книга числа») Элияу бен Авраама Мизрахи.

Германия.

XVI век

Чудеса, Провидение и доказательство Лапласа

Вместе с тем не надо впадать в другую крайность и утверждать, что все чудеса, упомянутые в Торе, – это естественные феномены, разве что обладающие очень малой вероятностью. Один из главных принципов нашей Торы состоит в том, что Всевышний, да благословен Он, непосредственно правит миром и направляет всякое событие и явление. На этом убеждении, среди прочего, основано наше понимание молитвы. Еврейские молитвы – это не просто выражение благодарности и восхищения Б-жьем величием: они способны повлиять на последовательность событий в мире, в соответствии с содержащимися в них просьбами и обращениями – если на то будет воля Б-жья.

В этом смысле, в свете иудаизма и Торы, совершенно невозможно согласиться с Лапласом, который утверждал: если ему предоставить точное и исчерпывающее описание Вселенной в любой данный момент времени, то он математически вычислит будущее, так же как и прошлое. Подобный детерминизм не слишком согласуется с современной научной мыслью. Для еврея же такое рассуждение абсолютно неприемлемо.

Б-г воссоздает мир в каждый момент времени и в самых мельчайших деталях, вдыхая в него жизнь и направляя его. От Его воли зависит, будет ли верной экстраполяция законов, действовавших вчера и сегодня, на завтрашний день.

Таким образом, когда мы утверждаем, что все события, упомянутые в Торе, определено возможны и определено имели место – даже если на первый взгляд они кажутся противоречащими норме, – недостаточно рассматривать их как подтверждение современных научных взглядов. С точки зрения Торы, никакое случайное событие невозможно, поскольку всякое событие происходит только с ведома Творца и по Его соизволению. Поэтому было бы неправильно пытаться рассматривать чудеса, упоминаемые в Торе, как необычные, но естественного происхождения.

Верно, что большая часть событий в мире происходит в рамках того, что называется сегодня «естественным порядком» (который, разумеется, также был установлен Б-гом) – таким образом, что Б-жественное провидение оказывается скрытым.

С другой стороны, верно и то, что с позиций современной науки нельзя утверждать: чудеса, описанные в Торе, невозможны. Но при этом совершенно недопустимо сводить чудо на уровень обычного явления природы, единственная особенность которого состоит в том, что вероятность этого события низка, – в этом случае умаляются этические и алахические аспекты чуда.

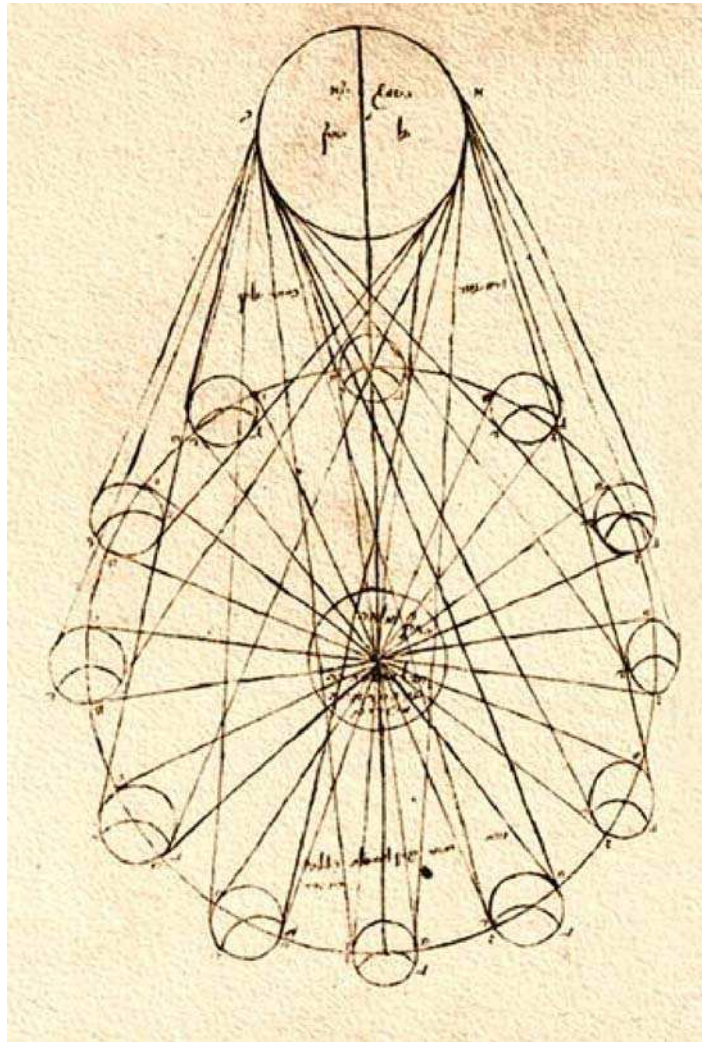
Неоднократно предпринимались попытки интерпретировать отдельные места в Торе не буквальным образом – с тем, чтобы умиротворить молодежь, заблудившуюся на пути между Торой и наукой. Такие попытки очень опасны – это ярко показывает пример шести дней Творения. Когда предлагается рассматривать дни Творения не в обычном смысле, а как длительные периоды, эпохи, границы Алахи тут же размываются: в конечном счете вся священная идея шабата, дня покоя и отдыха, лишается своей основы.

Отсутствие свидетельства, а не свидетельство отсутствия

Возвращаясь к теме самопроизвольного зарождения червей, заметим, что с научной точки зрения вероятность его близка к нулю. (Необходимо добавить: согласно современным расчетам, возможность самопроизвольного зарождения организмов даже более низкого уровня считается нулевой. По сути дела, теории самозарождения жизни, некогда весьма популярные, наука ныне отвергает.) Однако их зарождение при определенных условиях – например, из гнили – может происходить регулярно благодаря учрежденным Б-гом естественным законам, которые непосредственно вводятся Им в каждом отдельном случае.

Повторим еще раз: то, что ни одному биологу не удалось проследить процесс самопроизвольного зарождения, ничего не доказывает. Иллюстрирует этот вывод анекдот, который в свое время часто рассказывали в ешивах: подросток убеждал своего друга, что в их деревне испокон веков существовала беспроводная связь. Он аргументировал это тем, что перекопал в деревне множество садов и огородов, но не нашел ни одного телеграфного кабеля...

Что касается упомянутых выше живых организмов, добавим: мы даже не знаем, какой латинский термин соответствует их названию на иврите, «переш». Но это вовсе не значит, что мы должны усомниться в фактах, приведенных в Торе.

Страница из манускрипта, содержащего астрономические таблицы и рассуждения о птолемеевской астрономии Яакова бен Давида.

Каталония, возможно, Барселона.

1360–1361 годы

О научных выводах

Вопрос: Правильно ли заключить из вышеизложенного, что любые естественнонаучные выводы нужно и полезно обсуждать и анализировать в свете Торы, а не просто игнорировать их?

Ответ: Нет сомнений: нужно и полезно обсуждать, как научные концепции согласуются с истинами Торы, поскольку некоторым людям необходимы подобные разъяснения. Тем самым мы помогаем им преодолеть смущение и беспокойство. Например, в Торе и Талмуде часто упоминается о соотношении между диаметром и

длиной окружности. Принято считать, что длина окружности в три раза больше диаметра. Глупо предполагать, что мудрецы Талмуда не знали числа π . Ведь, создавая еврейский календарь, они проводили сложнейшие астрономические расчеты с использованием числа π . Они жили всего через несколько поколений после Архимеда и других интеллектуалов-неевреев, которые использовали π в своих расчетах и часто упоминали об этом числе. Ясно, что в тех случаях, когда в Талмуде используется число «три», это лишь округление до ближайшего целого.

Да, в Талмуде есть место (речь идет о «море», которое создал царь Шломо, см.: Млахим I, 7:23. Ралбаг, там же; Эрувин, 14а; Перуш а-Мишна ле-Рамбам и Тосафот, там же; Шаалот у-тшувот Ташбец, т. 1, 165), где обсуждается круглый водоем. Его диаметр зафиксирован как десять локтей. А длина окружности – как тридцать локтей. Но даже если округлить длину окружности, то она должна составлять, по крайней мере, тридцать один локоть. Решение тут очень простое: длина окружности водоема составляла ровно тридцать локтей. Диаметр же был чуть меньше десяти локтей, и его округлили до ближайшего целого.

Подобным образом мы объясним и выкладки Рамбама относительно размеров Солнца и Земли, если учтем также солнечную корону. Существуют и другие примеры.

[1] Беседа Ребе и профессора Г. Брановера.

[2] Например, вши.

ПОМОГАЯ ДРУГИМ, ПОМОГАЕШЬ СЕБЕ

Аиде Эацад

Лето, которое мы только что пережили, выдалось нелегким. В России и Украине люди страдали от небывалой жары, засухи и лесных пожаров; в Центральной и Восточной Европе случились страшные наводнения; из других районов мира тоже постоянно приходили вести о природных катастрофах. И многие люди вновь начали спрашивать: почему Б-г допустил такие беды? Почему именно эти районы, именно эти люди пострадали?

К сожалению, этот вопрос не имеет ответа в человеческих понятиях. Наш разум слишком ограничен, чтобы понять пути Г-сподни. Только один Б-г держит в голове разом все судьбы, все события, даже самые мелкие и на первый взгляд незначительные. Только Он мог бы объяснить нам, почему время от времени случаются катастрофы и бедствия. А если Он не объясняет, это означает только одно: объяснение настолько сложно, что наш ограниченный разум его не осилит.

Есть такая хасидская история. Как-то раз встретились три выдающихся раввина, и зашел у них разговор о том, что надо бы сделать ради совершенствования мира. Один раввин сказал: «Если бы я был Б-гом, я создал бы мир без нищеты и бедности». Второй промолвил: «Если бы я был Б-гом, я сотворил бы мир без болезней». А третий – это был Алтер Ребе – заключил: «А если бы Б-гом был я, мир был бы сотворен именно таким, каков он есть». То есть если бы человек мог обрести разум Б-га, он понял бы: только так можно сотворить мир наилучшим образом. Так, и никак иначе.

Поэтому главное для нас – не предаваться бесплодным размышлениям, почему Б-г сделал именно так, а задать себе реальный вопрос: «Что мы должны делать перед лицом той действительности, которую создает Б-г?» И, говоря конкретно о недавних природных катаклизмах: «Какой урок преподает нам Б-г, посылая испытания?»

И наверное, не надо быть выдающимся мыслителем, чтобы понять: в часы испытаний надо постараться помочь тем, кто страдает. Каждый должен помогать чем может: кто деньгами, кто вещами, а у кого нет лишнего – пусть поможет просто добрым словом, что для человека в беде не менее важно.

Способность помогать ближнему – это великий дар, который дал нам Б-г. Мидраши учат, что в начале сотворения мира была мысль создать его «как при коммунизме» – чтобы у всех людей было всего поровну. Б-г всемогущ, Он мог и так поступить. Но тут, говорят мидраши, пришла Мидат а-Хесед – Б-жественное милосердие – и спросила: «А чем я буду заниматься в этом мире?» И тогда Б-г решил, что правильнее будет распределить жизненные блага не поровну – но так, чтобы тот, кто получает больше, использовал свои преимущества по принципу милосердия, помогая тем, кому досталось меньше. То, что Б-г дает богатому, изначально включает долю, которую богатый должен передать бедному.

С точки зрения обыденной человеческой логики такой подход не выглядит бесспорным. Многие люди задаются вопросом: «Чего ради я должен помогать? Я работаю изо всех сил, использую все способности и силы, которые дал мне Б-г. В результате добился определенного материального достатка. Вот пусть другие тоже поработают, как я, и сами всего добьются!» Отдавать что-то свое, «отрывать от себя» – это вообще нелегко. В книге Танья написано: когда человек дает деньги, он как бы отдает собственную кровь! То есть на эти деньги он мог бы купить себе еду, лекарства и другие необходимые вещи для собственной жизни.

Но человек потому и отличается от всех остальных существ, сотворенных Б-гом, что у него есть не только кровь, тело, но и душа. И напитать свою бессмертную душу для человека важнее, чем ублажить бренное тело. Когда помогаешь человеку в беде – твоя собственная душа чувствует огромную радость. И эта радость настолько необходима ей, что ради нее человек преодолевает свой природный эгоизм.

Есть еще одна история про Алтер Ребе. Однажды он приехал в некий город, чтобы собрать благотворительные взносы. А самый богатый еврей в том городе был чрезвычайно скуп, никогда никому не помогал. И когда Ребе пришел к нему и попросил помощи для бедных, этот богач, издеваясь, дал ему медный грош. Ученики думали, что Алтер Ребе возмутится и хлопнет дверью, но он вместо этого рассыпался в благодарностях: пусть грош скромный дар, но и он поможет какому-нибудь нуждающемуся еврею. Скупец вытащил второй грош – и вновь получил порцию благодарности; затем последовали еще монеты, и после получения каждой из них Алтер Ребе рассказывал, как это замечательно – помогать ближнему. Кончилось тем, что богач преодолел собственную скупость: он почувствовал, какую радость можно получить, оказывая помощь другим. Впоследствии он стал известным меценатом и спонсором своей общины.

И еще одно – наверное, самое главное. Телесные радости преходящи, радости души вечны, как сама душа. Чувства, которые испытывает человек от благотворительности, не забываются и не растворяются, они накапливаются в душе, давая ощущение все большего счастья. Деньги приходят и уходят – а радость от помощи ближнему отобрать нельзя!

Одного известного еврейского мецената спросили однажды, какова величина его капитала. Тот назвал какую-то сумму. Его собеседники удивились: они-то полагали, что этот еврей гораздо богаче. А меценат объяснил, что настоящий капитал – это те деньги, которые он пожертвовал на помощь другим людям. Те деньги, которые вложены в бизнес или находятся на банковском счете, – сегодня они есть, завтра их нет; а то, что вложено в добрые дела, останется с благодетелем вечно...

«В НАЧАЛЕ СОТВОРИЛ...», ИЛИ БИБЛЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Аָאָוִי עֵשׂ עֵלְאֵלִי

В иудаизме Рош а-Шана рассматривается прежде всего как день Суда, когда «все обитатели мира проходят пред Ним, словно овцы» (Мишна, Рош а-Шана, 1:2). Именно этот день, первое число месяца тишрей, согласно еврейской традиции – годовщина завершения Всевышним процесса сотворения мира. И хотя этот факт не является центральным ни в праздничной литургии, ни в отрывках из Торы, которые читают в этот день, забывать о нем не стоит.

До середины XIX века Библия была едва ли не единственным сохранившимся литературным памятником истории и культуры древнего Ближнего Востока. Однако затем на помощь историкам пришли археологи. Благодаря раскопкам в Месопотамии, Сирии, Палестине, Египте и других странах региона им удалось обнаружить следы многих цивилизаций древности, упомянутых в Танахе. К примеру, были найдены руины городов Ур, где родился праотец Авраам, Ниневии, столицы Ассирии, где проповедовал пророк Йона, Иерихона и т. д. Исследователям удалось найти и расшифровать большое количество разнообразных текстов – религиозных, исторических, юридических...

Довольно быстро выяснилось, что многие из найденных текстов напоминают те или иные библейские книги. Например, многое из того, что входит в свод законов Хаммурапи, напоминает заповеди, изложенные в недельной главе Торы «Мишпатим». Месопотамская поэма «Песнь о Гильгамеше» содержит описание Всемирного потопы. Вавилонский эпос «Энума элиш» – рассказ о сотворении мира.

Многие археологи XIX – начала XX века, как и представители других наук, весьма скептически относились к постулатам традиционных религий. Поэтому результаты археологических исследований довольно быстро пополнили «арсенал» антиклерикальной и антирелигиозной пропаганды. При этом в той или иной форме звучали следующие доводы:

1. Сюжет Писания поразительно напоминает сюжеты других древних литературных памятников. Следовательно, Библия – не данная в Откровении Книга книг, а лишь один из памятников.

2. Даже если согласиться с принятой датировкой библейских текстов, окажется, что очень многие ближневосточные литературные памятники гораздо древнее. Таким образом, в значительной своей части Библия – плагиат. К примеру, в 1920 году вышла книга немецкого ассириолога Фридриха Делича «Великий обман». Ее автор утверждал, что все основные идеи Ветхого Завета заимствованы у Вавилона, а вавилонская космогония – источник учения Библии о сотворении мира.

Безусловно, нельзя отрицать, что с точки зрения литературных форм Танах весьма напоминает другие памятники древней ближневосточной литературы. Например, рассказ о том, что Б-г сотворил мир за шесть дней и отдыхал в седьмой. Как пишут итальянские исследователи Э. Гальбиати и А. Пьяцца, «существовала уже готовая

числовая схема, известная в семитической литературе: схема шести дней, за которыми следует седьмой. Такой прием позволял показать художественными средствами, что действие, продолжавшееся некоторое неопределенное время, наконец закончено»[1]. Однако, как известно, главное в любой книге не форма, а содержание. Поэтому правомерен вопрос: справедливо ли утверждение, что Тора и древние эпосы не отличаются также и по содержанию? Справедливо ли утверждение, что авторы этих текстов придерживались более или менее сходных религиозных и идеологических взглядов?

Сравним описание процесса сотворения мира в двух памятниках древней литературы – первой книге Торы Берешит (Бытие) и древневавилонской поэме «Энума элиш», датируемой второй половиной II тысячелетия до н. э., фрагменты которой были найдены в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала. Оба текста переведены на различные языки, включая русский, и выложены в Интернете[2].

Сразу бросается в глаза, что вавилонский миф, безусловно, политеистичен. В нем действует множество богов обоего пола, принадлежащих к различным поколениям: Апсу и Тиамат (пресные и соленые воды), их дети бог Мардук, Ану (неба), Иштар и т. д. Эти боги вступают в браки, рожают детей, даже воюют друг с другом. Как и в более известной нам греческой мифологии, боги-родители в какой-то момент решают уничтожить своих детей. Однако бог Мардук вступает в бой со своей матерью Тиамат, убивает ее и создает из ее тела небо и землю.

Ничего подобного в Библии, разумеется, нет. В ней есть один Творец, сотворивший весь мир. Отметим также, что Б-г Танаха – только Творец, а вавилонский Мардук – еще и творение, поскольку он был порожден иными, независимыми от него силами:

*Étāā iāāāōō íá íāçāāí íāāí, / À ŋōā āīēō āūēā āāūī ŷīīā, / Āīŋō
īāāāōīāīūē, āīāāōāīōēōāēū / Íōāī āōāōū ōēāī āō, ÷ōī āā īīōīāēēā, / Étāā ēç
āīāā íēēīā āūā íā āūēī, / Íē÷ōī íā íāçāāí, ŋāūāīē íā īōī ā-āī, / Ōīāā ā íāāōāō
çāōīāēēēīīāīā.*

В отличие от Мардука и его родственников, Всевышний-Творец не имеет ни предков, ни братьев, ни семейных отношений.

Как уже говорилось, первого числа месяца тишрей, согласно еврейской традиции, были созданы первые люди, Адам и Ева. Поэтому сравним теперь отрывки, описывающие сотворение человека.

И в Торе, и в «Энума элиш» назван один и тот же материал, из которого был создан человек, – глина. «И создал Г-сподь Б-г человека из праха земного» (Берешит, 2:7). «Намеси́ла богиня Нинту глины». Правда, вавилоняне добавили еще один важный компонент, не упомянутый в Библии, – кровь одного из богов, Кингу, который спровоцировал войну Мардука и Тиамат. Но самое главное – во имя чего были созданы люди. По вавилонской мифологии, боги сотворили людей, чтобы они стали их слугами, тем самым избавив небожителей от тяжелой неблагодарной работы:

*Создам существо, назову человеком. / Воистину я сотворю человека. / Пусть
богам служат, чтоб те отдохнули. / Божьи пути изменю и улучшу.*

В Торе же Творец создает человека с совсем иной целью – чтобы сделать ему поистине царский подарок, отдав в его распоряжение весь подлунный мир:

È ñeàçàè Á-ã «Ñiçããèi ÷æíããèà iî íãðãçó Í àøàì ó, iî iîãíãèþ Í àøàì ó, è äà æããã÷:ãñðãþò iî è íãã ðúãíþ i îðíèþ è íãã iðèèàì è íãããñ ùì è, è íãã ñèíðòì è íãã ãñþ çàì èãþ è íãã ãñì è ãñãì è, iðãñ ùèãþùè èñý iî çàì èã». È ñòãñðèè Á-ã ÷æíããèà iî íãðãçó Ñãíãì ó, iî íãðãçó Áíñèèññ íã ñòãñðèè äã, i ÷æ:èíó è æãíùèíó ñòãñðèè èã. È æããññèãèè èã Á-ã è ñeàçàè èì Á-ã «Í èíãèðãññ è ðãçì ííæãèðãññ è íãííèíýèðã çàì èþ è íããããèèðã ãþ, è æããã÷:ãñðãèèðã íãã ðúããì è i îðíèè è è íãã iðèèàì è íãããñ ùì è è íãã ãñýèè æèãíóíùì, iðãñ ùèãþùè ñý iî çàì èã».

(Áãðãèè, 1:26-28)

Более того, в 1-й главе Торы вообще не сказано, что у человека есть какие-либо обязательства по отношению к своему Создателю: что он должен молиться, приносить Ему жертвы, строить святилища и т. д. Между тем в «Энума элиш» все эти обязательства четко сформулированы:

Ííãíãã ðíã, ÷òí íà íããã íí ñçããè, íà çàì èã äà ññãèãí ãçããò! / Áà iîí iýð èþãè, äà çñúããþò è áíã! / Íí ñèíããì óñò äã äà ÷òýò áíãèþ! / Áíæãñðãñ äà iðèí iñýð ðèãíùã æãððãñ!

Это различие имеет далеко идущие теологические последствия. Как известно, не только слуга зависит от хозяина, но и наоборот. Соответственно, в вавилонской схеме не только человек зависит от богов, но и боги, в свою очередь, зависимы от человека и его жертвоприношений.

Наиболее отчетливо это видно в другом вавилонском эпосе, в «Песне о Гильгамеше», где, помимо прочего, описано, как боги набрасываются на жертвоприношение:

Íà àøíã ãðñ ñããðèè äñèððãñ ùã / Ñãí ù è ñãí ù iîñòããè èððèèè èã / Á èð ÷ãèè íãèí àè ý i èððã, ððñòíèèè è èããðã / Áíãè íí:èýèè çãíãñ, / Áíãè íí:èýèè äíãðùè çãíãñ, / Áíãè, èãè i óðè, ñãããèèññ è iðèíñýùãì ó æãððãñ / Èãè ðíèèí iðèãùèà áíãèý-i àòãðñ / Ííãíýèà ííà áíèèòã íæãðãèè, / ×òí Áíó èçãñòíãèè àè íà ðããñòí / «Í áíãè! Ó i áíý íà øãã èãçððíùè èãí áíù - / Èãè äã äñèððèíó ý íã çãããã, / Óãè ýè èè è ý ãñèððèíó iî iî íþ, / Áí ããèè äñèíã ý èã íã çãããã» [3].

Мардук – верховное божество вавилонского пантеона в шумеро-аккадской мифологии, верховный бог Междуречья, бог-покровитель города Вавилона – и его дракон Мушуссу. Изображение с вавилонской цилиндрической печати. III тысячелетие до н. э.

Берлинские государственные музеи

Напротив, библейский Творец не нуждался в жертвоприношениях и других человеческих «услугах». Поэтому Он мог позволить себе высказывание, невысказанное для вавилонского божества:

*Νέοσάεοά νείτᾱί Ἄ-νῆίτᾱί, ἀεᾱᾱὲὸάεὲ Νᾱίί ἁ, αῖαί εὲ Οῖδᾱ Ἀ-ᾱᾱ ἱὰσᾱᾱ,
 ἱὰδῖᾱ Ἀί ἱδῖ. Ἐ ᾱαί ὁ Ἰ ἱᾱ ἱ ἱἱᾱᾱὸᾱί ᾱᾱδὸᾱ ᾱᾱσᾱᾱ? - ᾱᾱᾱδᾱ Ἄ-νῆίᾱῖ - Ἰ δᾱῖῖῖῖῖ
 Β ᾱῖῖῖῖῖῖῖῖ ἱᾱῖῖᾱᾱ ὀσᾱῖῖ ἱὸεῖῖῖ ἑᾱῖῖῖῖ ᾱῖῖῖῖ ᾱῖῖῖῖῖῖῖῖ; ἑ ὀδῖᾱᾱ ἁῖῖῖῖᾱᾱ ἑ ἱᾱᾱ ἑ ἑῖῖῖῖᾱ
 ἱᾱ ᾱᾱᾱᾱ Β. Ἐῖᾱᾱ ᾱῖ ἱδᾱῖῖᾱᾱᾱ ᾱᾱᾱᾱ ἱδᾱᾱᾱᾱῖῖῖῖῖ Ἰ ἱᾱ, εὸῖ ἱδῖῖῖῖῖ ᾱᾱᾱᾱῖῖῖῖῖ
 ᾱᾱᾱᾱ Ἰ ἱᾱ? Ἰ ᾱ ἱδᾱῖῖῖῖῖῖῖ ᾱῖῖῖῖᾱ ἱᾱᾱᾱᾱ ᾱᾱᾱ; ᾱῖῖῖῖᾱᾱᾱ - ἱ ᾱῖῖῖῖῖῖῖ ᾱῖῖ Ἰ ᾱῖῖ;
 ᾱᾱᾱᾱᾱᾱ, εῖῖῖῖῖῖ ᾱῖ ᾱᾱᾱᾱᾱᾱ ᾱ ἱᾱᾱᾱᾱ ἱῖῖῖῖ ἱ ᾱῖῖῖῖῖ ἑ ᾱ ᾱᾱᾱᾱᾱᾱ, ἱᾱ ὀᾱῖῖῖ Β:
 ᾱᾱᾱᾱῖῖῖῖ ᾱ ἱδᾱῖῖῖῖῖῖῖ. [Ἐᾱδὸᾱῖ] ᾱᾱᾱ ᾱ ἱᾱᾱᾱᾱ ἱῖῖῖῖ ἱ ᾱῖῖῖῖῖ ἑ ἱδᾱῖῖῖῖῖῖῖ
 ᾱᾱᾱ ἱᾱᾱᾱᾱῖῖῖῖ ᾱᾱᾱᾱ ᾱᾱᾱ Ἰ ἱᾱᾱ, ἱᾱῖῖῖ ἱῖῖ ᾱᾱᾱᾱ ᾱῖῖ Ἰ ᾱῖῖ: ᾱᾱᾱ Β ὀᾱῖῖῖῖ
 εὸᾱ*

(Ἐᾱσᾱῖῖ 1:10-14)

*Ἰᾱῖῖῖῖῖ Β, ἱδᾱῖῖῖῖ ἱδᾱῖῖῖῖῖ ᾱᾱᾱ, ἑ ἱᾱ ᾱᾱᾱᾱ ἱᾱῖῖῖῖῖ
 [ᾱᾱδὸᾱῖῖῖῖῖῖῖ] ᾱᾱᾱᾱ ὀῖῖῖῖῖῖῖῖ ᾱᾱᾱᾱᾱᾱ ᾱᾱᾱᾱᾱ. Ἐᾱῖ ᾱῖῖῖ [ἑ] ᾱῖῖῖῖῖῖ Ἰ ἱᾱ
 ᾱῖῖῖῖῖῖῖῖ ἑ ὀᾱῖῖῖῖῖῖῖ ἱδᾱῖῖῖῖῖῖῖ ᾱᾱᾱ, [ὀῖ] ἱᾱ ᾱᾱᾱᾱ ἱῖῖ ᾱᾱᾱᾱῖῖῖ Ἰ ἱᾱ, ἑ ἱᾱ
 ᾱῖῖῖῖῖῖ ἱᾱ ἱ ὀῖῖῖῖ ᾱᾱδὸᾱῖ [ἑ] ἱὸεῖῖῖ ἑᾱῖῖῖ ᾱῖῖῖῖ ᾱῖῖῖῖῖῖῖῖ.*

(Ài ìñ 5:21-22)

È ÷àì óÌ Ìá äääíá, ÷òì èääò èç Óääù, è äääääíííúé òðíñòíèè èç äääüí äé ñòðáíú? Áññææáí èý ààèè Ìáääíú è æáðòáí ààèè Ìáíðèyòíú Ì Ìá

(Èðì äyá 6:20)

Подобный сравнительный анализ можно было бы продолжить. Однако вывод, на наш взгляд, напрашивается. Между двумя повествованиями о сотворении мира – библейским и вавилонским – есть принципиальные различия. Причем они касаются не только «внешних» – литературных – деталей. Повествования расходятся в описании событий и мотивов, более того, они свидетельствуют о фундаментальных различиях в мировоззрении и теологических подходах.

[1] Э. Гальбиати и А. Пьяцца. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет).

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bibliologia/Diff_Pages/_index.php.

[2] См. напр.: Энума элиш. Библиотека Руслана Хазарзара.

<http://khazarzar.skeptik.net/books/shumer/enuma.htm>.

[3] Песнь о Гильгамеше. Таблица 11.

«ЗА ГРЕХ, КОТОРЫЙ МЫ СОВЕРШИЛИ ПРЕД ТОВОЮ...»

Ààéí Øòáéí çàéíü

Пожалуй, самая значимая молитва в Йом Кипур – видуй – исповедь в грехах, совершенных всем еврейским народом и каждым евреем в отдельности. Эти грехи перечисляют дважды в алфавитном порядке. Начинается молитва словами: «За грех, который мы совершили пред Тобою...» На протяжении дня молящиеся произносят ее десять раз, как в частной молитве, так и в общей.

Стоит обратить внимание не только на грехи и преступления, включенные в пространный список, но и на те, которые не вошли в него. Казалось бы, прежде всего, следовало упомянуть самые распространенные в повседневной жизни, ибо их совершают из-за пренебрежения заповедями или по неграмотности. Однако в этот перечень не вошли нарушения, встречающиеся наиболее часто, например, пренебрежение субботними запретами, употребление запрещенных в пищу продуктов, недозволенные половые связи, уклонение от молитвы или от возложения тфилин, неисполнение заповеди изучения Торы и многие другие. Разумеется, в общей форме все эти грехи включены в исповедь, но они не перечислены по отдельности. Факт поразительный, если помнить о том, что ее текст содержит довольно длинный список разнообразных грехов, связанных со сферой отношений между людьми.

Подробное перечисление подобных преступлений указывает на их особую тяжесть. Неисполнение заповедей, регламентирующих отношения между человеком и Б-гом, – это преступление против Него, не более и не менее! Однако невыполнение Его воли по отношению к ближнему – двойной грех: и перед Творцом, и перед другим человеком. Наши мудрецы сформулировали следующее правило: Йом Кипур искупает только вину перед Всевышним, однако вина перед людьми снимается с человека лишь в том случае, если он извинится перед тем, кого обидел, и будет им прощен (Вавилонский Талмуд, Йома, 85б; Шульхан арух, Орах хаим, 606).

О том, какие тяжкие последствия влекут за собой грехи из сферы межличностных отношений, неоднократно упоминается в Торе, в книгах пророков и в Писаниях, об этом часто напоминают нам мудрецы. Одно из талмудических изречений определяет границы распространения этого явления: «Многие погрязли в воровстве, немногие – в разврате, но все – в злословии» (Бава батра, 165а).

На первый взгляд незачем обращаться к религиозной аргументации, чтобы почувствовать всю несправедность подобного поведения. Жертва избиения, ограбления или клеветы, обиженный или униженный человек предстает перед мысленным взором грешника, и тот может осознать свою вину, спроецировав на себя последствия своего поведения. Разве этого мало для того, чтобы подобное больше не повторялось? Тем не менее люди вновь и вновь совершают ошибки, и, несмотря на законы и довольно суровые формы общественного воздействия, суды активно функционируют, а тюремные камеры заселяются все новыми и новыми обитателями.

Одно из объяснений состоит в том, что нормальный человек необычайно легко осуждает ближних и оправдывает себя. Обычно, нанося вред другому человеку – моральный или материальный, мы всегда находим веские доводы в свое оправдание, так или иначе обосновывая свои действия. Однако в принципе все многообразие аргументов чаще всего сводится к одному: «А он первый начал!» Другой пример широко используемого в самооправдании аргумента: «А почему только ему!» – результат зависти и ревности, продиктованных стремлением к иллюзорному идеалу «равенства» и глубоким убеждением в том, что «мне положено». И разумеется, нельзя забыть утверждение «так ему и надо!», отражающее нашу незыблемую уверенность в своем праве судить и наказывать других за нанесенные нам вред или обиду, несмотря на априорную и очевидную необъективность собственных оценок. Безусловно, подобные аргументы, как правило, формулируются взрослыми и образованными людьми иначе, в более интеллигентной форме, однако их подоплека именно такова.

Чтобы исправиться, недостаточно изменить стиль поведения, раскаяться, искупить вину и примириться с обиженным нами человеком. Прежде всего следует изменить собственную душу, добраться до «корня ядовитого, полынного» (Дварим, 29:17), скопища наших пороков. Именно поэтому в исповеди «За грех, который совершили мы пред Тобою», мы читаем строки, посвященные не частным случаям греха, а лежащим в их основе порокам, которые имеют четкое определение. Нам следует раскаяться не только и не столько в очевидных, однозначно понимаемых грехах, таких, как разврат, мздоимство, ростовщичество, нарушения субботы и кашрута. В этот великий и святой день мы должны тщательно проверить, не водятся ли за нами также «грехи, совершенные неосознанно», «глупые речи».

Да, есть преступления, за которыми стоит «осознанный обман», «отпирательство» и «ложь», есть явно порочные поступки: «обман в торговле», «лжесвидетельство». Но за этой очевидной скверной прячутся более опасные и не столь явные проблемы. Именно от них, как побег от корня и ветвь от ствола, и идет грубое конкретное зло. Это и «высокомерие», и «наглость», и «своеволие». Но, постепенно очищая душу, мы найдем еще более глубокий и скрытый слой – у каждого свой. У одних «упрямство», у других «шутовство». Заглянув в себя, мы обнаружим классические ловушки для души человеческой: «блудливость взора» – кажущееся произвольным подглядывание за тем, что для твоих глаз не предназначено; склонность загонять себя в ситуации, когда грех становится почти неизбежным – «в сборищах разврата». Есть даже грехи, которые совершают порой... «исповедью уст», то есть самим фактом покаяния снимая с себя ответственность, – или взяв на себя право быстрого и легкого суда: «грешим осуждением». Бываем мы виновны и в «твердости», когда жизнь требует от нас гибкости, в «интриганстве», «недоброжелательности», «беспричинной ненависти»... А главное состоит в том, что грехи наши коренятся в той тончайшей, неуловимой субстанции, которую называют «глубиной сердца».

Этот день, возвышающийся над всеми днями года, дает нам повод и возможность взглянуть по-новому на самих себя, в самих себя, устыдиться и раскаяться. Не всё мы в силах изменить, исправить сразу, но можем и должны пожелать исправления.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

СУККОТ ВО ВРЕМЕНА ЭЗРЫ

יְאֵזְרָאֵל עֲבָדֵי יְהוָה

С именем книжника Эзры, жившего в начале эпохи Второго храма, связана не только одноименная книга Танаха, но и многочисленные религиозные реформы, определившие дальнейший облик еврейской религии. В частности, именно Эзре традиция приписывает создание «окончательной редакции» текста Торы. Согласно Талмуду, трактату Софрим, в свитках, сохранившихся после разрушения Храма, имелись разночтения, и ни об одной версии нельзя было с уверенностью сказать, что она соответствует тексту, полученному Моше. Поэтому Эзра и его сподвижники выбрали три версии, сохранившиеся лучше других, и на их основе составили текст Торы, известный нам сейчас.

Книжник Эзра. Педро Берругете.

Музей в Паредес-де-Нава, Паленсия, Испания.

Около 1500 года

Закончив свой труд, Эзра, говоря современным языком, устроил публичную «презентацию». В Рош а-Шана близ Водяных ворот Иерусалима был воздвигнут деревянный помост, и вокруг него собрались все жители города. Взойдя на помост в окружении левитов, Эзра развернул свиток Торы, «и читал из него от рассвета до полудня, пред мужчинами и женщинами и всеми, которые могли понимать; и уши всего народа были приклонены к книге Закона» (Нехемья, 8:3).

Обсуждение услышанного продолжилось и на следующий день. И тут выяснилось, что в течение многих поколений евреи не исполняли одну из заповедей Торы – жить в «кущах» (специальных шалашах) во время праздника Суккот: «На другой день собрались главы поколений от всего народа, священники и левиты к книжнику Эзре, чтобы он изъяснял им слова закона. И нашли написанное в законе, который Г-сподь дал чрез Моше, чтобы сыны Израилевы в седьмом месяце, в праздник, жили в кущах. И потому объявили и провозгласили по всем городам своим и в Иерусалиме, говоря: пойдите на гору и несите ветви маслины садовой и ветви маслины дикой, и ветви миртовые и ветви пальмовые, и ветви других широколиственных деревьев, чтобы сделать кущи по написанному. И пошел народ, и принесли, и сделали себе кущи, каждый на своей кровле и на дворах своих, и на дворах дома Б-жия, и на площади у Водяных ворот, и на площади у ворот Эфраима» (Нехемья, 8:13-16).

То, что на первом обсуждении речь зашла о празднике Суккот, вполне понятно: он наступает 15 тишрея, то есть всего через две недели после Новолетия, когда Эзра читал народу Тору. Кроме того, исторически Суккот оказался первым праздником, который отметили вавилонские изгнанники, вернувшись на родину: «Когда наступил седьмой месяц и сыны Израилевы уже были в городах, тогда собрался народ, как один человек, в Иерусалиме. И поднялся Йеошуа бен Йоцадак и братья его, священники, и Зерубавель бен Шалтиэль, и братья его, и построили они жертвенник Б-гу Израилеву, чтобы возносить на нем жертвы всесожжения, как написано в Торе Моше, человека Б-жьего. И установили они жертвенник на месте его, ибо были они в страхе перед народами других стран; и возносили они на нем всесожжения Г-споду, жертвы всесожжения по утрам и вечерам. И устроили они праздник Суккот, как написано, и [возносили] ежедневные жертвы по числу, [указанному] в законе, каждую – в свой день» (Эзра, 3:1-4).

Однако, на наш взгляд, упоминание здесь праздника Суккот имело глубокое символическое значение. Как мы помним, во времена Храма Суккот был одним из трех Праздников паломничества, когда всем евреям надлежало совершать восхождение в святилище: «Три раза в году весь мужеский пол должен являться пред лице Г-спода, Б-га твоего, на место, которое изберет Он: в праздник опресноков, в праздник Шавуот и в праздник Суккот; и никто не должен являться пред лице Г-спода с пустыми руками» (Дварим, 16:16-17). Поэтому рассмотрим Суккот «в контексте» именно этих праздников.

В Песах еврейский народ празднует исход из Египта, ми-авдут ле-херут – из рабства на свободу. Однако, как пел Владимир Высоцкий, «мне дали вчера свободу – что я с ней делать буду?». Свобода, безусловно, величайшая ценность, но, прежде всего, средство для того, чтобы человек самостоятельно намечал цели и выбирал способы их реализации. Иными словами, недостаточно (хотя и очень важно) иметь возможность делать то, что хочется, – нужно еще и чего-то хотеть.

Соответствующий «проект», а также путь его реализации был предложен евреям во время Дарования Торы (то есть в Шавуот): «Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, а вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Шмот, 19:5-6). Как сказано в Торе, еврейский народ единодушно принял это предложение: «И весь народ отвечал единогласно, говоря: все, что сказал Г-сподь, исполним и будем послушны» (Шмот, 19:5-8).

А что же праздник Суккот? Согласно Торе, в течение семи дней праздника все евреи должны находиться в специальных шалашах (кущах, на иврите «суккот»): «Празднуйте этот праздник Г-сподень семь дней в году: это постановление вечное в роды

ваши; в седьмой месяц празднуйте его; в кущах живите семь дней» (Ваикра, 23:42-43). Согласно Мишне, заповедь пребывания в сукке не связана с какими-либо специальными «ритуальными» действиями. Для выполнения этой заповеди нужно только есть, пить и по возможности спать в сукке – то есть вести там обычную повседневную жизнь.

Исполнение заповеди, предписывающей есть и спать в сукке, возложено только на свободных людей – рабы освобождены от нее (Мишна, Сукка, 2:8). Пребывание в сукке – одна из заповедей Торы. Суммируя, можно сказать, что эта заповедь символизирует свободную жизнь по закону Торы – то есть олицетворяет реализацию идей предшествующих праздников паломничества. Иными словами, Суккот – своего рода «естественное продолжение» Песаха и Шавуот.

Последнее, кстати, справедливо и для праздников месяца тишрей. В Рош а-Шана еврей обдумывает свою жизнь и раскаивается в совершенных ошибках. В Йом Кипур, как мы надеемся, – получает возможность начать с чистого листа. А дальше ему, в прямом и переносном смысле, предстоит «сидеть в сукке», то есть жить по законам Торы, в том числе и в праздник Суккот, который наступает меньше чем через неделю после Судного дня.

Скиния, окруженная шатрами двенадцати колен; вокруг святилища идут приготовления к жертвоприношениям.

Гравюра из книги «Образец, сиречь книга о святом делании».

Бенито Ариас Монтано. 1572 год

А теперь вновь вернемся к событиям эпохи Второго храма. В какой-то мере в те времена произошло повторение «в миниатюре» событий, описанных в книге Шмот. Сначала был «исход»: евреи вернулись в Эрец-Исраэль из Вавилонии, восстановили Храм и получили если не независимость, то, по крайней мере, широкую автономию во внутренних делах. Затем последовало «Дарование Торы»: весь народ, собравшись на площади у Водяных ворот, слушал, как Эзра и его коллеги читали и толковали слова Книги книг: «И читали из книги, из закона Б-жия, внятно, и присоединяли толкование, и

народ понимал прочитанное» (Нехемья, 8:8). При этом Эзра, сознательно или неосознанно, провел эту церемонию так, чтобы у собравшихся возникло как можно больше ассоциаций с Синайским откровением. Теперь оставалось сделать следующий шаг – начать жить по законам Торы. Или, говоря метафорически, научиться «пребывать в сукке».

В поколении Исхода евреи, сказав «исполним и будем послушны», оступились почти сразу, соорудив золотого тельца всего через сорок дней после Дарования Торы. Поколение Эзры осуществляло решение жить по Торе более последовательно. Поэтому неудивительно, что сразу после этого евреи, впервые за много десятилетий, «оказались в сукке» не только в переносном, но и в прямом смысле: «И вся община возвратившихся из изгнания сделала кущи, и поселились они в кущах, как не делали сыны Израиля со времен Йеошуа бин Нуна до того дня. И веселье было очень большое. И читал он (Эзра) книгу Торы Б-жьей каждый день, с первого до последнего дня, и праздновали они семь дней; а на восьмой день было праздничное собрание в соответствии с законом» (Нехемья, 8:17-18).

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

«ЭЙН ЯАКОВ», АНТОЛОГИЯ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ АГАДЫ

איא עין יאקוב

Серия «Библиотека еврейских текстов» вскоре пополнится книгой под названием «Эйн Яаков» («Источник Яакова»). Так называется полная антология талмудических легенд и преданий, собрание всех агадических (не законодательных) текстов Вавилонского и Иерусалимского Талмудов, составленное Яаковом Ибн-Хабибом (1445–1515), великим мудрецом и правоведом, жившим в Испании и Греции. Ибн-Хабиб сопроводил предания лаконичными комментариями, основанными на комментариях Раши и других авторитетов. С течением времени антология, выдержавшая более 100 изданий, стала одной из самых популярных еврейских книг. Особенным почтением она пользовалась в Восточной Европе, ее и поныне ежедневно изучают во множестве синагог. На русском языке «Эйн Яаков» будет опубликован впервые.

В ближайших номерах журнала читатели смогут ознакомиться с обширным предисловием к этому изданию, подготовленным его переводчиком и составителем комментариев.

МЕСТО АГАДЫ В УСТНОЙ ТОРЕ

Предлагаемая читателю книга «Эйн Яаков» представляет собой популярное собрание талмудической агады, составленное в начале XVI века р. Яаковом бен Шломо Ибн-Хабибом и сопровождаемое комментарием составителя. Первый том настоящего издания включает агадический материал, содержащийся в трактате «Брахот» («Благословения») Вавилонского Талмуда.

Словом агада, означающим «повествование», называют обычно ту часть Устной Торы, которая не носит характера непосредственной юридической регламентации. В жанровом отношении к агаде относятся притчи, сказания о праведниках, гомилетические толкования Письменной Торы, нравоучительные сентенции, гимны народу Израиля и Святой земле, рассуждения философско-теологического характера, фрагменты явной и скрытой полемики с саддукеями, гностиками, христианами. Иначе говоря, словом агада называют все то в Устной Торе, к чему не относится определение алаха, т. е. «религиозный закон как таковой».

С этим определением связаны некоторые трудности, поскольку, определяя агаду через противопоставление алахе, мы должны иметь полную ясность в отношении того, что является алахой и где проходят ее границы – как в нормативном, так и в жанровом отношении. Полной ясности в этом вопросе нет, и, соответственно, предложенное выше определение агады остается в известной мере условным. Тем не менее оно очень часто используется и в традиционном еврейском дискурсе, и в современных академических исследованиях, связанных с различными дисциплинами иудаизма.

Для того чтобы понять смысл работы, произведенной р. Яаковом Ибн-Хабибом, и назначение написанной им книги, читатель должен составить хотя бы самое общее представление о еврейской традиции и об источниках, излагающих Устную Тору. К таковым относятся Мишна, Тосефта, Вавилонский Талмуд, Иерусалимский Талмуд и древние сборники мидраша (от глагола דָּרַשׁ – дараш, т. е. «искал», «исследовал», «толковал»), основного до X века жанра экзегетической и гомилетической литературы иудаизма. В силу более или менее очевидных причин особенно авторитетной в еврейской традиции считается та часть агады, которая приведена в Талмуде. Соответственно, именно с Талмуда и надлежит начать краткий очерк источников агады.

Древнейшую часть Талмуда составляет Мишна («Учение»), собранная в единый кодекс на рубеже II и III веков н. э. Составителем и редактором Мишны был рабби Йеуда а-Наси, важнейший из еврейских законоучителей своего времени, родившийся, по легенде, в тот самый день, когда умер мученической смертью рабби Акива. Мишна состоит из 63 трактатов, сведенных в шесть тематических разделов, охватывающих основные области еврейского права. Эта часть Талмуда, сложившаяся в Эрец-Исраэль и изложенная на постбиблейском иврите, имеет своей основой древние собрания алахот – конкретных правовых установлений. Последние восходят к различным источникам и имеют долгую историю изустной передачи, прослеживаемую с ранних хасмонейских времен, тогда как сама отраженная в них традиция возводится иудаизмом к моменту дарования Торы на горе Синай.

Мудрецы, суждения которых приводятся в Мишне, называются арамейским словом тана, т. е. «повторяющий», «пересказчик»; в русском языке в указанном значении используется форма «танай», во множественном числе – «танаи». Период танаев делят в хронологическом отношении на шесть поколений. Первое и второе поколения танаев жили еще до разрушения Храма (70 год н. э.) или были его современниками, третье и четвертое поколения танаев жили до восстания Бар-Кохбы (132–135 годы н. э.) или были его современниками, пятое и шестое поколения танаев жили в период от восстания Бар-Кохбы до кодификации Мишны в конце II – начале III века. Понятно, что такое деление неизбежно является очень условным; говоря о принадлежности того или иного таная к определенному поколению, имеют в виду период его наибольшей активности и круг его связей с другими законоучителями.

Мудрецов последующих поколений, силами которых на основе Мишны была создана Гемара, т. е. собственно Талмуд, называют амораями, от арамейского слова амора – «говорящий». Само слово Гемара является синонимом Талмуда; его часто переводят как «завершение», по значению слова גְּמָרָא (гамар) в иврите, но в арамейском языке тот же корень ג"מל обозначает «учить», «изучать», и, соответственно, Гемара может рассматриваться как синоним Талмуда не только в терминологическом смысле, но также и по буквальному значению обоих слов.

Помимо канонического текста Мишны, составленного рабби Йеудой а-Наси, в Талмуде упоминаются и другие антологии танаического материала – сборники рабби Ошаи, рабби Хии, Бар Капары и др. Ни один из этих сборников до нас не дошел, но во времена Талмуда различие между ними и собственно Мишной было вполне актуальным. По этой причине приводимый в Талмуде танаический материал именуется арамейским словом матнитин, т. е. «наша Мишна», если он имеет своим источником текст, составленный рабби Йеудой а-Наси. Танаический материал из любого другого источника называется арамейским словом барайта («внешняя») и приводится в Талмуде с соблюдением определенных правил цитирования.

Отдельным систематизированным собранием не вошедшего в Мишну танаического материала является Тосефта, т. е. «Дополнение» или «Дополнительная». Составленная в структурном и смысловом соответствии с корпусом Мишны, она содержит развернутые пояснения и дополнения к последней, причем в некоторых случаях материал Тосефты не имеет прямых параллелей в Мишне. Считается установленным, что, наряду с относительно поздним (III–V века) компилятивным материалом, Тосефта имеет древнюю текстуальную основу, предшествовавшую кодификаторскому труду рабби Йеуды а-Наси. Судя по ряду признаков, включая сходство приводимых в Иерусалимском Талмуде барайт с материалом Тосефты, последняя была известна в Эрец-Исраэль значительно лучше, чем в Вавилонии. В последующие века, во времена гаонов^[1] и далее, Тосефта изучалась и комментировалась намного меньше, чем текст Талмуда и в первую очередь текст Вавилонского Талмуда.

Титульная страница книги Яакова бен Шломо Ибн-Хабиба «Эйн Яаков» («Источник Яакова»).

Венеция.

1546 год

Как уже отмечалось выше, общей основой обоих Талмудов является Мишна. В последующий период изучение и обсуждение Мишны производилось параллельно в двух главных центрах еврейской учености – в ешивах Земли Израиля и Вавилонии. С этим связано возникновение двух Талмудов, заметно отличающихся друг от друга как по языку (они составлены на существенно разных диалектах арамейского), так и по содержанию.

Вавилонский Талмуд охватывает 36 трактатов Мишны; его создание продолжалось до конца V века, после чего в вавилонских ешивах Суры и Пумбедиты еще два века велась работа еврейских ученых, дополнивших текст Талмуда и осуществивших его редактуру в плане выделения доминантного мнения, единого стиля подачи материала и т. п. Этих ученых, стоящих между амораями и гаонами (для последних Талмуд представляет собой уже законченный и не подлежащий редакторской правке текст), называют савораями, т. е. «имеющими суждение», от арамейского слова савара – «мнение», «суждение». Среди современных исследователей приняты разные мнения о продолжительности периода савораев и относительно его сущности – в плане различия между савораями и поздними амораями, с одной стороны, и между савораями и гаонами – с другой. Приведенная здесь оценка, согласно которой деятельность савораев продолжалась около двухсот лет, отражает подход старой академической школы, совпадающий в основном с той оценкой, которая высказывалась по этому поводу уже и средневековыми еврейскими авторами[2].

Иерусалимский Талмуд охватывает 39 трактатов Мишны, но по общему объему текста он примерно в три раза меньше Вавилонского Талмуда, в котором дискуссии, как правило, обстоятельнее, с большим числом отступлений и т. п. Кроме того, процесс создания Иерусалимского Талмуда в ешивах Ципори, Кейсарии, Тверии и Лода внезапно прервался во второй половине IV века. Это, по всей вероятности, было связано с каким-то значительным ухудшением условий существования в Эрец-Исраэль, будь то разрушительное землетрясение в Галилее или карательный поход, предпринятый римлянами в ответ на еврейское восстание 351 года.

Мы располагаем очень скудными сведениями о причинах, характере и масштабах этого восстания. Римский историк Аврелий Виктор, повествуя о войне Констанция II и Магненция, боровшихся в середине IV века за римский престол, сообщает: «Между тем подавлено было восстание иудеев, которые нечестно создали как бы свое царство и возвели на престол Патриция» («О цезарях», XLII, 11). Неизвестно, кем был упоминаемый в этом лаконичном фрагменте Патриций. Христианский историк Иероним пишет, что еврейское восстание 351 года было подавлено Галлом, римским правителем на Востоке, причем были убиты «многие тысячи человек, даже и безвредного возраста». Он также упоминает в связи с экспедицией Галла о разрушении римлянами Ципори, Тверии и Лода. В известных нам еврейских источниках не упоминаются ни Патриций, ни Галл, но в них говорится об Урсицине – военачальнике Галла – и произведенных им гонениях в Галилее и Лоде.

С чем бы ни было связано внезапное прекращение работы по созданию Иерусалимского Талмуда, именно Вавилонский Талмуд, более полный и систематизированный, оказался впоследствии основным источником еврейского права и главным предметом изучения в ешивах. Даже в тех общинах средиземноморской диаспоры, которые создавались и пополнялись выходцами из Эрец-Исраэль, со временем возобладала алахическая школа, опиравшаяся на Вавилонский Талмуд. Лишь в египетском Кейруане и в некоторых общинах Магриба текстом Иерусалимского Талмуда продолжали руководствоваться в период раннего Средневековья. Оттуда он попал в Испанию и в ашкеназские страны Европы. Древнейшей рукописью всего текста Иерусалимского Талмуда является так называемый Лейденский манускрипт 1289 года.

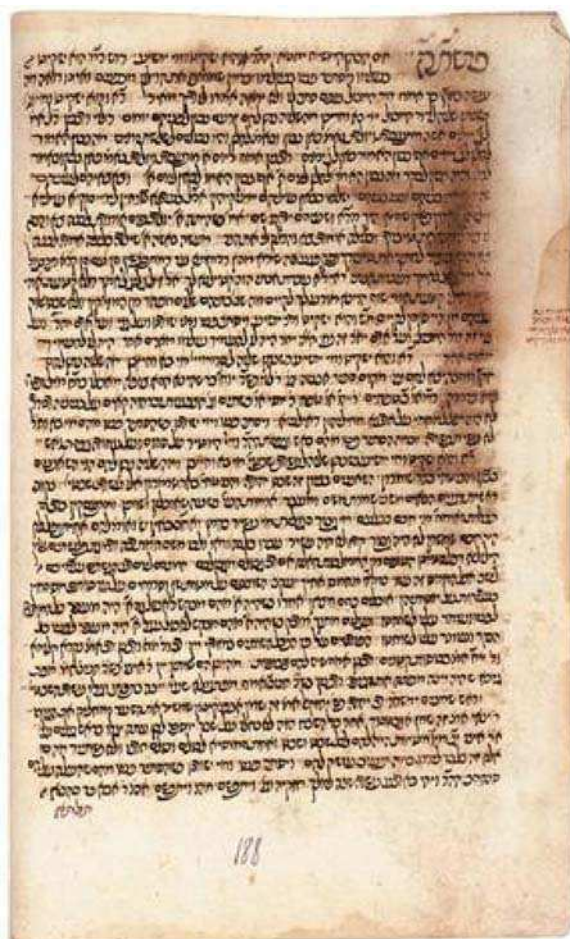
В Мишне агады относительно немного. Она приводится главным образом в конце трактатов или играет служебно-композиционную роль при изложении взглядов того или иного законоучителя. В Вавилонском Талмуде агада составляет около четверти текста, в Иерусалимском Талмуде – около трети. Последнее объясняется, в частности, тем,

что в создании агады еврейству Эрец-Исраэль принадлежала особая роль. Еще более явным образом эту роль отражает тот факт, что практически все сборники мидраша за пределами талмудического корпуса сохраняют агаду, изучавшуюся в ешивах Страны Израиля и излагавшуюся на местном варианте постбиблейского иврита или на галилейском диалекте арамейского языка.

Само слово мидраш тесно связано с агадой, поскольку большинство сборников мидраша содержит именно агадический материал. Но мидраш как метод толкования Письменной Торы равным образом применялся и к повествовательной, и к законодательной ее части. Главной особенностью этого метода является внеконтекстная интерпретация, т. е. такое толкование, для которого достаточной единицей текста может служить не только логически завершённый фрагмент или хотя бы фраза, но и отдельное слово и даже морфема. Одним из видов мидраша является так называемый мидраш паршани, или экзегетический мидраш, представляющий собой последовательное толкование стихов определенной книги Писания. По своей форме он напоминает комментарий к Писанию, но это лишь внешнее сходство, поскольку мидраш есть множество мало зависящих друг от друга толкований к отдельным стихам данного текста, составляющим их словам и морфемам. При этом в обсуждении одного стиха может принимать участие – и, как правило, принимает участие – множество законоучителей.

Собственно комментарий как основной экзегетический жанр в еврейской традиции, имеющий своей важнейшей характеристикой принцип когерентности комментируемого текста и интерпретаторского подхода, пришел на смену мидрашу в X веке, и эта перемена связана с личностью и творчеством р. Саадьи Гаона, одного из последних в ряду великих еврейских законоучителей Вавилонии. Несколько позже, уже в XI–XIII веках, замечательные комментаторы Писания появляются в еврейских общинах Франции и Испании; это р. Шломо Ицхаки (Раши, 1040–1105), р. Авраам Ибн-Эзра (около 1092 – 1164), р. Шмуэль бен Меир (Рашбам, 1080–1160), р. Давид Кимхи (Радак, 1160–1235), р. Моше бен Нахман (Рамбан или Нахманид, 1194–1270), р. Леви бен Гершом (Ральбаг или Герсонид, 1288–1344) и др. Мидраш несомненно являлся для средневековых еврейских комментаторов Писания авторитетным источником, но их собственная методология была принципиально иной; в частности, она допускала прямую полемику с мидрашем в конкретных вопросах, связанных с выяснением прямого смысла Писания.

Отметив выше равную приложимость мидраша к повествовательной и законодательной частям Письменной Торы, мы вплотную подошли к факту существования алахического и агадического мидраша. К первой категории принадлежат три важных сборника: «Мехильта», «Сифра» и «Сифрей». Эти сборники охватывают четыре из пяти книг Пятикнижия: Шмот, Ваикра, Бемидбар и Дварим[3]. К первой книге Пятикнижия, Берешит[4], нет отдельного алахического мидраша, поскольку в этой книге почти не содержится заповедей, т. е. собственно законодательной части она не имеет.

Страница из манускрипта «Мидраш раба».

Испания.

XV век

«Мехильта» (буквально: «мера»; в значении, близком греческому «канон»), именуемая также «Мехильта де-рабби Ишмаэль», представляет собой алахический мидраш на книгу Шмот; окончательную редакцию этого сборника датируют III–IV веками н. э. «Сифра», т. е. «Книга», именуемая также «Сифра де-вей Рав» («Книга дома Рава») или «Торат коаним» («Учение о священниках»), есть часто упоминаемый в Талмуде алахический мидраш на Ваикра. Наконец, «Сифрей» («Книги») есть алахический мидраш на Бемидбар и Дварим; окончательную редакцию этого сборника, также упоминаемого в Талмуде, датируют III веком н. э. При этом «Сифрей Бемидбар» считается относящимся к школе рабби Ишмаэля, а «Сифрей Дварим» – к школе рабби Акивы.

Помимо упомянутых выше, до нас дошли во фрагментах еще три сборника алахического мидраша: «Мехильта де-Рашби» к книге Шмот, «Сифрей Зута» («Малая Сифрей») к книге Бемидбар и «Мехильта» к книге Дварим (так называемый «Мидраш танаим»). По всей видимости, в древности существовали полные сборники алахического мидраша ко всем четырем книгам Пятикнижия, содержащим конкретные заповеди; эти сборники отражали параллельную традицию обеих упомянутых школ, рабби Ишмаэля и рабби Акивы, но до нас они дошли в неполном и частично пересекающемся виде.

Ко второй категории, т. е. к агадическому мидрашу, относится, прежде всего, собрание «Мидраш раба», включающее толкование всех книг Пятикнижия и пяти так

называемых «свитков» (мегилот), т. е. тех книг Писания, которые читаются целиком в определенные даты. Это Шир а-ширим, Рут, Эйха, Коелет и Эстер^[5], публичное чтение которых производится в синагогах в субботу праздника Песах (Шир а-ширим), в Шавуот (Рут), в пост Девятого ава (Эйха), в субботу праздника Суккот (Коелет) и в Пурим (Эстер). Каждая из частей «Мидраш раба» именуется по той книге Писания, к которой она относится, например: «Берешит раба», «Рут раба» и т. п. Эти названия окончательно закрепились в XVI веке, когда «Мидраш раба» был напечатан в качестве единого сборника, а до тех пор различные его части были известны и цитировались под разными названиями. Например, «Рут раба» упоминается в источниках до XVI века как «Мидраш Рут» или «Агадат Рут».

Название «Мидраш раба» связано с именем р. Ошай Раба, жившего в начале III века н. э. и принадлежавшего к первому поколению амораев Страны Израиля. Высказыванием этого законоучителя открывается «Берешит раба», несомненно древнейшая из частей «Мидраш раба», составленная в основном до конца V века. К ней близки по времени «Ваикра раба» и «Эйха раба», тогда как прочие части «Мидраш раба» оформились значительно позже, уже по завершении Вавилонского Талмуда и даже вплоть до XI–XII веков (этим временем датируется окончательная редакция «Шмот раба» и «Бемидбар раба»). Следует, однако, понимать, что поздняя, окончательная редакция некоторых частей «Мидраш раба» вовсе не исключает того, что в них приводятся иногда аутентичные высказывания танаев и амораев.

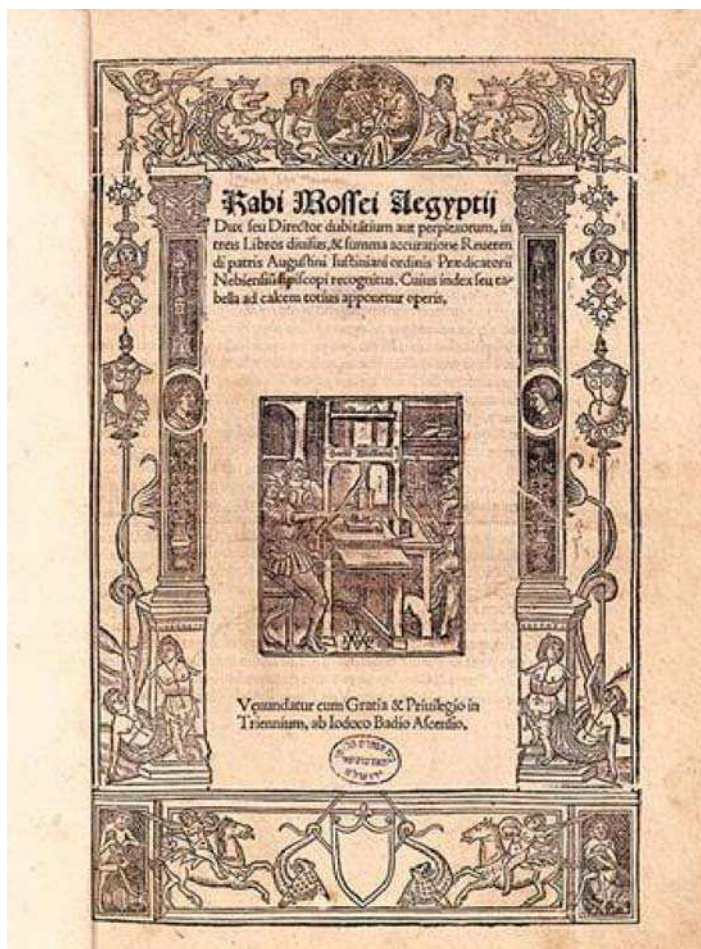
К числу ранних сборников мидраша, обретших свой сегодняшний вид еще во времена амораев, относится «Песикта де-рав Каана». Эта книга, датируемая началом V века, представляет собой сборник проповедей к различным разделам Торы и к афтарот, т. е. главам из книг пророков, читаемым по субботам и в праздники в связи с тем или иным разделом Торы.

Другими важными сборниками агадического мидраша являются «Псикта рабати», «Мидраш Танхума», «Пиркей де-рабби Элиэзер», «Тана де-бей Элияу», антология «Ялькут Шимони», антология «Шохер тов» и др. В данном очерке не ставится задача подробного рассмотрения проблем, связанных с литературой мидраша и с датировкой различных сборников, в которых она сохранилась. Отметим лишь, что процесс изучения и издания не публиковавшихся ранее рукописей, содержащих более или менее значительные фрагменты агадического материала, продолжается до настоящего времени. В связи с вышесказанным читатель может составить первое представление о работе, произведенной р. Яаковом Ибн-Хабибом в XVI веке. Поставив перед собой задачу собрать воедино всю талмудическую агаду, он преуспел в том, что касается агады Вавилонского Талмуда, и лишь частично – в собирании агады из Иерусалимского Талмуда, многие тома которого были ему недоступны даже в Салониках, где он мог пользоваться одной из лучших библиотек своего времени. Но об этом пойдет речь ниже, в главах «Замысел составителя» и «Судьба книги».

РОЛЬ АГАДЫ В УСТНОЙ ТОРЕ

Сказав о месте агады в Устной Торе, мы должны хотя бы кратко коснуться вопроса о ее образности, так часто смущающей разум и религиозное чувство. В трактате «Брахот», которым открываются и Талмуд, и воспроизводящий его структуру «Эйн Яаков», особенно много высказываний, бросающих вызов нормативным представлениям иудаизма о Б-ге, лишенном тела и стоящем неизмеримо выше любой материальной обусловленности. Таковы, при буквальном их понимании, высказывания мудрецов о тфилин Святого, благословен Он, и о Его молитве, о явлении Ахатриэля Г-спода Цеваота

первосвященнику рабби Ишмаэлю в Святой святых иерусалимского Храма, о рычании Святого, благословен Он, в каждую стражу ночную. Почти столь же странно звучат рассказы о несметных полчищах окружающих человека чертей и способах их выслеживания, о подслушанных на кладбище разговорах душ, о просьбе умершей девушки прислать ей расческу и краску для глаз с женщиной, которая скоро умрет, и т. п.

Латинский перевод «Море неухим» («Путеводитель растерянных»), первое печатное издание. Париж.

1520 год

В своих примечаниях я старался приводить основные идеи, которые высказывались комментаторами Талмуда в связи с фрагментами подобного рода, но более полагаюсь на способность читателя постепенно составить собственное представление о феномене агады, угадав по прочитанному и осмысленному ее роль, методологическую специфику, вероучительное назначение. И все же мне кажется необходимым привести здесь суждения двух авторитетных учителей о характере агады и надлежащих способах ее восприятия. Эти учителя жили в разное время и принадлежали к существенно разным школам; можно сказать, что именно это делает их суждения в достаточной мере представительными.

Первым из них является р. Моше бен Маймон, он же Рамбам или Маймонид, великий еврейский философ и законоучитель, родившийся в Кордове около 1135 года, бежавший оттуда в Марокко с воцарением фанатичной династии Альмохадов в мусульманской Испании и нашедший затем, после долгих скитаний, пристанище в Фостате, где он стал личным врачом Аль-Фадила, фактического правителя Египта после

отъезда оттуда Салах ад-Дина в 1174 году. Во введении к первой части своего знаменитого философского труда «Море невухим» («Путеводитель растерянных») Рамбам излагает общие принципы «толкования глубоко таинственных аллегорий, содержащихся в пророческих книгах и при том не оговоренных явно как аллегии, так что невежде и глупцу представляется, будто они могут быть поняты буквально и нет в них скрытого смысла». Из сказанного им там же следует, что эти принципы применимы и к агаде, поскольку «мудрецы, благословенна их память, говорили... загадками и аллегориями, следуя примеру Писания». Итак:

Ēḥp-īi ē iīīēi ai ēp aiāā, pēāai iīā i dīdēai ē <...> nēōēō iīīēi ai ēā oīā, ÷ōi idāāpōāēyḥō māīē ēō āēēāādeē ē ēāēīā ēō m ūnē, ā oāēēā ēpōīēēīāi ēā nēēnōāi iūō ēi mīmāīā āūdāēāēy... Aiāīdēōīy ā i ēādāōā «Ī ā ÷ōi āūēē iīōīāē nēīāā ōīdū āi oīā, ēāē iīyāēēīy ōēīi i? Ī ā āūāīēēē ēīēīāō m pōōāīīē āīāīē, iēēīi oīā oāāāēīmīēmēōūēçīāā. ×ōi āā nāēāē īāēī i oādāō? Ī i nāyçāē āādāēō n āādāēīē, oīōō m oīōōi, çā-ādīōē ē ēmēē. ōāē ōēīi i i dē m āēī yē i dēō-ō ē i dēō-ā nēīāī ē nēīāō āi oāō iīō, iīēā īā āīnō ēā nēīā ōīdū» [6]. ōāēīāā āī nēīāī i ēō dā-ū

Не думаю, что хотя бы один человек с неповрежденными умственными способностями может вообразить, будто упомянутые здесь «слова Торы», для понимания которых пришлось прибегнуть к приему, состоящему в уяснении смысла притч, – это законы об устройстве кущей, о лулаве или закон о четырех видах хранителей[7]; но, без всякого сомнения, здесь подразумевается понимание глубоких материй.

Там же написано: «Говорят наши учителя: тот, у кого потерялась дома села или жемчужина, зажигает фитиль ценой в исар и находит жемчужину[8]; так и притча сама по себе – ничто, но благодаря притче становятся слова Торы яснее зримыми». Это также дословная цитата. Вдумайся в ясные слова [мудрецов] благословенной памяти: внутренний смысл «слов Торы» – это «жемчужина», а внешняя сторона любой аллегии – «сама по себе ничто». Они уподобили сокрытие аллегорически изображаемого смысла во внешнем плане аллегии потере жемчужины в темном доме; дом полон всевозможной утвари, так что хотя и жемчужина находится здесь, [человек] не видит ее и не ведает, где она. Она словно бы оказалась за пределами его владения, ведь он никоим образом не может воспользоваться ею до тех пор, пока, как было упомянуто, он не зажжет светильник, что соответствует пониманию смысла аллегии.

Сказал мудрец: «Золотые яблоки с серебряным украшением (צֹפֹף בַּחֲצִי'וֹ) – слово, сказанное разумно» (Мишлей, 25:11). Выслушай разъяснение мысли, которую он здесь высказал. [Слово] חֲצִי'וֹ означает ажурные резные украшения, то есть такие, в которых есть места, усеянные мельчайшими отверстиями, как это делают ювелиры... Итак, здесь говорится, что золотому яблоку в серебряной сетке с чрезвычайно мелкими ячейками подобно слово, сказанное в двух смыслах.

Возри, сколь дивно это изречение описывает мудро устроенную аллегию! Ведь, как здесь говорится, речению, наделенному двумя ликами (я имею в виду то, что в нем есть и внешнее, и внутреннее), подобает, чтобы наружный вид его был прекрасен, как серебро, а внутренний смысл был прекраснее внешнего смысла, так, чтобы внутренний смысл в сравнении с внешним был как золото в сравнении с серебром. Подобает также, чтобы во внешней стороне аллегии имелось бы нечто, дающее внимательному наблюдателю указание на то, что скрыто внутри, – подобно тому, как это золотое яблоко, покрытое серебряной сеткой с мельчайшими ячейками, если смотреть на него издали или не слишком внимательно, можно принять за серебряное; если же обладатель зоркого

взгляда всмотрится в него чрезвычайно пристально, ему станет ясно, что находится внутри, и он узнает, что оно – золотое...

И знай, что пророческие аллегории бывают двух типов: в некоторых аллегориях каждое слово фиксирует некоторое понятие; в других – только вся аллегория в целом выражает все аллегоризируемое понятие в целом; в этой аллерегии может быть очень много слов, не всякое из которых добавляет что-либо аллегорически изображаемому понятию, но, быть может, служит либо украшению аллерегии, либо упорядочению ее речений, либо цели еще большего сокрытия подразумеваемого, для чего речения ее последовательно приводятся в соответствие со всем тем, что вытекает из внешнего смысла этой аллерегии...

Уразумей хорошенько эти мои слова, ибо это принцип, важный и значительный для того, что я намереваюсь разъяснить. И когда ты обнаружишь, что в какой-либо из глав этого трактата я объяснил смысл одной из аллерегий и указал тебе, в чем состоит аллерегизируемый предмет в целом, не вдавайся в исследование каждой смысловой детали, содержащейся в аллерегии, пытайся найти ей соответствие в подразумеваемом предмете. Ибо это приведет тебя к одному из двух: либо ты уклонишься от темы, которая подразумевается в аллерегии, либо ты возложишь на себя бремя истолкования того, что на самом деле не имеет истолкования и не предназначено быть истолкованным. И приведет тебя это твое бремя к чему-то вроде тех грандиозных нелепиц, которыми бредит и которым посвящает книги большинство различных сект в сегодняшнем мире, ибо каждая из них стремится обнаружить некий особый смысл в словах, под которыми произнесший их не подразумевал ничего подобного тому, что они стремятся обнаружить. Твоей же целью всегда должно быть – касательно большинства аллерегий – познание того целого, для передачи которого они и предназначены[9].

Философское учение Рамбама справедливо относят к полюсу религиозного рационализма, но вполне ощутимая эзотеричность была присуща и этому рационалистическому учению. Выражалась она, например, в том, что, отождествляя «учение о Начале» (маасе Берешит) с естественными науками и «учение о Колеснице» (маасе Меркава) с теологией[10], Рамбам полагал, что даже и в том, «что касается природных вещей, невозможно публично преподавать некоторые начала в их истинном виде... ибо между этими предметами и Б-жественной наукой существует тесная связь, так что они тоже относятся к числу тайн Б-жественной науки»[11]. Тем более ограничены, с точки зрения Рамбама, возможности обучения Б-жественной науке как таковой. С этим связана необходимость постоянного обращения к притчам и аллегориям в вопросах вероучения:

Ííyòíì ó èíáá èpáíé ì óáðá, [ííçíàpùèé] Á-æáíòáí Á-íííáà è íáðáòøèé èíòèíó, íáí áðáááòííy ìðáííááòù íá:òí, íòíííyááííy è yòíé íòðáííè çíáíéy, íí ááíðèò íá yòíì íá èíá:á èáé ìðèááííy è áèèááíðèyí è çáááèáí. È [ì óáðáòù] ííçááèè ì ííæáíòáí òáèèò áèèááíðèé, ííæáá èò ðáçèè:íúè è íí æáò è ááæá íí ðíáó Áíèíøèííòáí èç íèò íííòðíáíí òáé, ÷òí èíèíí ùé íí ùíè çáèèp:áí èèáí á íá:áèá áèèááíðèé, èèáí á íáðáíèíá èèáí á èííóá áá - á òíí íèò:áá áííè íá óáááèííí ííáíáðáòù áèèááíðèp, íò íá:áèá è áí èííóá ííòááòííòáðpùòp æáèááí íí ó íí ùíèá Èííáá èì ìðèòíáèèííí ðáí:èáíyòù íííyòèá, èíòíðíá ííè íáí áðáááèèíí ìðáííááòù òíí ó èíá íáò:áèè, ìðèááííy è íáíèíèíèèí íáíííæèí ì æéáó íáíé áèèááíðèyí, óíòy íáí í íííyòèá ááèíí. Áùá íèíáèíáá íèò:áè, èíáá íáíá è òá æá áèèááíðèy ííáðáçòí ááááò íáíèíèíèí ðáçèè:íúò íííyòèé, òáé ÷òí íá:áèí áèèááíðèé ííòááòííòááò íáí íí ó èç íèò, á èííáò - áðááí ó Èííáá æá ííá òáèèèíí yáèyáòííy áèèááíðèé áááò áèèèèèò íííyòèé, íòíííyááííy è íáí íí ó æéáó çíáíéy[12].

Зверобой обыкновенный – трава, изгоняющая демонов. Иллюстрация из еврейского средневекового манускрипта.

XV век.

Французская национальная библиотека

Совершенно иначе понимал «учение о Начале» и «учение о Колеснице» р. Моше-Хаим Луццато (Рамхаль), знаменитый еврейский мыслитель и каббалист, живший в Италии в первой половине XVIII века. Но при этом назначение некоторого вида принятых в агаде образов и высказываний он объяснял, в сущности, так же, как и Рамбам:

Речения мудрецов в агаде делятся на два вида: к первому относятся речения научающие, ко второму – речения поясняющие. Научающими являются такие речения, которые излагают основы нравственной и Б-жественной мудрости, тогда как поясняющие речения разъясняют сказанное в Священном Писании. О речениях, научающих нравственному, нет необходимости говорить отдельно, поскольку польза их очевидна и красота их зрима, так что и возражающему возразить на них нечего, и упрямому в них не споткнуться. Но поговорим теперь о речениях, научающих Б-жественному.

Ты уже знаешь, что побудило наших благословенной памяти мудрецов записать слова Устной Торы после того, как было принято у них издревле не записывать подлежащее передаче изустной. Но увидели они, что суждения людские всё больше ослабевают в долгом изгнании и со сменой времен; уменьшается память, становится постижение короче – и выходит, что забывается Тора. Потому предпочли они, следуя принципу «Время делать для Г-спода, нарушили Твой закон» (Теилим, 119:126), записать объяснение всех заповедей, дабы сохранялось оно незыблемым во все времена, и это включает Мишну и Гемару.

И еще присмотрелись они и увидели, что опасение это уместно не только в отношении заповедей, но также и в отношении скрытых смыслов Торы и основ Б-жественного учения. Но решение, найденное ими для заповедей, не годилось для скрытых смыслов, потому что в общедоступном письменном разъяснении заповедей и

практических установлений нет никакого ущерба, тогда как скрытые смыслы негоже передавать всякому, кто хочет обрести имя[13], – как по причине драгоценности этого знания, так и по его глубине. Что касается драгоценности этого знания, то не соответствует славе Творца, да будет Он благословен, чтобы были отданы Его тайны в руки людей дурных качеств, даже если они достигли многого в мудрости. Что же до глубины, то это и в самом деле предметы очень глубокие, и преуспеть в них способны лишь люди ясного разума и весьма искушенные в умопостижении, тогда как грубые умы, постижению не обученные, испортят драгоценные истины и превратят их в дурные суждения.

Потому и прибегли они к половинчатому решению, а именно: записали [скрытые смыслы Торы], чтобы не были те утрачены для последующих поколений, но сделали это таинственно, посредством различных загадок – так, что понять их сможет лишь тот, кому будут переданы ключи, то есть правила понимания намеков и разъяснения этих загадок. А для тех, кому не переданы ключи, останутся эти слова запечатанной книгой, как будто и вовсе не были записаны. Ключи же оставили они своим ученикам, и полагались они на них в том, что и те не передадут их никому, кроме достойных своих учеников, и так – из поколения в поколение. И предупредили они, и повелели, чтобы так же предупреждал всякий просвещенный учитель в будущем, что «слова мудрецов и загадки их» (Мишлей, 1:6) требуют изучения, а тот, кто приближается к ним, не имея ключей в руке, ищет преткновения. Сделав же это предупреждение, они сняли с себя ответственность за того, кто дерзнет войти, не имея ключей. Если споткнется такой человек, упадет и сломает себе хребет, кровь его будет на нем, а они душу свою спасли[14].

Далее Рамхаль излагает некоторые принципы, способные послужить ключами тому, кто стремится «обрести имя» в изучении агады, излагающей основы Б-жественной мудрости. Эти принципы во многом напоминают подход Рамбама, предлагающего высматривать золото подлинного сокровища за ажурной серебряной вязью: речь у обоих авторов идет об умении распознать аллегория, правильно оценить границы ее применимости, осознать ее назначение – и не остаться пленником условного, принижающего образа. Рамхаль также отмечает, что высказывания мудрецов, отражающие научные представления их времени, не имеют своей задачей обучение естественным наукам. Мудрецы Талмуда использовали научное знание для изложения духовного содержания все тем же аллегорическим методом – и потому «ничего не прибавит и не убавит к истинности того, что они хотели обозначить намеком, истинность или ложность того одеяния, в которое они облачили свое поучение».

Затем, говоря уже о «речениях поясняющих», то есть о той разновидности агады, которую мы отнесли бы сегодня к категории экзегетического мидраша, Рамхаль выделяет три главных типа таких речений. К первому типу он относит речения, посредством которых мудрецы пытаются раскрыть прямой смысл сказанного в том или ином месте в Писании, согласно их пониманию. Ко второму типу Рамхаль относит речения, раскрывающие намек, заключенный в словах Писания, но не связанный с прямым смыслом этих слов или, во всяком случае, не исчерпывающий их прямого смысла; способность к распознаванию и раскрытию таких намеков Рамхаль связывает с полученной мудрецами традицией. Наконец, к третьему типу Рамхаль относит речения, которыми раскрывается истинная многозначность Писания. Это подразумевает наличие в определенном стихе либо фрагменте Писания двух или более равноправных смыслов. В таких случаях речения мудрецов могут считаться раскрывающими прямой смысл Писания, но не единственный прямой смысл трактуемого ими стиха или фрагмента. Убеждая своих читателей не смущаться, когда они находят слова агады искажающими

прямой смысл Писания, Рамхаль уверяет их в том, что они обретут истину и покой, если сумеют понять, к какому из указанных типов относится то или иное речение мудрецов, и научатся распознавать границы каждого из этих типов.

При написании данного очерка я не задавался целью составить исчерпывающее наставление в «правильном» восприятии агады. Но, с другой стороны, обойти молчанием связанные с этим вопросы было невозможно, и приведенные здесь суждения Рамбама и Рамхала призваны дать читателю минимальное представление о том, какие идеи высказывались авторитетными еврейскими учителями в связи с проблемой «ключа» к надлежащему пониманию агадического материала.

Наконец, здесь же уместно дать некоторые общие сведения по теме, часто обсуждаемой в Талмуде вообще и в трактате «Брахот» в особенности. Эта тема способна смутить современного читателя, как смущала она в прошлом и многих еврейских авторов, в первую очередь – религиозных философов, но не только их. Речь идет о распространенной во времена Талмуда вере в чертей, их повсеместное присутствие и необходимость защищаться от их происков.

Начать следует с того, что в Писании содержится всего два прямых упоминания о чертях, и оба раза в контексте обличения языческих культов, получивших распространение среди сынов Израиля в земле Ханаанской (Дварим, 32:15-18 и Теилим, 106:37-38). Для перевода ивритского слова שְׁדִיִּים (шедим) Септуагинта в обоих случаях использует греческое слово δαιμονες, т. е. «демоны». Кроме того, в аналогичном контексте изобличения языческих культов в Ваикра, 17:7 и Диврей а-ямим II, 11:15 упоминаются שְׁעִירִים (сеирим), дословно: «косматые» или «козлы». Арамейские таргумы Онкелоса и Йонатана в обоих случаях переводят это слово как шедин (арамейская форма слова шедим), а р. Гилель Альтшуллер пишет в комментарии «Мецудат-Цион» в связи с Диврей а-ямим II, 11:15: «Это черти, являющиеся в облике козлов (сеирим) тем, кто в них верит». Из сказанного в Йешаяу, 13:21 и 34:14 можно заключить, что местом обитания сеирим считалась пустыня.

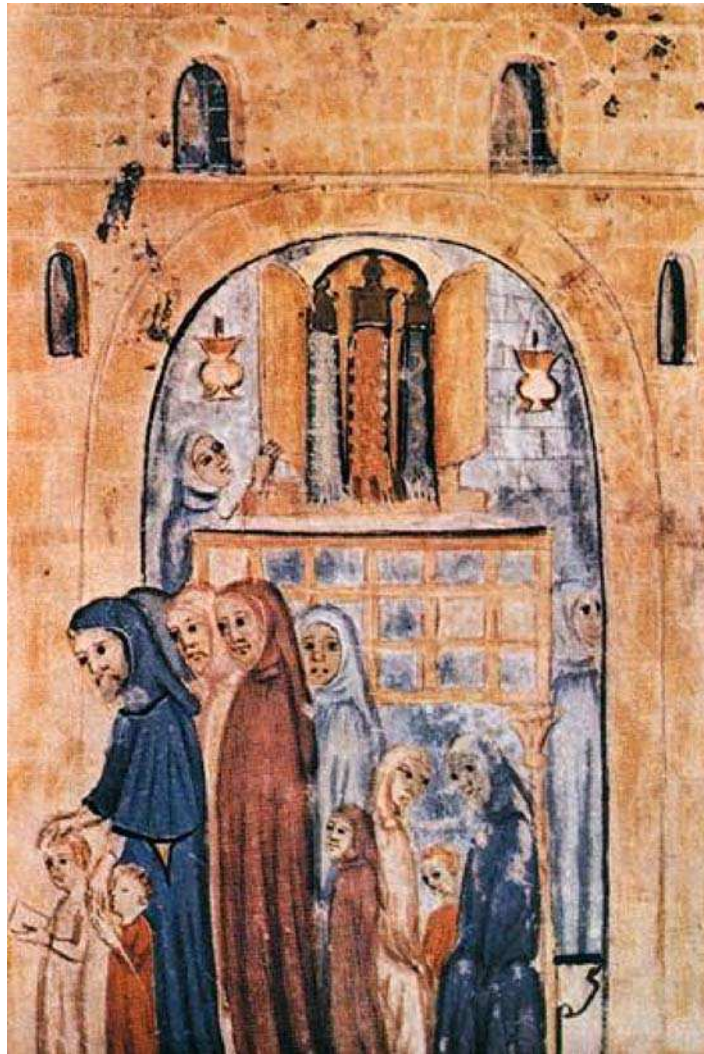
Кроме того, в Писании встречаются и некоторые другие, явные и скрытые, упоминания демонических персонажей. К явным относится תִּלְלִיל (лилит или Лилит), упоминаемая только один раз в Йешаяу, 34:14, причем Ибн-Эзра требует там метафорической интерпретации, а Радак допускает, что это название какого-то ночного животного или птицы. К скрытым упоминаниям демонических персонажей можно отнести и такие случаи, когда их названия уже утратили свое первоначальное значение в библейские времена и понимались иносказательно, как «язва», «мор», «зараза» и т. п.

Примерами такого рода являются כֶּטֶב (кетев, Теилим, 91:6) и מֵרִירָה כֶּטֶב (кетев мерири,

Дварим, 32:24), רֶשֶׁף (решеф, Дварим, 32:24) и מִפְּשָׁרָה (решафим, Теилим, 78:48), רֶבֶד

(девер, используется параллельно с кетев в Теилим, 91:6) и это же слово встречается в форме множественного числа в Ошеа, 13:14.

Источник всех этих выражений стал очевиден исследователям с обнаружением уже в XX веке значительных пластов ханаанейской мифологической литературы (Угарит и др.). Но то, что эти слова представляют собой названия каких-то демонических персонажей, еврейские мудрецы понимали непосредственно из текста Писания. Подтверждения этому находятся, например, в «Псахим», 111б, «Бемидбар раба», 12:3 и «Эйха раба», 1:3 (по поводу кетев), в «Брахот», 5а и других местах (по поводу решеф), в мидраше «Шохер тов» (по поводу девер и кетев). В целом можно сказать, что если Писанию присуща деперсонафикация демонических персонажей, становящихся синонимами «мора», «заразы» и т. п., то позже, во времена Талмуда, соответствующие выражения были распознаны заново как указывающие на разного рода демонов. При этом, наряду с используемым в Писании словом шедим, наиболее употребительным наименованием чертей в Талмуде является слово мазикин, дословно: «вредящие», «причиняющие ущерб».

**«Отец благословляет своих чад по выходе из синагоги». Арагонская агада.
Около 1350–1360 годов.
Национальный музей Герцеговины.**

Сараево

В Мишне черти упомянуты всего один раз (Авот, 5:6), причем упомянуты в дополняющем мнении при перечислении десяти вещей, сотворенных в сумерки первой субботы: «А некоторые говорят, что также и мазикин [были сотворены тогда]».

Единичные упоминания о чертях содержатся в Тосефте: черти не могут причинить ущерб изучающим Тору (Бава кама, 7:6); совершать заклятие от них запрещено в субботу, а по мнению рабби Йосе – также и в будни (Шабат, 7:23). В так называемых «малых трактатах»^[15] явные упоминания о чертях содержатся в «Смахот», 8:16 (они не могут причинить ущерб изучающим Тору) и в «Софрим», 16:7: «Говорили о Гилеле, что не оставил он никакой мудрости, не изучив ее, даже все языки, и даже язык гор и долин, и даже язык деревьев и трав, и даже язык животных и скота, и даже язык чертей и притч».

Но если содержащиеся в Мишне и Тосефте упоминания о чертях можно пересчитать по пальцам, то в Гемаре и в мидрашах таких упоминаний великое множество. Будет справедливо сказать, что во времена Гемары вера в существование чертей была практически общепринятой; с ней связано множество агадот, включая и сказание о том, как царь Шломо пленил царя чертей Ашмадая (Гитин, 68а). Черти рассматривались многими как порождения Адама и Лилит, зачатые в то время, когда Адам после смерти своего сына Гевеля удалился на 130 лет от Хавы^[16]. Согласно другой версии, изложенной в мидраше «Альфа Бета де-вен Сира!»^[17], Лилит была первой женой Адама, сотворенной вместе с ним из земли и удалившейся от него из-за вечных споров между ними. В книге «Зоар» прародительницами чертей названы Лилит, Наама и Аграт бат Махалат; живший в XV веке р. Ицхак Каро, автор книги «Тольдот Ицхак», считал прародительницами чертей четырех женщин: Лилит, Нааму, Аграт и Махалат.

Многие средневековые еврейские философы (Рамбам, Ральбаг, Радак и др.) отрицали существование чертей. Например, Радак, комментируя Теилим, 91:6, приводит мидраш «Шохер тов» относительно девер, кетев и т. д., а затем добавляет: «Но исследователи (хахмей а-мехкар) отрицают существование чертей и доказывают, что их нет». По высказываниям Радака во многих других местах понятно, что таковым было и его мнение. В каббале демонология занимает заметное место, и черти многократно упоминаются в различных каббалистических книгах. При этом в целом невозможно говорить о наличии единой еврейской позиции, постулирующей или, наоборот, отрицающей существование чертей.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕК ИСПАНСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Большая часть жизни рабби Якова бен Шломо Ибн-Хабиба (около 1450 – 1516) пришлось на последний период в долгой и величественной истории испанского еврейства, когда расположенная за Пиренеями страна, остававшаяся сравнительно спокойной и благорасположенной к евреям в самый разгар средневековых гонений на иудаизм в христианской Европе, как будто наверстывала упущенное за минувшие века. Стремление к церковно-государственному единству, сделавшись идейным стержнем поздней Реконксты, все более явным образом ощущалось в то время евреями Испании как миссионерский террор католической церкви, направленный на искоренение всякого иноверия – и мусульманского, и еврейского.

На раннем этапе Реконксты переход различных областей Испании под власть христианских правителей не сказывался отрицательным образом на положении еврейских общин и иногда, напротив, служил их процветанию. Так было в 1147–1172 годах, когда почти вся мусульманская Испания была захвачена Альмохадами. Центр еврейства переместился в то время с мусульманского юга, оказавшегося во власти фанатиков, на христианский север. В отвоеванных у мусульман городах Испании христианские правители предоставляли евреям свободу вероисповедания. В своих кварталах, получивших название худария, евреи сохраняли административную и судебную

автономию под поверхностным надзором королевского чиновника. За ними признавалось право обращаться в королевский суд и владеть землей.

Положение евреев в Испании стало резко меняться к худшему в XIII веке, когда в Арагонском королевстве началась настойчивая кампания по обращению евреев в католицизм, сопровождавшаяся все более жестокими репрессиями экономического и административного характера. Евреи были принуждены к ношению отличительного знака, их заставляли выслушивать проповеди христианских священников, ограничивали в имущественных правах. В 1250 году в Сарагосе имел место первый на Пиренейском полуострове кровавый навет, сопровождавшийся злобной антиеврейской пропагандой. В 1294 году в Сарагосе снова распространился слух о том, что евреи похитили христианского ребенка и извлекли его сердце и печень для совершения магических обрядов. С целью расследования этого обвинения городские власти назначили «эксперта» по магии, но пропавший ребенок был вскоре найден в соседнем городе, и дело таким образом прекратилось.

Единственной областью страны, еще остававшейся в середине XIII века во власти арабов, был Гранадский эмират. Он служил тылом мусульманам Кастилии, которая, окончательно объединившись с Леоном в 1230 году, стала самым могущественным государством на Пиренеях. Кастилия играла ведущую роль в Реконкисте. В 1262 году она завоевала Кадис и расширила свою территорию до Атлантического океана на юго-западном побережье полуострова. Евреи составляли тогда значительную часть в населении кастильского королевства, получавшего от них 22% налоговых сборов. Их положение заметно ухудшилось в результате войны между королем Педро I (1350–1369), при котором в должности казначея состоял Шмуэль бен Меир а-Леви Абулафия, и сводным братом короля Энрике Трастамарским, боровшимся за кастильский престол. В ходе этой войны Энрике опирался на католических клерикалов во главе с архидьяконом Феррантом Мартинесом, фактически возглавлявшим епископство в Севилье, и распространял воззвания, призывавшие избавить страну от «еврейского закабаления». Заняв трон, Энрике и сам по необходимости стал назначать евреев на государственные должности, поскольку они всегда оставались в стороне от придворных заговоров аристократии и духовенства, но положить конец антиеврейской пропаганде Мартинеса он не сумел.

Эта пропаганда продолжалась и в годы правления Хуана I Кастильского (1379–1390), а в июне 1391 года ее результатом стала вспышка антиеврейских беспорядков в Севилье. Городская худерия была разгромлена, многие евреи были убиты, другие подверглись насильственному крещению, синагоги превращены в церкви. Из Севильи волна направленного против евреев насилия перекинулась в Толедо, Мадрид, Валенсию, Бургос, Кордову, Жерону и другие города королевства, а затем и в соседний Арагон. Остатки арагонского еврейства спас от гибели и насильственного крещения раввин Сарагосы, выдающийся еврейский мыслитель р. Хасдай Крескас, автор знаменитого труда «Ор а-Шем» («Свет Б-жий»), в котором он, полемизируя с Рамбамом и Ральбагом, подверг глубокой критике гносеологические основания средневековой физики и метафизики, во многом предвосхитив научную мысль Ренессанса и Нового времени. Крескас также известен как автор полемического труда «Битуль икарей а-ноцрим» («Опровержение христианских догматов»). В ходе гонений 1391 года р. Хасдай Крескас потерял своего единственного сына, но, не утратив присутствия духа, он обратился за помощью к Папе Римскому и одновременно собрал значительную денежную сумму, которая убедила короля сжалиться над евреями.

В первые годы XV столетия в антиеврейских гонениях наметилась некоторая пауза, обусловленная, в частности, тем, что в ходе «священной войны», воодушевленной Феррантом Мартинесом, многие города Кастилии и Арагона были, по существу, разорены. Гонения церкви и бесчинства черни были направлены против самой деятельной в то время части населения, связывавшей эти страны с рынками Европы и мусульманской Северной Африки. Многие евреи, стремившиеся избежать выбора между смертью и насильственным крещением, бежали из Кастилии и Арагона в Португалию, в мусульманскую Гранаду и за Гибралтар. Начало нового века принесло передышку в гонениях, но положение евреев, оставшихся в христианских королевствах Испании, не было вовсе безоблачным. Церковь не собиралась отказываться от своих обретений, и многие тысячи *conversos* – насильственно обращенных в христианство евреев – жестоким принуждением удерживались от возвращения в иудаизм. Что же до тех евреев, которые смогли пережить кошмар 1391 года, сохранив преданность вере отцов, то их по-прежнему заставляли выслушивать проповеди христианских священников и постоянно вынуждали к участию в «религиозных диспутах» с католиками, в ходе которых раввины были фактически лишены возможности защищать свою позицию. Один из наиболее известных диспутов того времени состоялся в Тортосе в 1413 году по инициативе крещеного еврея Йеошуа Лорки, принявшего имя Херонимо де Санта Фе. Среди раввинов, представлявших еврейскую сторону в этом диспуте, был р. Йосеф Альбо, автор знаменитого философского труда «Сефер а-икарим» («Книга основ»).

Считается, что в начале XV столетия в Кастилии насчитывалось около 30 тыс. еврейских семей, а также весьма значительное число марранов, т. е. насильственно крещенных евреев, многие из которых продолжали втайне исповедовать иудаизм и соблюдать заповеди Торы. Уже и само прозвище, которым испанские католики одарили своих новых единоверцев, свидетельствует о том, что особых симпатий они к ним не испытывали (слово «марраны», по всей видимости, происходит от староиспанского *maḡgano* – «свинья»). Положение насильственно обращенных с каждым годом становилось всё тяжелее. Так, в 1449 году, незадолго до или вскоре после рождения р. Яакова Ибн-Хабиба, в Толедо распространялась прокламация, объявлявшая всех крещеных евреев бесчестными и призывавшая запретить им занимать любые общественные должности в этом городе и подвластных ему землях.

В 1479 году династическая уния Кастилии и Арагона положила начало объединению Испании в единое государство. Ей предшествовал заключенный в 1469 году брак между ревностными «католическими монархами» – арагонским принцем Фердинандом и кастильской королевой Изабеллой. В 1481 году по просьбе «католических монархов» в Испании был учрежден первый трибунал инквизиции, уже в том же году успевший отправить на костер нескольких марранов Севильи, уличенных в тайном соблюдении заповедей Торы. Осенью 1483 года испанскую инквизицию возглавил Томас де Торквемада, духовник королевы Изабеллы, и с этого момента деятельность инквизиции приобрела особенно жестокий характер во всем, что касалось преследования марранов. Ее первым результатом стал указ об изгнании евреев из Андалусии. Изгнанникам был дан месячный срок на то, чтобы перебраться оттуда в Эстремадуру и другие районы Кастилии – ради защиты андалусийских марранов от «пагубной близости» к бывшим единоверцам. И наконец, в 1492 году, когда с падением Гранады на Пиренейском полуострове не осталось мусульманских государств, «католические монархи» совершили последний шаг к национально-религиозной консолидации страны, подписав указ об изгнании евреев из Испании и ее владений.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

[1] Гаон (буквально: «превознесенный», «гордый») – титул, который носили руководители важнейших ешив Вавилонии с VII и до середины XI века. В этот период вавилонские гаоны считались носителями высшей религиозной власти, признававшейся всеми еврейскими общинами. Окончание периода гаоната связывают со смертью Гая Гаона в 1038 году. Титул «гаон» носили в XII–XIII веках главы ешив в Земле Израиля, Египте, Дамаске и Багдаде, но он уже не имел прежнего смысла. Утратив значение официального титула, термин «гаон» применяется до сих пор как почетный эпитет в отношении выдающихся законоучителей, например р. Элияу бен Шломо-Залмана (1720–1797), известного как Виленский гаон, или р. Йосефа Розина (1858–1936), известного как Рогачевский гаон.

[2] Таково, например, мнение р. Авраама бен Давида а-Леви (около 1110 – 1180) в «Сефер а-каббала».

[3] В русской традиции, соответственно, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

[4] В русской традиции: Бытие.

[5] В русской традиции, соответственно, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст и Эсфирь.

[6] Шир а-ширим раба, 1:8. Шломо – царь Израиля, в русской традиции: Соломон.

[7] Т. е. практические предписания Торы, относящиеся к празднику Суккот, к имущественным законам и т. п.

[8] Исар (asearion), или италийский исар, – мелкая медная монета, равная по достоинству 8 прутот. 12 исаров составляли в талмудические времена одну истеру (stater) или четверть шекеля. Села – монета высокого достоинства, равная двум шекелям. Таким образом, села равнялась по стоимости 96 исарам.

[9] Выдержки из «Путеводителя растерянных», включая содержащиеся в них цитаты из Писания, даются здесь в переводе д-ра М.А. Шнейдера, опубликованном издательством «Маханаим».

[10] См. комментарий Рамбама к Мишне и, в частности, предисловия к комментариям на трактаты «Сангедрин» и «Авот»; см. также «Мишне Тора», кн. I, «Законы об основах Торы и Законы о покаянии».

[11] Введение к первой части «Путеводителя растерянных».

[12] Там же.

[13] Цитата из Мишны, «Брахот», 2:8, но р. Моше-Хаим Луццато вкладывает в нее иносказательный смысл: обрести имя – Имя Г-спода, т. е. удостоиться мистического знания.

[14] Рамхаль, «Маамар а-агадот».

[15] О «малых трактатах» см. ниже, в главе «Некоторые необходимые сведения».

[16] Гевель и Хава – в русской традиции: Авель и Ева.

[17] См. в сборнике «Оцар а-мидрашим», издание Айзенштейна, стр. 47.

КТО ТАКИЕ БИБЛЕЙСКИЕ «ИВРИМ»?

Ēāī ēä Ääcäid

В Библии встречается ряд терминов для обозначения народа, который мы привыкли называть древними евреями: «израильтяне» (исреэлим), «сыны Израиля» (бней Исраэль), «люди Израиля» (анше Исраэль), «иудеи» (йеудим) и др. Есть и название «евреи» (иврим). Происхождение последнего и его значение – предмет весьма бурной и продолжительной полемики, начавшейся в XIX веке и сохраняющей свою остроту до настоящего момента. Литература, порожденная этой проблемой, столь обширна, что едва поддается обзору [\[1\]](#). Центральным пунктом проблемы библейских иврим оказался вопрос об их связи с группами населения, появившимися в различных районах Ближнего Востока во II тысячелетии до н. э. и называемыми в аккадских источниках хапиру/хабиру, в угаритских – ‘prn, а в египетских – ‘pr.w. На вопрос, следует ли сблизать термины иврим и хапиру/хабиру, ученые дают порой противоположные ответы, но согласно господствующей в настоящее время точке зрения какая-либо связь между ними отсутствует.

Античные руины на берегу Евфрата. Дура-Европос. Сирия.
Современная фотография

Итак, что же можно сказать о происхождении, значении и употреблении имени иврим? Традиционно считается, что слово иври («еврей») – этноним, обозначающий (прото)израильтян, а также представителей некоторых родственных племен, не входивших в Израиль. Часто название «еврей» соотносится с этнической общностью (до возникновения царства), а «израильтянин» – с этнополитической (в период монархии). Слово возводится к семитскому корню 'br или, более конкретно, к древнееврейскому глаголу авар («переходить»). Но если придерживаться этой этимологии, то возникают определенные трудности при попытке объяснить, что именно должны были «перейти» иврим. Обычно подразумевается переход через реку. Тогда встает вопрос, о какой же реке может идти речь. Здесь уже нет единодушия, но, как правило, называют Евфрат, вспоминая предание о переселении из Месопотамии Авраама, который первым назван иври. На это как будто указывает библейский стих: «И сказал Йеошуа всему народу: так говорит Г-сподь, Б-г Израиля: за рекою (бе-эвер а-наар) жили отцы наши издревле, Терах, отец Авраама и отец Нахора, и служили иным богам. Но я взял отца вашего Авраама из-за реки (ме-эвер а-наар) и водил его по всей земле Ханаанской...» (Йеошуа, 24:2-3). Следует при этом отметить, что форма иври не выводится непосредственно из глагола авар (равно как из других производных форм этого глагола), но представляет собой прилагательное от существительного эвер (< *'br-) – «сторона». И с учетом этого обстоятельства иври интерпретируется как «житель эвер, т. е. области по ту сторону реки». Однако такое толкование также оставляет открытым вопрос, какая река имеется в виду – Евфрат, Иордан или какая-либо еще. И следовательно, невозможно сказать точно, жителями какой области «за рекой» могли первоначально быть иврим, хотя по традиции это Месопотамия

и, соответственно, искомая река – Евфрат. Но насколько традиционная локализация Заречья согласуется с исторической действительностью?

Исследователи по-разному определяют местоположение этой области. Расположение области «за рекой» может зависеть от точки зрения повествователя или говорящего. Ряд мест в Библии несомненно указывает на то, что под Заречьем (Эвер а-Наар) подразумевается регион к западу от Евфрата, включающий в себя Сирию и Палестину (Млахим I, 5:4 [3 Царств, 4:24]; Эзра, 8:36; Нехемья, 2:7, 9; 3:7), что соответствует арамейскому Авар Наара и аккадскому Эбер Нар и отражает географическую реальность I тысячелетия до н. э. Отождествление Заречья с конкретной областью западнее Евфрата для библейского повествователя естественно, судя по Млахим I, 5:4 [3 Царств, 4:24]: ведь Шломо, который «владел всем Заречьем от Тифсаха до Газы», при всем своем фантастическом могуществе никак не мог царствовать в Месопотамии. Однако некоторые места позволяют трактовать эвер а-наар как область «за Евфратом», то есть к востоку от него, например: Арам ашер ме-эвер а-наар (букв. «Арам, который за рекой») (Шмуэль II, 10:16, и Диврей а-ямим I, 19:16). И наконец, есть также контексты без указания на определенную местность (Млахим I, 14:15; Шмот, 7:20).

Конечно, мифическая прародина иврим вовсе не обязательно должна иметь конкретную локализацию. Но кажется странным, что этноним образован именно таким образом от слова со значением «(противоположная) сторона (реки)» и примерно соответствует слову «заморский». Получается, что название иври должно означать «пришелец», «посторонний» или «чужой», то есть вряд ли может быть этнонимом и тем более самоназванием. Это обстоятельство породило гипотезу, согласно которой слово иври, означающее «чужестранец», этнонимом не является. Более того, высказывалось предположение, что слово имеет пейоративное значение «варвар»^[2].

Альтернативная этимология названия иври тоже имеет давнюю традицию, в соответствии с которой оно восходит к имени легендарного патриарха Эвера, потомка Шема и предка Авраама. Именно так объясняет происхождение этого термина Иосиф Флавий (Древности, I.6.4). Отсюда позднейшее название для иврита сфат Эвер, букв. «язык Эвера». Действительно, в упоминании «всех сынов Эвера», чьим предком назван Шем (Берешит, 10:21), можно усмотреть своего рода попытку этимологизировать этноним. Но тогда под иврим должны пониматься все потомки Эвера, упомянутые в библейской генеалогии (которая и послужила почвой для появления представлений об общности иврим, включающей помимо израильтян и другие народы). Помимо Берешит, 11:14-17 (параллельное место Диврей а-ямим I, 1:18-19), имя Эвер встречается в Бемидбар, 24:24 (видение Бильама), наряду с именем Ашшур. И в этом случае Эвер не имеет прямого отношения к Израилю. Название же иврим в Библии, как правило, применяется только к израильтянам.

Итак, пока получается, что для удовлетворительной интерпретации термина иври, если исходить из еврейской этимологии, оснований недостаточно.

Рассмотрим проблему с другой стороны и попытаемся определить, кого и в каких случаях Библия называет иврим.

Известно, что употребление этого термина в Библии имеет свои особенности. Название иврим сравнительно редко появляется в еврейской Библии – всего 35 раз. Мы находим его в повествованиях о Йосефе (Берешит, 39:14, 17; 40:15; 41:12; 43:32), об Исходе из Египта (Шмот, 1:15, 16, 19; 2:6, 7; 3:18; 5:3; 7:16; 9:1, 13; 10:3), о войне между израильтянами и филистимлянами (Шмуэль I, 4:6, 9; 13:3, 7, 19; 14:11, 21; 29:3), а также в

законодательных текстах (Шмот, 21:2; Дварим, 15:12) и в двух местах Ирмею (34:9, 14). Кроме того, в Шмот, 14:13, Авраам назван иври, и так же представлялся пророк Йона корабельщикам из Яффы (Йона, 1:9). Таким образом, за исключением двух мест в законодательных текстах (и там, где пророк Ирмею цитирует закон) и четырех спорных мест в Шмуэль I, в остальных случаях интересующее нас название звучит либо из уст иноземца, либо из уст израильтянина, когда его речь обращена к иноземцу.

Однако некоторые из перечисленных библейских контекстов являются проблематичными. Септуагинта не поддерживает чтение, которое мы видим в еврейской Библии, в тех случаях, когда последняя «отступает от правила» и не дает возможности однозначно утверждать, что слово иврим звучит из уст чужеземца. Для переводчика это, очевидно, повод для сомнений. И прежде чем продолжить рассуждение, остановимся на этих местах подробнее.

В Берешит (Бытие), 14:13, Септуагинта просто переводит иври, употребленное в адрес Авраама, как «странник, перешедший», то есть делает попытку этимологизировать слово и не придает ему значения этнонима. Единственный случай в еврейском тексте, когда сам говорящий называет себя иври, – Йона, 1:9, – не поддерживается Септуагинтой. Ср. в еврейской Библии: «И сказал им: “Я иври (‘bry) и боюсь я Г-спода, Б-га небес, который сотворил море и сушу”» и Септуагинту: «И сказал им: “Я раб Г-спода (дулос кюриу) и боюсь Г-спода, Б-га небес, который сотворил море и сушу”». Встречающееся здесь словосочетание «раб Г-спода» означает, что в древнееврейском оригинале греческий переводчик увидел не ‘bry, а ‘bd YHWH. Трудно сказать, какую из двух версий следует считать первичной. Возможно, ошибся переводчик Септуагинты, усмотрев в букве «йод» слова иври первую букву тетраграмматона YHWH. Но нельзя также исключать, что еврейский переписчик интерпретировал ‘bd YHWH как слово ‘bry с заменой буквы «реш» на «далет», поскольку такое явление, обусловленное графическим сходством обеих букв (как в палеоеврейском, так и квадратном письме), как известно, было довольно частым.

Аналогичные расхождения между еврейской Библией и Септуагинтой мы находим в I книге Шмуэля (I Царств), 13:3. Ср. еврейский текст: «...и Шауль протрубил в рог по всей земле, говоря: “Да услышат иврим!”» с тем же фрагментом в Септуагинте: «...и Саул протрубил трубою по всей земле, говоря: “Восстали рабы (авадим)”». Можно констатировать, что для греческого переводчика обращение к иврим от лица Шауля кажется необычным. Здесь также трудно реконструировать первоначальный древнееврейский текст. Если полагать, что чтение по Септуагинте тут предпочтительнее и в первоначальном тексте стояло авадим, а не иврим, то можно исключить этот пример из обсуждения нашей темы. Но некоторые ученые придерживаются мнения, что здесь фигурируют именно иврим, и обращение к иврим от лица Саула кажется необычным и ставит вопрос, кто под этим именем подразумевается и не идет ли речь об иной общности, отличной от израильтян и филистимлян.

Сходная ситуация наблюдается и в Шмуэль I, 14:21: «И иврим, [что] были у филистимлян вчера и третьего дня...» А в Септуагинте (I Царств, 14:21): «И рабы, что вчера и третьего дня были у иноплеменников...» Так же как и в предыдущем случае, Септуагинта предлагает чтение «рабы». Правда, этот контекст указывает скорее на социальный статус иврим, их подчиненное или зависимое положение, что делает чтение по Септуагинте возможным. Но даже если принять еврейскую версию, упоминание иврим, находящихся у филистимлян, то есть «в чужой среде», вне Израиля, также как будто уместно. И все-таки для греческого переводчика более приемлема иная интерпретация, не предусматривающая возможности употребления имени иврим от лица повествователя.

В двух других спорных местах I книги Шмуэля (I Царств) – 13:7 и 29:3, – где еврейское чтение не поддерживается Септуагинтой, переводчик использует слова, соответствующие формам глагола авар. «И иврим перешли через Иордан в страну Гад и Гильад» (13:7) в Септуагинте становится: «И переправляющиеся переправились через Иордан в страну Гад и Галаад». Этот фрагмент еще раз показывает, какую трудность представляет для переводчика употребление иврим в непривычном, «нейтральном» контексте в речи повествователя. Наряду со Шмуэль I, 13:3 и 14:21, этот контекст служит аргументом в пользу гипотезы о том, что в войне участвовали другие группы иврим помимо израильтян и филистимлян. Однако, с точки зрения филистимлян, у них был один противник – израильтяне, которых они называют иврим.

«И сказали начальники филистимлян: Кто эти иврим?» (29:3) в Септуагинте переводится как: «И сказали начальники чужеземцев: Кто эти проходящие?» Поскольку в этом стихе передается речь иноплеменников, появление тут иврим не кажется неожиданным. И велика вероятность, что в этом месте переводчики приняли иврим за оверим ошибочно, тем более что в предыдущем стихе, описывающем передвижение войск, форма оверим появляется дважды: «И князья филистимлян шли (оверим) сотнями и тысячами, а Давид и люди его шли (оверим) позади с Ахишем». Но нельзя полностью исключить, что интерпретация Септуагинты здесь адекватна. Ведь форма h'byrim древнееврейского оригинала без знаков огласовки равно допускает как одно, так и другое прочтение этого слова, причем (в отличие от предыдущего случая) без какого-либо существенного искажения общего смысла фразы.

В Шмуэль I, 17:8, мы встречаемся с более редким «обратным» примером разночтений между еврейской и греческой Библией. Голиаф перед битвой обращается к израильтянам: «Ведь я филистимлянин, а вы рабы (авадим) Шауля». В греческом тексте говорится «а вы евреи Саула». Общеизвестным является мнение, что здесь переводчик допустил ошибку. Но надо отметить, что в данном случае смыслу не противоречат обе версии. Более того, они также не очень противоречат друг другу. Нет ничего удивительного в том, что Голиаф, выказывая презрение к израильтянам, называет их иврим. Уничижительный оттенок значения иврим усматривается и в Шмуэль I, 14:11: «И сказали филистимляне: вот иврим выходят из нор, в которых они прятались». К тому же израильские воины действительно находились у Шауля в подчинении, поэтому напоминание Голиафа, что они рабы Шауля, не выглядит столь уж оскорбительным. Так что здесь чтение Септуагинты может вызывать доверие – особенно с учетом того, что в остальных спорных случаях переводчик передает слово иврим иначе.

Во всех же остальных контекстах, где нет расхождений между классическими версиями (за исключением законодательных текстов), название иврим используют либо египтяне и филистимляне, либо сами иврим, когда вступают в контакт с чужеземцами. Это название звучит также из уст повествователя, как бы находящегося в иноплеменной, иноязычной среде (Шмот, 2:11, 13).

Но если термин иври употребляется в ситуации общения израильтян с иноплеменниками, то подразумевается, что он должен быть более понятным или привычным для этих иноплеменников, чем другие названия. А раз так, велика вероятность, что этот термин является экзотонимом (такое мнение высказывалось рядом исследователей^[3]) и, следовательно, может не иметь собственно еврейской этимологии. В таком случае выведение названия иврим из еврейского глагола авар или эпонима Эвер является вторичной интерпретацией, не чем иным, как примером народной этимологии. А искать его истоки следует не столько в древнееврейском языке, сколько в языках народов, соседствующих с Израилем. И наиболее близкой параллелью (как

фонетической, так и семантической) оказываются арамейское Авар Наара и аккадское Эбер Нари, название страны, лежащей к западу от Евфрата (для жителей Месопотамии – действительно «область за рекой»). Причем это название впервые засвидетельствовано в VII веке до н. э. Позднее так называлась одна из западных сатрапий персидской державы Ахеменидов.

Высказывалось предположение[4], что термин иври заимствован Израилем у окружающих народов, главным образом у египтян, употреблявших его применительно к Стране Израиля, но изначально давших это название языку, на котором говорили израильтяне. Действительно, в Библии однажды упоминается Эрец а-иврим, откуда, по словам Йосефа, он был похищен (Берешит, 40:15). Некоторые исследователи склонны видеть параллель к «стране иврим» также в одном египетском источнике[5], где страна 'ybr упоминается наряду с Критом, Амурру, Ашшуром и Египтом. Но исходя из поздней датировки документа (саисским, VII–VI века до н. э., или даже персидским, VI–IV века до н. э., временем), а также из того, что данный текст восходит к вавилонскому образцу, кажется гораздо более вероятным предположение, что под 'ybr египетского папируса подразумевается именно область Эбер Нари. Кроме того, словосочетание Эрец а-иврим уже является производным от названия общности иврим. Соглашаясь с идеей, что иври – экзоэтноним, тем не менее трудно принять утверждение, что этот термин использовали преимущественно египтяне.

Переход израильтян через расступившийся Иордан; коены переносят ковчег Завета. Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Фрагмент гравюры. XIX век. Архив Thrivent Financial for Lutherans Foundation

Предположение, что термин иври мог возникнуть от названия языка, на котором говорили израильтяне, также не выдерживает критики. Нет никаких свидетельств, во всяком случае внутри корпуса библейских текстов, что этот термин имел какое-либо отношение к языку израильтян, который в Библии назван сфат Кнаан, «ханаанским» (Шмот, 19:17) или, применительно к жителям Иудеи, йеудит, «иудейским» (Млахим II, 18:26, 28; Шмот, 36:11, 13; Нехемья, 13:24; Диврей а-ямим II, 32:18). Название языка иврит появилось уже в эллинистическую эпоху и явно вторично по отношению к названию иврим.

Согласно распространенной сейчас точке зрения, все контексты, где встречается термин иври, относятся к позднему (послепленному) времени. Принимая во внимание доводы о позднем происхождении названия иври, можно представить, что это общее название ассирийцы, вавилоняне и персы использовали для обозначения всех жителей Сирии и Палестины (страны Эвер Нар, Авар Наара), в том числе иудеев, не придавая особого значения их этнокультурным различиям между собой. Прозрачность арамейской и аккадской этимологий, усиленная еврейской калькой Эвер а-Наар, продиктовала необходимость объяснить это название, применяемое по отношению к иудеям, хорошо им понятное, но со столь странным для них значением («чужой, пришелец, посторонний, отдаленный, живущий за рекой и т. п.»). Именно это обстоятельство могло придать импульс интенсивному «этимопоэтическому» творчеству, которое, очевидно, получило свое развитие в двух направлениях. Таким образом оформились две известные нам традиции.

Во-первых, в генеалогии Шема стала подчеркиваться роль Эвера, в результате превратившегося в эпоним слова иврим (Берешит, 10:21): «И у Шема родились [дети], именно он отец всех сынов Эвера». С этим согласуется представление об иврим как общности семитской – более широкой, чем израильтяне. Не исключено, что на формирование этих представлений наложила отпечаток этническая картина Заречья середины I тысячелетия до н. э.

Во-вторых, название иври уже непосредственно связывается с однокоренным глаголом авар («переходить»), в результате чего должна была оформиться в своем окончательном виде легенда о переселении Авраама из Харрана в Ханаан и переходе им Евфрата, но с восточного берега на западный. Чтобы последовательно проводить эту идею, повествователю потребовалось «сменить ракурс» и придать конкретному географическому названию Эвер а-Наар противоположное и более широкое значение, с локализацией Заречья на восточном берегу Евфрата, что мы и видим в известном «историческом экскурсе» (Йеошуа, 24:2-3). Стремлением же подчеркнуть эту «этимологию», сделать ее более наглядной для грекоязычного читателя можно объяснить, почему в Септуагинте (Бытие, 14:13) Авраам назван «странником», «пришельцем».

Употребление же названия иврим египтянами и филистимлянами следует в таком случае считать анахронизмом, тогда как появление его в книге пророка Ионы объясняется не стремлением автора к архаизации, а вполне естественным употреблением термина, уже бытующего в эпоху, с которой соотносится действие, и в более позднюю эпоху, когда книга была написана.

Разумеется, ситуация, которая представлена в повествованиях об Аврааме, Йосефе, Исходе и войне израильтян с филистимлянами, может быть более запутанной и сложной. Она не снимает исторической проблемы, какие группы (протоизраильского?) населения могли повлиять на формирование библейских преданий. Однако, кем бы они ни

являлись в действительности и как бы они ни назывались, классические версии Библии отождествили (правильно или ошибочно) представителей этих групп с иврим.

Все вышесказанное дает основания полагать, что древние израильтяне и иудеи не идентифицировали себя как иврим, по меньшей мере, до начала эллинистического периода. Единственное же указание на самоопределение протоизраильской общности мы обнаруживаем в Дварим, 26:5, где назван предок израильтян: «скитающийся арамей – мой отец».

[1] См., например, библиографию в: Freedman D.N., Willoughby B.E. «Ibrī» // *Theological Dictionary of Old Testament*. Missoula, 1999. Vol. X. P. 430–432.

[2] Parzen H. *The Problem of the Ibrim («Hebrews») in the Bible* // *American Journal of Semitic Languages and Literatures*. Vol. 49. 1932/33. P. 254–261.

[3] См., напр.: Wenham G.J. *Word Biblical Commentary*. Vol. 1: *Genesis 1–15*. Dallas, 1987. Comment on Gen 14:13; Freedman D.N., Willoughby B.E. *Op. cit.* P. 431.

[4] Sparks K.L. *Ethnicity and Identity in Ancient Israel: Prolegomena to the Study of Ethnic Sentiments and Their Expression in the Hebrew Bible*. Dissertation. Chapel Hill, 1996. P. 240.

[5] Венский демотический папирус D 6278-89 + 6698 + 10111.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

РЕБЕ И БОГАЧИ

О роли экономической элиты в хасидском движении

עֵינֵי עוֹדֵי

Талмудическое речение о рабби Йеуде а-Наси «Рабби чтит богатых»

(Эрувин, 86а) широко использовалось еврейскими просветителями в их борьбе против хасидского движения, когда они пытались представить двор цадика как коррумпированную клику, заискивающую перед богачами. Однако в реальности отношения, сложившиеся между хасидскими лидерами и представителями еврейской экономической элиты, имели гораздо более многомерный и социально значимый характер, и их анализ позволяет углубить наши представления о природе и общественных функциях хасидского движения в целом. Опираясь на материалы наиболее влиятельной ветви хасидизма в России – движения Хабад, мы попытаемся выявить взаимодействие между двумя хасидскими элитами – духовной и экономической – в период интенсивной модернизации российского еврейства во второй половине XIX – начале XX века.

Деятельность хасидского двора, обеспечивающего духовные и социальные потребности многочисленных хасидов, приходивших к своему лидеру и наставнику за советом и помощью, была связана с большими расходами и динамичным денежным оборотом. Поэтому к середине XIX века двор цадика приобретает черты вполне современного, независимого финансового предприятия, обладающего своими механизмами налогообложения, бюджетом и инвестиционной политикой. Естественно, что в этой системе – как и в финансовой системе традиционной общины – важнейшее место занимали представители состоятельных слоев населения. В общественных и экономических инициативах двора они выступали в роли как спонсоров, так и компаньонов.

Постоянный поток наличных денег, поступавших в распоряжение цадика в виде регулярных добровольных взносов или спонтанных пожертвований, создавал благоприятные условия для экономического развития всего местечка, где находился двор цадика. Сам хасидский лидер и его семья оказывались вовлечены в интенсивную экономическую деятельность, и их главными партнерами становились состоятельные хасиды. В силу своей занятости общественными и религиозными вопросами, недостаточного знакомства с миром частного предпринимательства и своего особого – сакрального – статуса в хасидском обществе семья цадика не могла принять непосредственное участие в деле, но она являлась важнейшим источником финансирования различных экономических предприятий и участвовала в их доходах[1]. Видный израильский историк Израэль Бартадь отмечал, что экономическая деятельность хасидского двора в определенном отношении уподобляется финансовой деятельности средневековых корпоративных структур, прежде всего главного органа еврейского самоуправления – кагала, который управлял распределением денежных потоков внутри общины[2]. И подобно тому как функционирование кагала и его институтов опиралось на общинную экономическую элиту, так и финансовая деятельность двора осуществлялась при поддержке и прямом участии состоятельных хасидских кругов.

Казначей хабадских общин Иерусалима и Хеврона получают денежные переводы от рабби Шалом-Дов-Бера. Англо-Палестинский банк в Хевроне.

1913 год

Укрепление связей между цади́ком и хасидскими предпринимателями проявилось и в общественной сфере. Во второй половине XIX века еврейская экономическая элита в России выходит на общественно-политическую арену. Банкиры и крупные торговцы присоединяются к борьбе просветителей (маскилим) за преобразование российского еврейства. Свои общественные связи и экономические возможности они пытаются использовать для воплощения идеалов Хаскалы и улучшения гражданского статуса евреев. Сходные процессы наблюдаются и в хасидских кругах, прежде всего – в хасидизме Хабад. Хасидская экономическая элита также начинает проявлять заметную активность в общественной сфере, хотя ее деятельность направлена на совсем иные цели. Так, новые (зачастую, вполне современные) общественные инициативы цади́ка осуществляются при помощи купцов и предпринимателей из хасидской среды, добившихся влиятельного положения в российском обществе. Речь идет о широкой публичной деятельности лидеров Хабада, направленной на борьбу с просветителями и защиту традиционного уклада российского еврейства. Она включала в себя организацию коллективных прошений в государственные структуры, доносы, закулисное лоббирование, сбор информации в высших инстанциях власти и даже участие в правительственных проектах реформ еврейского общества. Таким образом, отношения экономического взаимодействия и сотрудничества между двором цади́ка в Любавичах и определенными кругами формирующейся еврейской буржуазии распространились и на общественно-политическую сферу. Эта тенденция развивалась на протяжении всего XIX столетия.

Сближение между хасидским руководством Хабада и современной экономической элитой оказало влияние на облик двора. Это выразилось, главным образом, в проникновении элементов российского буржуазного образа жизни в повседневную жизнь цади́ка и его семейства, особенно в период правления четвертого любавичского цади́ка, р. Шмуэля (1866–1881 годы). По свидетельству современника, р. Шмуэль «любил красоту во всех ее проявлениях: в одежде, в домашней мебели, в образе жизни и в поведении». На праздничных трапезах в его доме еду подавали на золотой и серебряной посуде, а в будни цади́к выезжал на свою ежедневную загородную прогулку в великолепном экипаже[3]. Могилевский губернатор А. Дембовецкий писал в своем монументальном труде о вверенных ему землях: «Первый из цади́ков – Шмуэля Шнеерсон – принадлежит к потомственным почетным гражданам и состоит купцом первой гильдии. Он сын умершего весьма прославленного цади́ка Менделя Шнеерсона и пользуется большим почетом и значительным доходом, хотя в меньшей степени, чем его отец. <...> Шмуэля Шнеерсон не ходит постоянно под белым покрывалом, как это делал его отец, наружностью не походит на глубокого мистика, держит карету, прекрасных лошадей, имеет погреб с отличными старыми винами и вообще живет очень хорошо. Он ежегодно ездит за границу <...>, владеет крупным капиталом и ведет биржевые обороты в Петербурге, Москве, Париже и Амстердаме»[4]. В последние годы жизни р. Шмуэль действительно ездил на минеральные источники за границу, в основном в Мариенбад и Карлсбад – популярные среди восточноевропейской буржуазии курорты. Эти поездки продолжались около двух месяцев и тщательно планировались: подбирался удобный транспортный маршрут и наиболее комфортабельные гостиницы. Сын и наследник р. Шмуэля – цади́к р. Шалом-Дов-Бер Шнеерсон, отличавшийся слабым здоровьем, много времени проводил на курортах Австро-Венгрии, Германии и Франции, посещал европейские столицы (главным образом, для консультаций у выдающихся европейских врачей) и почти каждый год летом переезжал со своей семьей на дачу в окрестностях Любавичей. Дача обычно арендовалась в живописных местах, поблизости от реки, в которой можно было купаться, часто – в дворянских поместьях. У р. Шалома-Дов-Бера также был свой экипаж, обитый шелком, в котором он совершал регулярные выезды на природу[5].

Скопленный капитал нередко использовался цади́ком для укрепления своего гражданского статуса. Так, третий лидер Хабада, р. Менахем-Мендл (Цемах Цедек), записался в купцы второй гильдии; в 40-х годах XIX века он приобрел вместе со своим хасидом, крупным лесоторговцем, поместье под Бобруйском и поселил на этой земле несколько десятков еврейских семей: по действовавшему в России законодательству этот шаг обеспечил цади́ку титул потомственного почетного гражданина, который предоставлял ему и его сыновьям определенные социальные льготы. От имени р. Менахе́ма-Мендла в государственную казну поступали пожертвования на общие национально-патриотические цели, как, например, в пользу армии в годы Крымской войны или на строительство памятника Тысячелетия России в Новгороде^[6].

Таким образом, можно утверждать, что хасидский двор не только попал под влияние общих процессов, изменивших облик высших слоев еврейского общества во второй половине XIX века, но и сумел поставить их себе на службу. Накопление капитала и его оборот, создание и поддержание разветвленных связей с еврейской экономической элитой, усвоение буржуазного образа жизни и выход на политическую арену – все это придавало двору цади́ка особый статус в еврейском обществе и превращало его в важнейший фактор еврейской религиозной, экономической и общественно-политической жизни.

Вместе с тем у изменений, которые происходили в среде российского еврейства в рассматриваемый период, были и крайне отрицательные для экономической мощи двора последствия. Процессы модернизации и распад традиционной еврейской общины приводили к ослаблению авторитета и значимости тех общественных и религиозных структур, которые ранее основывались на общинной дисциплине и пользовались безусловной коллективной поддержкой. Естественно предположить, что в этих условиях пострадают, прежде всего, неформальные структуры, зависевшие от регулярной добровольной поддержки большого количества людей. Именно такой структурой и являлся хасидский двор. Трудности, с которыми сталкивался теперь цади́к при сборе пожертвований, делали особенно весомой финансовую поддержку отдельных представителей хасидской элиты, которая никогда не зависела от общей системы внутреннего хасидского налогообложения и основывалась на личных (а иногда и деловых) связях между семьей цади́ка и богатым жертвователем. Система доверительных отношений между цади́ком и состоятельными кругами получает теперь исключительное значение и принимает более организованные и структурированные формы.

В любавичском хасидизме бремя расходов двора почти полностью взяла на себя небольшая группа хасидских предпринимателей и крупных торговцев из самого близкого окружения цади́ка, и именно эта группа оказалась в центре общественно-политической деятельности, развернутой р. Шаломом-Дов-Бером на рубеже веков.

Ешива «Томхей тмимим» в Отвоцке.

Польша.

Начало XX века

Наиболее представительной фигурой среди спонсоров любавичского двора являлся, несомненно, рижский промышленник и лесоторговец Йешаяу Берлин, породненный с семьей цадика (он был женат на правнучке второго любавичского цадика – р. Дов-Бера). В XIX веке лесная промышленность в районе Балтийского моря находилась в руках остзейских немцев. Только в конце 1870-х годов, на волне интенсивного железнодорожного строительства в России и Европе, потребовавшего увеличения поставок древесины, в этой области появились и евреи. Главным портом балтийского региона была Рига, и с развитием экспорта леса сюда хлынули многочисленные еврейские лесоторговцы и подрядчики, главным образом хасиды из белорусских губерний. Йешаяу Берлин был среди первых еврейских лесопромышленников, обратившихся к производству досок и шпал для нужд железнодорожного строительства. В этой области он добился огромного успеха: к 1901 году стал одним из наиболее состоятельных торговцев Риги, купцом первой гильдии и потомственным почетным гражданином. Берлин торговал с Петербургом, Гамбургом и Лондоном, в его собственности находились деревообрабатывающая фабрика в предместье Риги и обширные лесные хозяйства по обоим берегам Двины. На его фабрике и в его конторах работали, главным образом, евреи – выходцы из белорусских городов и местечек, для которых он добивался права на жительство в Риге, не входившей в черту оседлости^[7]. Берлин вел вполне буржуазный образ жизни: у него был дом в престижном районе Риги и дача в пригороде, каждый год он отправлялся на воды в Карлсбад и на отдых в различные европейские города. В последние годы он проводил много времени в Ментоне – популярном курорте Французской Ривьеры. У Берлина не было детей, и он взял под свое опеку племянника жены, выходца из витебской хасидской семьи Мендла Цукермана, дал ему возможность получить образование в рижской немецкой гимназии (экстерном) и поручил вести кое-какие торговые дела своей фирмы^[8]. Вместе с тем Берлин во всем следовал еврейской религиозной традиции и оставался пламенным любавичским хасидом. В его доме собирался хасидский миньян, и сам он возглавлял правление рижской синагоги белорусских хасидов. Берлин ездил ко двору любавичских цадииков еще во времена р. Менахема-Мендла, в начале 1860-х, и поддерживал личное общение с одним из его наследников – р. Шмуэлем. Однако наиболее тесные отношения связывали его с пятым цадииком любавичской династии – р. Шаломом-Дов-Бером Шнеерсоном.

С конца 1890-х годов Берлин принимает самое активное участие в экономической и общественной жизни любавичского двора. Достаточно сказать, что созданная р. Шаломом-Дов-Бером большая хасидская ешива – «Томхей тмимим», которая, по мысли своего основателя, должна была стать основой возрождения традиционного иудаизма в Российской империи[9], долгие годы почти полностью содержалась на деньги Берлина. На протяжении длительного времени Берлин не только финансировал общественно-политическую деятельность любавичского двора в России и в Земле Израиля, но и являлся ближайшим советником цадика по самым серьезным общественным вопросам. Отношения особой близости, сложившиеся между хасидским лидером и рижским лесоторговцем, проникали и в личную сферу: Берлин часто брал на себя семейные расходы цадика, прежде всего связанные с поездками на лечение за границу, а р. Шалом-Дов-Бер, со своей стороны, следил за экономической деятельностью Берлина, давал ему практические советы и, конечно же, расточал благословения как в отношении экономического процветания своего партнера, так и в отношении его здоровья.

Однако при всем значении многосторонних связей между семьей цадика и рижским филантропом экономиком Любавичей держалась не только на поддержке Берлина. К началу XX века при р. Шаломе-Дов-Бере сложился круг видных купцов и промышленников, который играл центральную роль в финансировании и организации деятельности двора. Нам не так много известно о жизни этих людей, действовавших за блистательным фасадом одного из самых влиятельных хасидских дворов в России, но каждый из них внес свой вклад в развитие движения Хабад в рассматриваемый период.

Менахем-Монес Монесзон, уроженец Шклова, принадлежал к известной семье последователей р. Менахема-Мендла из Любавичей. Отец Монеса, Шалом Монесзон, был записан в первую купеческую гильдию и занимался торговлей бриллиантами и драгоценными камнями. Дом Монесзонов был центром любавичского хасидизма в Шклове: каждую субботу здесь собирались хасиды для совместной молитвы и праздничной трапезы, во время которой рассказывали друг другу чудесные истории о жизни и служении цадигов (обряд, известный в среде любавичских хасидов как «фарбрэнген», буквально – «собрание»)[10]. Монес Монесзон продолжил дело отца в Петербурге: в 1880-х годах он значился купцом первой гильдии в столице, и среди его клиентов были представители высшего общества и крупные государственные чиновники. Он женился на внучке цадика р. Менахема-Мендла и поддерживал постоянные связи со двором в Любавичах, его сын, Йеуда-Лейб, учился в любавичской ешиве «Томхей тмимим». С конца 90-х годов Монес Монесзон был вовлечен в общественно-политическую деятельность р. Шалома-Дов-Бера: он финансировал лоббистскую деятельность посланников цадика в Петербурге, задействовал свои связи с высокопоставленными чиновниками, чтобы добыть информацию о происходящем в правительственных институтах, и даже пытался оказать влияние на принятие решений, касавшихся политики центральной власти по отношению к евреям. Кроме того, Монесзон отвечал за финансовую и логистическую поддержку двух широкомасштабных кампаний любавичского двора на внутриеврейской арене: против создания просвещенными кругами новой раввинской семинарии и против набиравшего силу в России сионистского движения[11].

Михаэль-Шмуэль Трайнин, витебский купец первой гильдии. С 60-х годов XIX века жил в Петербурге, где у него был металлургический завод и недвижимость. Трайнин входил в круг ближайших помощников р. Шалома-Дов-Бера в организации совещания ортодоксальных раввинов в Вильне в 1909 году и в подготовке к Раввинской комиссии в Петербурге в 1910-м.

Шмуэль Гулари, табачный промышленник и железнодорожный подрядчик из Кременчуга, финансировавший и участвовавший в реализации различных общественных инициатив любавичского двора в последнее десятилетие перед революцией[12].

Помимо этого круга приближенных р. Шалом-Дов-Бер опирался в своей деятельности и на других представителей торгово-промышленной элиты еврейского общества, таких, как Шломо-Залман Берлин, брат Йешаяу Берлина, Яков Гуревич, Залман-Ицхак Волшонок (все трое – рижские купцы), Натан Гулари из Кременчуга (брат Шмуэля Гулари), Залкинд Персиц из Москвы и др.

Весь этот список спонсоров, обеспечивавших финансовую стабильность и общественную активность любавичского двора, свидетельствует о глубоких переменах, произошедших в последние десятилетия XIX века в хасидском движении. Хасидизм перестал быть провинциальным явлением, характерным исключительно для местечкового жизненного уклада. Его основные финансовые источники и влиятельные центры находятся теперь и за пределами черты оседлости, в крупных экономических и административных центрах империи. Эта ситуация отражает общее изменение экономической и социальной структуры еврейского общества в России: с 60-х годов XIX века в столице империи и в ее крупных городах появляются целые группы евреев, обладающих необыкновенной экономической силой; влияние этих групп на еврейское общество в целом было непропорционально их незначительному демографическому весу. По всей видимости, хасидское движение (по крайней мере, хасидизм Хабад) также испытало на себе этот модернизационный по своей сути процесс.

Союз между хасидскими лидерами и представителями новой еврейской экономической элиты следует рассматривать в более широкой социальной перспективе. Распространение хасидского движения и его утверждение в качестве признанного и влиятельного общественного феномена сопровождалось установлением хасидского контроля над институтами еврейского самоуправления. В любавичском хасидизме общинное руководство и традиционные институты общины часто становились инструментами административной деятельности двора на местах. Распад общинной системы самоуправления привел к высвобождению экономической элиты как самостоятельной силы, действовавшей как на общинном, так и на региональном уровнях. Мобилизация этой силы на службу двора помогала хасидским лидерам сохранять контроль над значительным сектором еврейского общества, когда связь двора с распадающимися общинными институтами потеряла свою былую эффективность. Более того, р. Шалом-Дов-Бер стремился превратить хасидскую экономическую элиту, сохранившую верность религиозной традиции, во влиятельный фактор на общественно-политической арене, способный противостоять опасной и разрушительной, с его точки зрения, деятельности просвещенных финансистов, предпринимателей и филантропов.

Не менее важную функцию приближенные к цадику состоятельные круги выполняли по укреплению самого движения Хабад. Как указывалось выше, прежняя система сбора пожертвований в пользу цадика по общинам на регулярной налоговой основе распалась с ослаблением общинных автономных структур. Теперь существование хасидского двора практически полностью зависело от финансовой поддержки отдельных филантропов. С другой стороны, цадик мог использовать свое влияние на экономическую элиту для того, чтобы мобилизовать ее организационные и финансовые возможности на помощь отдельным хасидам. Нередки были случаи, когда р. Шалом-Дов-Бер поручал своим влиятельным приближенным решать те или иные бытовые проблемы (как, например, потеря работы, угроза разорения, поиск средств для открытия нового предприятия или изгнание властями с места проживания), с которыми обращались к нему

хасиды. Более того, рядовые хасиды часто видели в своем пастыре заступника перед произволом местных хасидских финансовых тузов[13]. С типологической точки зрения хасидский двор выступает здесь как корпоративный орган, стремящийся ослабить внутреннее социальное и экономическое напряжение посредством протекционистских мер и организации взаимопомощи. Именно так действовала корпоративная администрация традиционной еврейской общины – кагал, а значит, особые отношения между цади́ком и экономической элитой можно считать основой сохранения хасидским обществом своего автономного характера после того, как традиционные институты еврейской автономии лишились своих полномочий. Использование современных форм экономической и финансовой деятельности – банковских транзакций, процентных отчислений от доходов компаний, находившихся во владении видных хасидов, выпуск и продажа акций, – а также новых средств коммуникации привело к беспрецедентному географическому размаху взаимодействия между двором цади́ка и хасидской плутократией и еще больше подчеркивало надобщинный характер хасидского руководства.

**Рабби Шалом-Дов-Бер. Фотография, сделанная для российского паспорта.
Ростов. 1920 год**

Впрочем, отношения между любавичским двором и его спонсорами никогда не были однонаправленными: в них были заинтересованы в равной мере обе стороны. Прежде всего, не стоит забывать, что приближенные к цади́ку представители экономической элиты были хасидами и в качестве таковых воспринимали всякий контакт со своим духовным лидером как событие, обладающее глубоким мистическим значением. Можно сказать, что они были готовы воспользоваться своими экономическими возможностями, чтобы продлить и расширить это возвышенное переживание, важнейший компонент их религиозной жизни. Кроме того, в соответствии с хасидскими представлениями, пожертвования в пользу цади́ка служат «искуплением души» жертвователя и открывают ему источники Б-жественной благодати во всех сферах земного существования. Личное участие цади́ка в вопросах быта, семьи и здоровья своих приближенных давало им ощущение уверенности и безопасности, об этом свидетельствуют и многочисленные благословения, содержащиеся в письмах цади́ка и обращенные к конкретным обстоятельствам жизни адресата.

Но это еще не все. Шаткий гражданский статус евреев в Российской империи, а также социальные и экономические потрясения, сопровождавшие становление капитализма в России, осложняли деятельность еврейских предпринимателей, прокладывая себе путь в разных областях развивающейся имперской экономики. Эти обстоятельства усиливали психологическую зависимость хасидской экономической элиты от своего пастыря, совет или благословение которого могли, как им казалось, решить их судьбу. Оправдывая ожидания своих приближенных, р. Шалом-Дов-Бер входил во все детали их деятельности, высказывал свои соображения и давал конкретные советы по самым разным экономическим вопросам. Кроме того, широкие связи цадика в еврейском обществе позволяли ему обеспечивать своим приближенным определенную социальную защиту: в случае разорения и потери средств к существованию близкие ко двору предприниматели могли рассчитывать на то, что цадик мобилизует им на помощь других, более удачливых, представителей хасидской плутократии[14].

Готовность деловых кругов поддерживать деятельность любавичского двора и принимать в ней самое активное участие была связана с еще одним дополнительным фактором. В течение длительного времени еврейская экономическая элита рассматривала общину и ее институты как естественные рамки для социальной самореализации и демонстрации своего статуса. Общинная иерархия, обладающая ярко выраженным олигархическим характером, предоставляла состоятельным слоям населения возможность ощутить свою избранность. Однако с отменой кагала и ослаблением общинных структур в годы Великих реформ Александра II сложилась совершенно новая ситуация. Рудименты системы самоуправления больше не представляли интереса для еврейских негоциантов, а продвижение в социальной иерархии русского общества по-прежнему было для них крайне затруднено. В этих условиях практически единственной сферой, в которой еврейская экономическая элита могла удовлетворить свои статусные потребности, была общественная или филантропическая деятельность внутри еврейского общества. Видимо, именно с этим фактором связано начало широкомасштабной общественно-политической деятельности просвещенных кругов петербургского еврейства в 1860-х годах. Те же процессы происходили несколькими десятилетиями позднее и в среде любавичских хасидов.

Хасидизм как движение, обладавшее четкой иерархической структурой, в основе которой лежали отношения между центром – двором цадика и периферией – хасидскими общинами, предлагало уникальные возможности для зримого выражения социального статуса. Представители хасидской экономической элиты, поддерживавшей тесные контакты со двором, выделялись из общей среды хасидов: им оказывали особые публичные почести при хасидском дворе, они были вхожи в дом цадика, олицетворявшего самую высокую ступень власти, они принадлежали к узкому кругу избранных, которые решали самые насущные вопросы, касавшиеся судьбы всего еврейского общества.

В целом, можно сказать, что разветвленная система сотрудничества и взаимной ответственности, которая сформировалась в отношениях между харизматическими по своей природе лидерами и экономической элитой в хасидском движении создала устойчивую социальную и экономическую базу для широкомасштабной общественно-политической деятельности любавичского двора на рубеже XIX–XX веков.

[1] См.: Лурье И. Эда у-медина. Хасидут Хабад ба-империя а-царит. Иерусалим, 2006. С. 36–41.

[2] Барталь И. Леан алах црор а-кесеф? // Дат ве-калкала. Под ред. М. Бен-Сасона. Иерусалим, 1995. С. 383.

[3] Ар-Шефер Ц. Любавич, ир мошав адморей Хабад // Ге-авар. 1957. № 2. С. 88.

[4] Дембовецкий А. Опыт описания Могилевской губернии. 1882. Т. 1. С. 713–714.

[5] См.: Глиценштейн А.Г. Сефер а-толдот: рабби Шалом-Дов-Бер Шнеерсон ми-Любавич. Нью-Йорк, 1972. С. 41, 58–81.

[6] См.: Лурье И. С. 40–41.

[7] См.: Восход. 1901. № 8. С. 14; РГИА. Ф. 821, оп. 8, д. 461, с. 159; Слиозберг Г. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 2. С. 183.

[8] Позднее, уже после смерти Берлина, Мендл взял его фамилию и назвал своего сына в его честь. После Октябрьского переворота семья Мендла переехала в Англию, где его сын, Исаяя (Йешаяу) Берлин (1909–1997), закончил Оксфордский университет и получил всемирную известность как оригинальный философ и исследователь европейской общественно-политической мысли.

[9] Об этом институте и его общественной роли см.: Левиков И. «Войско Давидово». Любавичская ешива «Томхей тмимим» на рубеже веков// Лехаим. 2008. № 6.

[10] Голденштейн П. Майн лебенс гешихте. Петах-Тиква, 1929. С. 146.

[11] Подробности об этой деятельности Монесзона см. в моей диссертации: Лурье И. Любавич у-милхамотейя: Хасидут Хабад бе-маавак аль дмута шель а-хевра а-йеудит бе-Русия а-царит. Иерусалим, 2009.

[12] См. о нем: Динур Б.-Ц. Мир, которого не стало. М.–Иерусалим, 2008. С. 161.

[13] Примеры такого рода двусторонних отношений можно найти в письмах р. Шалома-Дов-Бера: Игрот кодеш ме-эт ка'к адмор Моаршаб ми-Любавич. Нью-Йорк, 1986. Т. 1. С. 341; Т. 3. С. 65, 339; Т. 4. С. 103.

[14] Так произошло, например, с известным и состоятельным любавичским хасидом Авраамом-Абой Персоном, который в начале 1890-х годов потерял все свои накопления, и р. Шалом-Дов-Бер, опираясь на свои связи с деловым миром, пришел к нему на помощь.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

ЕВРЕИ НА ВОЙНЕ:

ОТ СОВЕТСКОГО К ЕВРЕЙСКОМУ?

Г'עאָ אָפּוֹרעוֹע

Авторы писем, дневников и воспоминаний, послуживших источниками нашей статьи [1], были советскими интеллигентами новой формации, если не родившимися при советской власти, то выросшими при ней, типичными – и в то же время не вполне типичными – продуктами социальной инженерии. Они были советскими евреями, которые получили шанс присоединиться к новому интернационалистскому большинству. И воспользовались этим шансом без особых раздумий.

Пятнадцатилетний Давид Кауфман вспоминал, что отец в раннем детстве рассказывал ему разные истории из Библии и старался воспитать в нем «дух национализма». Однако не преуспел в этом: «националист вышел из меня неважный, хотя я не лишен чувства некоторой национальной гордости и самолюбия»[2].

«В сущности, у меня нет народа, – рассуждал слегка повзрослевший Кауфман. – Дух еврейства чужд, непонятен, далек мне. По убеждениям я интернационалист, а по духу... тоже. И все же что-то сближает меня с этим народом. И уверен я, что, приключись с ним еще какие-нибудь беды, я не уйду от него и смело приму вместе с моими братьями любое страдание... И все-таки далек мне этот народ. Раздольная волжская песня трогает больше мое сердце, чем унылая и надрывная песнь моего народа. Язык моего народа не мой язык, его дух не мой дух, но его сердце – мое сердце»[3].

В отличие от своего отца, который «не судил о нации, а просто к ней принадлежал», Кауфман о «еврейской нации» судит. Судит как бы со стороны. Со стороны «русских евреев», которые больше русские, чем евреи. Которые уже не ходят в синагогу, но еще не ходят в церковь. Потом, впрочем, пойдут, и в немалом числе[4]. Рассуждая уже много лет спустя о еврействе и о своих предках, Кауфман писал: «Скажу о его (курсив мой. – О. Б.) нации»[5].

Лев Копелев «никогда не исповедовал еврейской религии, не знал еврейского языка, не сознавал и не чувствовал себя евреем». Себя он идентифицировал как «русского еврейского происхождения»; он был евреем «по формуле Тувима»: его родство с евреями определялось не по той крови, которая течет в жилах, а по той, которая течет из жил. Заявлять о своем еврействе Копелева обязывал «массовый жестокий антисемитизм» в СССР. Копелев говорил об этом в конце 1970-х годов[6]. В 1945-м, да и позднее, майор Копелев исповедовал интернационализм. Антисемитизм, нараставший с 1942 года, он объяснял закономерным обострением в период войны классовых и национальных противоречий, осложнявшихся «необходимостью национальной и притом именно великодержавной патриотической пропаганды, необходимостью и тактической, и стратегической». Даже в лагере он твердо верил в «грядущий коммунизм и в вечную Россию»[7]. В 1948-м друзья Копелева по «шарашке» Дмитрий Панин и Александр Солженицын упрекали его в том, что он не хочет признать себя «прежде всего евреем», и не соглашались с копелевским самоопределением «русский интеллигент еврейского происхождения»[8].

Советские евреи – те, что выросли при советской власти, – были, возможно, самыми советскими из советских людей. Они отчетливо представляли свое отличие от «прежних», других евреев. Тем паче что с этими «прежними», несоветскими, западными евреями, в 1939 году ставшими советскими гражданами, им приходилось встречаться.

Борис Тартаковский записал 31 октября 1941 года в Сталинграде, поразившем его толпами эвакуированных: «Но кто из всей этой массы, заполняющей улицы, толпящейся у магазинов, толкающейся в очередях за газировкой, настоящий, коренной сталинградец? Так что попадают женщины в когда-то модных пальто с широкими плечами, в цветных грязных колпачках или платочках, в коричневых лыжных ботинках. Где я видел их?»[9]

Видел их Тартаковский в начале того же 1941 года во Львове, куда был направлен по университетским делам:

Οααδαιυ γοίτ̄ ᾱᾱ Αόαο δαρεεε οίεταίυε ααοαδ. Ιί αοίτ̄αο ᾱεεοί π̄οοφ
 π̄αείοφ εδοίγ̄ ιί ορεει οεεοαί π̄οδαίίτ̄, ία ιίοίτ̄αᾱ ίε ία :οί ᾱί π̄εο ιίδ
 ᾱεαίίίτ̄ ᾱοίτ̄ᾱ, αᾱο π̄αείύα γι αεεε. Ο ίαί γοίεεα Ῑεεεαε:ο̄ εδοεοοίγ̄
 ῑαεαίυεεε π̄αείύε π̄αδ-. Ῑ δαί ιοίίτ̄α π̄οαίί ααείίτ̄α ᾱεεείεαίεα είπ̄οαείτ̄ Αίοεεα,
 XV ᾱε. Ορεεα :αοοδαγ̄οαείύα ᾱίτ̄ ᾱ οδε ίείτ̄. Ιί:αοίτ̄αεεα δεᾱδεε π̄γ̄οογ̄,
 οᾱύα εαί αίίύα ᾱᾱδεε. Αίαγ̄αίίτ̄ γ̄ᾱ ο̄ε̄ι δᾱρεείοείπ̄ι ίᾱιί ίίτ̄ π̄αδίτ̄ γ̄αίεα π̄
 εοίίε̄ῑ ε̄ π̄οαοογ̄ῑ ε̄. Ᾱεεεοεε̄εε̄ π̄αεί - «Ε̄ῡαε̄ᾱεε̄ε̄ ᾱαδ̄αᾱίεε̄ οίεᾱᾱο̄αο̄». Ε̄
 ᾱαδ̄αε̄ αεαε̄αε̄π̄ε̄ίτ̄ ᾱεᾱ π̄ίαε̄π̄αί̄ ε̄ ε̄ π̄ᾱύῑ ε̄ ᾱιδ̄ίτ̄ᾱῑ ε̄, ε̄ αεαίύε̄ίτ̄ ᾱι ίαίύο̄ ίαε̄ῡοί̄ π̄
 οεδ̄ίεε̄ῑ ε̄ ίεα:αί̄ ε̄, ᾱ ο̄ᾱοίύο̄ γ̄δεεο̄ ίεαοί:εᾱο̄, ᾱ ε̄ίδε:ίᾱᾱο̄ ε̄ῡαείύο̄ ᾱιδ̄είεᾱο̄ π̄
 δαί ίγ̄ῑ ε̄... x̄αεεᾱ ε̄ ε̄γ̄ῑ ο:αίίύα αοίτ̄αγ̄ο̄ ίίε̄ π̄π̄οί̄ εαί̄ ε̄ ιί δ̄υίέο̄ ίᾱδ̄ῑ ίίτ̄ ᾱίεᾱπ̄ε̄ίτ̄
 ᾱοίτ̄ᾱ. Ε̄οᾱ, ᾱ ε̄αεοφ̄ ᾱαε̄ῡ ίο̄ δ̄ίτ̄αίύο̄ π̄ᾱε̄ο̄ ῑ ᾱπ̄ο̄ γ̄ααδ̄αε̄ε̄π̄ῑ ίίε̄? Οί̄ ε̄ ᾱαε̄ῑ π̄ε̄ῡοε̄ο̄ῡ
 δαρεοφ̄ ᾱαδ̄αε̄ίεοφ̄ δα:ύ̄ Ῑίί ᾱᾱε̄ᾱ ᾱᾱῑ ίε̄ο̄ῡ ᾱᾱ οίτ̄ αεᾱ Ο̄οδαίεοί[10] - ᾱᾱ π̄αε̄ᾱίεγ̄
 ί̄ π̄ᾱύᾱο̄ ε̄ο̄ᾱε̄π̄ε̄ίτ̄ ίε̄αί̄ ᾱίε̄. Ᾱαε̄π̄ο̄αε̄ο̄ᾱε̄ῡί̄, π̄ᾱῑ ᾱ π̄ᾱύᾱ γοίτ̄ ίᾱτ̄:ᾱπ̄οίίτ̄
 ο̄αε̄αίδ̄εε̄ᾱτ̄ ίαδ̄ίτ̄ᾱ οίεεᾱο̄ ᾱ ῑε̄π̄οε̄ε̄γ̄, ε̄ π̄ε̄ίίε̄γ̄ῑ ᾱ Ᾱᾱ αεᾱ ᾱᾱο̄ῡᾱᾱ ᾱᾱ - ᾱ
 ᾱπ̄ε̄ῑε̄εγ̄οεε̄. Ῑαε̄ῡγ̄, ίᾱ ε̄ῑ ᾱγ̄ ο̄αδ̄δεοίδ̄εε̄ π̄ᾱαε̄, ῑῡοαο̄ῡγ̄ π̄οδαίεο̄ῡ ᾱᾱ π̄ᾱε̄
 ίᾱοε̄ίί̄αε̄ῡύᾱ ίδ̄ε̄ᾱι:ε̄ε̄ ε̄ ῑδ̄ᾱδ̄ᾱπ̄ῑᾱε̄ε̄. Ῡοί̄ δ̄αε̄ε̄οε̄ίί̄ῑ ε̄ ο̄οί̄ε̄:ίί[11].

Давид Кауфман (Самойлов) с польской девочкой.

Апрель 1945 года

Марку Шумелишскому также встретились в каком-то поволжском поселке «западные» евреи. Он называет их «евреями из Львова». Может, и так, однако скорее всего Львов был символом чего-то западного. «Евреи из Львова» работали лесорубами. В

комнате барачного типа жили несколько семей. «В прошлом, вероятно, мелкие торговцы или владельцы небольших торговых или кустарных предприятий, – записывает Шумелишский. – Это типичные польские евреи, которых еще не тронуло ассимилирующее влияние советской культуры. Держатся кучно, но, видимо, живут не особо дружно. Каждый хочет урвать кусок получше. Занимаются перепродажей вещей. Это основной источник доходов. Лесорубы, похоже, только для получения прав. Вынужденно. Весь этот дом, кишачий живым и крикливым населением, производит крайне неприятное впечатление. Эти люди еще не поняли, что евреи тоже могут быть и должны быть лесорубами»[\[12\]](#).

Впрочем, не только «западные», но и как будто советские, однако не столичные, не городские, «старорежимные» евреи были не близки молодым советским интеллектуалам. Григорий Померанц, по его позднему признанию, не принял близко к сердцу сведения об истреблении нацистами евреев. Он был чересчур «русским» и чересчур столичным: «Армейское русское “мы” вылезло и в моем первом восприятии геноцида. О нем говорили как о чужом горе. И я его принял как чужое горе. Я думал о погибших как о “местечковых” евреях, т. е. не таких, как я. И мне их было жаль, конечно, но как-то вчуже». Померанц надеялся, что большая часть городских, интеллигентных евреев успели эвакуироваться. Да и вообще, на войне, где гибнут миллионы людей, нечего разбирать погибших по национальностям[\[13\]](#).

Мало кто из наших героев рассуждал об истреблении евреев. Нацизм – абсолютное зло, для большинства еще не пришло время размышлять о его происхождении, сущности и политике. Иногда советским офицерам случалось обсуждать «еврейский вопрос» с немцами. Борис Итенберг, не упускавший случая поупражняться в немецком языке и нередко разговаривавший с пленными, задал им вопрос: «Почему немцы не любят евреев?» «И 36-летний фриц, садовник по специальности, с энтузиазмом мне стал рассказывать, и я, к радости, понял (“к радости” – имелось в виду, что Итенберг разобрал немецкую речь. – О. Б.): “Когда Гитлер пришел к власти, то большинство банков, заводов, фабрик и других коммерческих учреждений были у евреев, а для того, чтобы захватить все это, евреев начали расстреливать и на их места сажать немцев”, – это близко к истине?», – писал он родителям, как будто пытаясь найти «материалистическое» объяснение причин истребления евреев нацистами[\[14\]](#).

Итенберг спросил пленного, «знает ли он писателя Фейхтвангера». Оказалось (чего и следовало ожидать, ибо произведения еврея Фейхтвангера в нацистской Германии были запрещены), что «этот твердолобый фриц» о таком писателе не слышал. А ведь он «окончил восемь классов», – возмущался Итенберг[\[15\]](#). О, святая вера русского интеллигента, что просвещение спасет мир!

Лишь Давид Кауфман, как и «положено» студенту-ифлийцу[\[16\]](#), хотя и поэту, а не философу, пытался осмыслить феномен нацизма. В рамках своей «теории» о гитлеризме как апофеозе бюргерства, мещанства он логически выводил мотивы уничтожения евреев: «Бюргер ненавидит еврея-лавочника. Гитлер уничтожает всех евреев. Бюргер считает, что он и его жена самые добропорядочные бюргеры в мире. Гитлер кричит, что только нация бюргеров достойна жить на свете»[\[17\]](#).

Очевидно, чтобы уязвить «нацию бюргеров», Кауфман «для забавы» сообщил немцам, встретившимся ему в предместье Берлина, что он еврей: «Они ужасно рады, как будто я не еврей, а их богатый дядя, который к тому же собирается умереть»[\[18\]](#).

Похоже, что наших героев больше волновало отношение к евреям не немцев – с ними было «все ясно», а соотечественников, товарищей по оружию. Ибо пресловутый интернационализм советского народа стал испаряться (если когда-либо существовал за пределами узкого круга городской интеллигенции) на глазах.

Большинство евреев-ветеранов, рассказывающих сейчас о своем боевом опыте, говорят о фронтовом товариществе и о том, что антисемитизм процветал в тылу, а не на фронте. Учитывая склонность ветеранов к идеализации прошлого, противопоставление этого славного (без кавычек!) военного прошлого последующим годам политики государственного антисемитизма, по сравнению с которым те или иные проявления антисемитизма на фронте казались несущественными и недостойными внимания, вполне объяснимо. Однако же трудно представить сосуществование широко распространенных антисемитских настроений в тылу и «братства народов» на фронте. Тыл и фронт не были отделены друг от друга непроходимой стеной, это были сообщающиеся сосуды. Из тыла приходило пополнение, в тылу лечились раненые, возвращавшиеся после выздоровления на фронт, из тыла приходили письма. Более того, по свидетельству современника, именно демобилизованные из армии раненые являлись главными распространителями антисемитизма в тылу^[19].

Григорий Померанц.

1940-е годы

Немалое число ветеранов рассказывают совсем другие истории о межнациональных отношениях на фронте, истории, весьма далекие от традиционных представлений о боевом товариществе и дружбе народов СССР. По словам рядового, пехотинца Виктора Грановского, «если бы в роте знали, что я еврей, то в первом же бою я получил бы от кого-нибудь пулю в спину... Я не преувеличиваю... Застрелили бы в спину...» На его счастье, капитан в гомельском военкомате, оформляя Грановского добровольцем (в тот момент, в 1943 году, ему исполнилось всего лишь 16 лет), вписал в графе «национальность» вместо «еврей» – «белорус», а в графе «отчество» вместо Моисеевич – Михайлович. Таким образом, Грановский стал «Витей, белорусом из Гомеля», тем более что по-русски он говорил с белорусским акцентом, ибо шесть лет учился в белорусской школе.

«Меня поражало, – говорит Грановский, – откуда у моих товарищей по роте такая лютая ненависть к евреям? Ладно, часть солдат из уголовников, многие другие побывали по два-три года в оккупации, и, возможно, немецкая пропаганда так на них повлияла, но у остальных-то, у «обычных советских граждан», вся эта злоба – откуда? И на привале, и в землянке только и слышишь: “жиды то, жиды се”, мол, мы сражаемся, а они, твари еврейские, по тылам жируют. Мне было горько все это слышать, меня трясло внутри от возмущения, но я молчал...»[\[20\]](#)

«Война принесла нам широкое распространение национализма в сквернейшем, наступательном, шовинистическом варианте, – констатировал майор Борис Слуцкий. – Вызов духов прошлого оказался опасной процедурой». На войне встретились разные народы Советского Союза. В том числе неграмотные или малограмотные, не понимающие по-русски, не умеющие обращаться с техникой обитатели Средней Азии или Кавказа. «Народы... перезнакомились. Не всегда они улучшали мнение друг о друге после этого знакомства. <...> Был интернационализм, потом стал интернационализм минус фрицы, сейчас окончательно рушилась светлая легенда о том, что “нет плохих наций, есть плохие люди и классы”. Слишком уж много стало минусов»[\[21\]](#). Заметим, что его «Записки о войне», содержавшие столь крамольные мысли, были написаны в 1945 году.

Евреи занимали особое место на этой шкале взаимной неприязни. У Григория Померанца украли в госпитале (в офицерской палате!) орден Красной Звезды. В этом, скорее всего, не было «ничего личного». Орден стоил на черном рынке 10 тыс. рублей. Однако к нему подошел капитан, «обрусевший башкир», и стал объяснять, что, может быть, лично Померанц и не заслужил такой обиды, но евреи вообще... Капитан слышал от старших офицеров, с которыми лежал в одной палате, что после войны будет «антиеврейская революция», потому что на передовой евреев нет, «а в тылу 5-й Украинский фронт взял Ташкент»[\[22\]](#).

Мы не ставим своей задачей в рамках настоящей статьи проанализировать феномен роста антисемитизма времен войны. Заметим лишь, что он не мог быть связан с отсутствием евреев на передовой. «Вклад кровью» евреев, по данным Министерства обороны, уступал лишь вкладу русских, украинцев, белорусов и татар, чья доля в населении существенно превосходила долю евреев[\[23\]](#).

Личный опыт авторов привлеченных нами дневников и воспоминаний далек от единообразия. Выскажем несложную мысль, что многое зависело от степени ассимилированности евреев-военнослужащих, их должностей и званий, конкретного окружения. Судя по фронтовым дневникам, отношения с товарищами по оружию у евреев – бойцов и командиров Красной Армии – складывались по-разному. Лейтенант Владимир Гельфанд постоянно жалуется на оскорбления и унижения, которым он подвергается в связи со своим еврейством. Он совершенно одинок, нередко делится своими проблемами с сослуживцами, что в результате только доставляет ему неприятности, а иногда и настоящие страдания. Старший лейтенант Борис Сурис, напротив, считая свой характер «паршивым», удивляется: «Почему-то у меня очень много друзей, почему-то все ко мне хорошо относятся, почему-то даже совершенно незнакомые люди со мной здороваются и осведомляются о моем здоровье»[\[24\]](#). Он ни разу не упоминает о каких-либо проблемах, связанных с его еврейством.

В дневнике сержанта Павла Элькинсона вообще не встречается слово «еврей». Спустя 64 года после окончания войны Элькинсон говорил интервьюеру, что в войну «не было такого явного проявления антисемитизма». По его словам, «больше доставалось людям из Средней Азии. Дело касалось, допустим, питания. Они не ели свинину. Это

трагедия была для них. Они же голодные ходили, они, ну, привыкали в конце концов, а кое-кто даже не привык к этому... Ну, не знаю, мне, может быть, повезло, но я не чувствовал к себе плохого отношения в армии. Ну, может быть, я нигде не находился на таких постах, был рядовым»[\[25\]](#).

У самого Элькинсона проблем со свининой не было. Как и у других советских евреев. Лейтенант Борис Итенберг сообщал жене, что по случаю Дня Красной Армии были «красное вино и жареная свинина (до которой я большой охотник)». И месяцем позже: «Питание сейчас очень хорошее, преобладает жареная свинина с картофелем, а мне больше ничего и не надо»[\[26\]](#). Давид Кауфман занес в дневник памятку о нехитрой фронтовой радости: «Ночуем <...> наловившись свинины и напившись вдосталь молока»[\[27\]](#). Религиозные предки Кауфмана – дед и в особенности прадед, покинувший семью и уехавший умирать в Палестину, наверное, перевернулись бы в гробу, узнав, как нарушает обычаи их непутевый потомок.

Не углубляясь здесь в эту тему, все же заметим, что как бы ни относились товарищи по оружию к евреям[\[28\]](#), отношение в армии к уроженцам Средней Азии и Кавказа было несравненно хуже. Сурис, оказавшийся в результате ранения в тыловом госпитале, отмечает всеобщую ненависть и презрение к «бойцам-нацменам – “йолдашам”»[\[29\]](#). В рамках уютного мифа о дружбе народов (с треском и как будто неожиданно рухнувшего вместе с Советским Союзом) тема реальных, а не идеальных межнациональных отношений в годы войны оставалась длительное время табуированной. Не слишком далеко мы ушли в изучении этих отношений и сейчас, по привычке противопоставляя современные безобразия светлому прошлому. Которое при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо сложнее, чем бы этого хотелось. Но без изучения которого вряд ли можно понять корни современных конфликтов и «нестроений».

Новошахтинск, Ростовская область.
1943 год.

антисемитские слова и замахивается, собираясь ударить по лицу». Дунаевская, по ее словам, ничего не соображая, выхватила пистолет и выстрелила. По счастью, пуля пошла вверх (стрелять ей приходилось не слишком часто), а сопровождавший ее капитан быстро увез ее с места происшествия[32].

**Евреи в очереди на регистрацию.
Оккупированная Одесса**

22 октября 1941 года.

Мемориальный музей Холокоста.

США, Вашингтон

Каких-либо далеко идущих выводов из этих малоприятных эпизодов, во всяком случае тогда, авторы дневников не делали.

Советская власть упорно боролась с антисемитизмом, особенно в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Но в годы войны об этом нечего было и думать: в открытую осуждать антисемитизм означало бы, по сути, подтверждать один из основных тезисов нацистской пропаганды о советской власти как власти еврейской. Учитывая популярность антисемитских настроений, власть вряд ли могла себе это позволить. Даже если бы хотела[33].

Как повлияла война на отношение к собственному еврейству советских солдат и офицеров? По-разному. Мы не можем здесь оперировать какими-либо цифрами и давать однозначные ответы. Для кого-то еврейство осталось странностью, доставшейся по рождению, и если не помехой, то ненужным довеском к нормальному существованию.

Зимой 1945 года в Польше взвод Виктора Залгаллера был вынужден в 25-градусный мороз спать в лесу, на еловом лапнике. Залгаллер пошел к реке, где обнаружил несколько землянок соседней части (места в них не было) и баньку. Топил ее старик-еврей. «Спрашивает меня, – вспоминал Залгаллер, – “Аид?” – “Да”. Забормотал по-еврейски. А я не понимаю. “Ничего, – говорит, – ты спи, а я над тобой буду петь”. И я уже

сплю на сырых нарах <...> Первый раз в жизни мне помогла моя нелепая (курсив мой. – О. Б.) национальная принадлежность»[34].

Иные, оставаясь интернационалистами, возможно, впервые почувствовали свою принадлежность к еврейству. Борис Тартаковский записал 10 мая 1944 года свои впечатления недавних дней. Войска, в которых он служил, освобождали Украину. В Каменец-Подольске Старый город стал городом смерти:

Èîããà-òì ÿòè ðàéííú áúèè íàñæáíú à çíà-èòæúííé ÷àñòè ñàíæé áàðãí è. Í àì öü ñà-àèà ìðàððàòèèè Ñòàðúé àððíà á ìíæéííá àòòì, à ììòì òíè-òíæèè è àñò àá íæòàòææ è ñàì úé àððíà Áóèéí ðàçáðòíÿ òààè ìí ììðíòèè òðààíé ìéíúàãÿì, ááçí íèáí ì íòðÿò ðàçæòúá íéíà àíì íá íáðúáèè íáíáá àíà àèáíú íà ììòàòèáò ðàçðòáííúò ñòáí. Ðàèéí-ðàèéí ìðíéáàò ÷àéíáé, ìðíááæèò çàéóáòãÿ ñàáèà ðèøéíà[35].

Евреям, собранным в гетто Жмеринки (входившей в румынскую Транснистрию), повезло: сменившие румын немцы не успели их расстрелять. В то утро, когда Тартаковский приехал в Жмеринку, «город был полон людьми, вернувшимися к жизни. В первый раз за два с половиной года они смогли пройти по улице с поднятой головой, свободно и независимо, без унижительной желтой звезды на груди. Начисто сметены кольца с колючей проволокой, нет больше страшной границы. Трогательное это зрелище было. <...> И впервые в жизни пожалел я, что не знаю еврейского языка», – записал «ассимилятор» Тартаковский[36].

Григория Померанца «проняло» на обратном пути из Германии, в Майданеке, «около слипшейся в кучу детской обуви»: он «почувствовал погибших как своих детей и впервые до конца пережил слова Ивана Карамазова о деточках, которые ни в чем не виноваты»[37]. Очень характерно для русско-еврейского интеллигента: трагедия еврейского народа позволяет ему «до конца» воспринять мысль русского писателя. Мысль (и образ), относящаяся, несомненно, к числу наиболее гуманистических в русской литературе. Высказанная, правда, героем самого антисемитского романа Достоевского.

Борис Слуцкий. Венгрия.

1945 год

Все цитировавшиеся в настоящей статье авторы пережили войну и сделали относительно успешную карьеру. Думаю, что поэты Борис Слуцкий и Давид Самойлов (Кауфман) в специальном представлении не нуждаются. Борис Комский стал военным журналистом, а выйдя в отставку, поселился во Львове. До недавнего времени редактировал местную еврейскую газету. До сих пор сожалеет о «несчастье» – распаде Советского Союза. Павел Элькинсон стал инженером, начальником цеха крупного завода в родном Запорожье. Несколько лет жил в Израиле, затем вернулся в Запорожье – с годами израильский климат стал слишком тяжел. Виктор Залгаллер стал ученым, доктором физико-математических наук. В 1990-х его «нелепая» национальность привела его в Израиль. Борис Итенберг стал доктором исторических наук, автором многочисленных работ по истории революционного народничества и русского либерализма. Живет в Москве. Ирина Дунаевская защитила кандидатскую диссертацию по хеттологии, работала в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук. Живет в Петербурге. Борис Сурис окончил Академию художеств в Ленинграде, стал искусствоведом. Увы, его фронтовой дневник увидел свет почти 20 лет спустя после его смерти. Борис Тартаковский служил в святая святых – Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Его военные дневники вышли из печати также посмертно. Прямо противоположную «карьеру» сделал Григорий Померанц, отсидевший три года в лагере в поздние сталинские времена и ставший известным культурологом и диссидентом. Еще более известным диссидентом стал (я бы сказал, был «сделан») Лев Копелев, упорно пытавшийся улучшить советское общество и лишенный в конечном счете советского гражданства. Владимир Гельфанд особой карьеры не сделал – преподавал историю и обществоведение в профессионально-техническом училище в Днепропетровске, где и умер. Его обширный дневник опубликовал сын, уехавший на постоянное жительство в Германию. По иронии судьбы в книжном варианте дневник вышел лишь по-немецки и по-шведски.

В общем, наши герои остались советскими (за исключением «антисоветчиков» Копелева и Померанца) евреями. Больше советскими, чем евреями.

[1] Подробнее об этих источниках см. в первой статье нашей мини-серии «Евреи на войне: Солдатские дневники»: Лехаим. 2010. № 5.

[2] Самойлов Д. Поденные записи. М., 2002. Т. 1. С. 47. Запись от 29 ноября 1935 года.

[3] Там же. С. 61. Запись от 6 марта 1936 года.

[4] См. об этом: Judith Deutsch Kornblatt. Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church. The University of Wisconsin Press, 2004.

[5] Самойлов Д. Памятные записки. М., 1995. С. 54.

[6] Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1990. С. 190.

[7] Копелев Л. Хранить вечно. М., 2004. Т. 2. С. 16, 196–197.

[8] Копелев Л. Утоли моя печали. М., 1991. С. 46.

[9] Тартаковский Б.Г. Из дневников военных лет. М., 2005. С. 32–33.

[10] Речь идет о персонаже романа И.Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922).

[11] Тартаковский Б.Г. Там же.

[12] Шумелишский М.Г. Дневник солдата. М., 2000. С. 37.

[13] Померанц Г. Записки гадкого утенка. М., 2003. С. 86.

[14] Б.С. Итенберг, письмо родителям, 13 августа 1944 года (личный архив Б.С. Итенберга).

- [15] Б.С. Итенберг, письмо родителям, 13 августа 1944 года (личный архив Б.С. Итенберга).
- [16] ИФЛИ (МИФЛИ) – московский Институт философии, литературы и истории, «красный лицей». Существовал в 1931–1941 годах. В 1941 году волился в состав МГУ.
- [17] Самойлов Д. Поденные записи. Т. 1. С. 218. Запись от 17 апреля 1945 года.
- [18] Самойлов Д. Там же. Запись от 23 апреля 1945 года.
- [19] Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1952: Документы. Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 34.
- [20] <http://www.iremember.ru/content/view/735/2/lang.ru/> (последнее посещение 16 мая 2010 года).
- [21] Слуцкий Б. Записки о войне // Он же. О других и о себе. М., 2005. С. 118–121.
- [22] Померанц Г. С. 156.
- [23] Всего на фронтах Великой Отечественной войны погибло 142.500 евреев (Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2009. С. 52). Общие потери еврейского населения (считая тех, кто проживал на территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах) составили 2.733.000 человек, или 55% всего еврейского населения СССР на июнь 1941 года. Это составляет более 10% всех людских потерь СССР в период Великой Отечественной войны (Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 [9]. С. 152, табл. 9).
- [24] Сурис Б. Фронтовой дневник. М., 2010. С. 136.
- [25] Интервью Леониду Рейнесу. Запорожье, 13 июня 2009 года.
- [26] Итенберг Б.С., письма жене от 26.02 и 16.03.1945 (личный архив Б.С. Итенберга).
- [27] Самойлов Д. Поденные записи. Т. 1. С. 208. Запись от 4 февраля 1945 года.
- [28] О национальном самосознании советских евреев-интеллигентов и об отношении к евреям в Красной Армии см: Oleg Budnitskii. The Intelligentsia Meets the Enemy: Educated Soviet Officers in Defeated Germany, 1945 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 10 (3). 2009. P. 647–656.
- [29] Сурис Б. С. 128. Запись от 16 июня 1943 года. Об «инородцах» в Красной Армии см.: Leo J. Daugherty III. The Reluctant Warriors: The Non-Russian Nationalities in Service of the Red Army During the Great Patriotic War 1941–1945 // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 6. № 3. 1993. P. 426–445.
- [30] Комский Б.Г. Дневник. Запись от 7 января 1945 года. Blavatnik Archive, New York.
- [31] Залгаллер В. Быт войны // Вестник (Балтимор). 2001. № 11 (270). 2001. (<http://www.vestnik.com/issues/2001/0522/win/zalgaller.htm>).
- [32] Дунаевская И. От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942–1945). М., 2010. С. 328, 370–371. Записи от 29 июля 1944 года и 1 февраля 1945 года.
- [33] О «еврейском синдроме» советской пропаганды см.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 222–229.
- [34] Залгаллер В. Там же.
- [35] Тартаковский Б.Г. С. 176.
- [36] Тартаковский Б.Г. С. 171.
- [37] Померанц Г. С. 158.

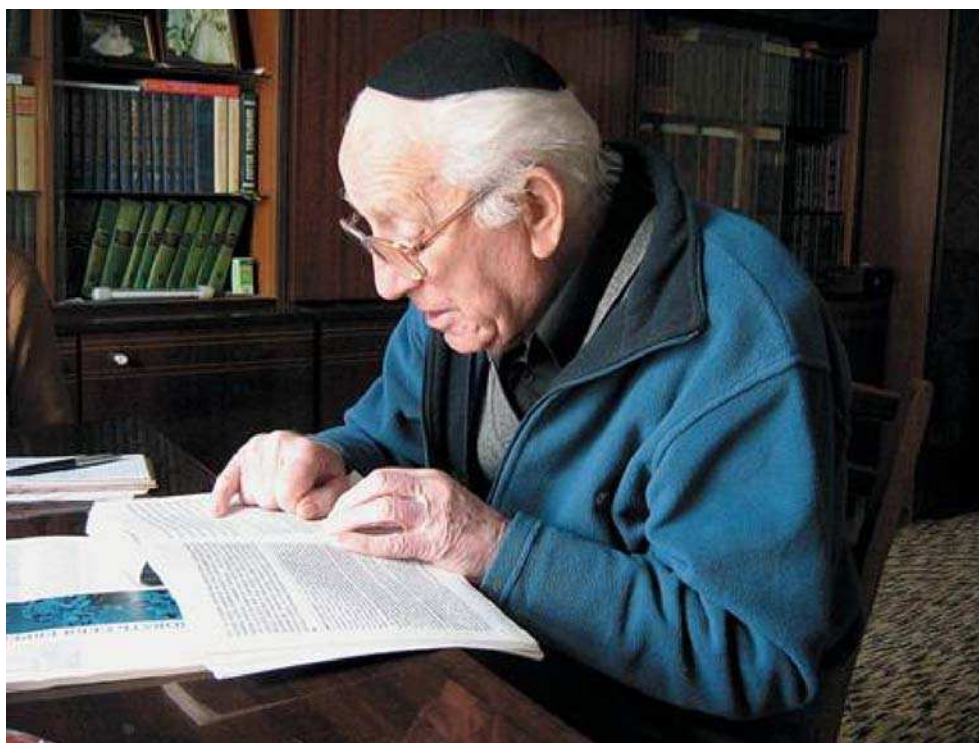
ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

ЕВРЕИ И СЛАВЯНЕ:

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЕВРЕЙСКИХ ОСЕННИХ ПРАЗДНИКАХ

Î àðëÿ Êàïï èí à, Ñààòëàí à Àí îï àà

Осенние еврейские праздники: Рош а-Шана (Рошашуне), Йом Кипур (Йонкипер), Суккот (Сикес) и Симхат Тора (Симхес Тойре) – занимают важное место в воспоминаниях современных восточноевропейских евреев о довоенных календарных ритуалах и семейных праздниках. Наша публикация продолжает разговор о календарных традициях евреев Галиции, Подолии и Буковины, начатый в прошлых номерах журнала [\[1\]](#), и основывается на полевых материалах, собранных в ходе многочисленных экспедиций в изучаемые регионы в 2005–2009 годах. Мы вновь постараемся сопоставить рассказы об осенних праздниках информантов-евреев, заставших довоенные времена, с воспоминаниями их соседей-славян. Славянские представления о евреях, их обычаях и обрядах, в том числе календарных, уже исследовались О.В. Беловой [\[2\]](#), но мы добавляем к ее наблюдениям новый обширный полевой материал.

Еврейские воспоминания об осенних праздниках

Рош а-Шана (Рошашуне)

Разговор о Новом годе часто начинается с упоминания обычая ходить на кладбище, навещать могилы родных и близких. Обычай этот тщательно соблюдался и в послевоенные годы, сохраняется он и в наши дни. За месяц до Рош а-Шана в города и местечки Подолии, Бессарабии и Буковины приезжают евреи из Германии, Америки, Канады и Израиля, убирают могилы своих родственников или нанимают кого-то, кто бы сделал это за них. Наши информанты вспоминают, что и до войны на кладбище ходили редко – не больше нескольких раз в год и чаще всего как раз перед Рош а-Шана: «Накануне Рошашуне обязательно надо идти на кладбище и просить а гит юр [хорошего года]»[3]. Таким образом, навещая умерших родных, люди как бы подводят символический итог года и просят себе благополучия и удачи в новом году.

Очень редко встречаются воспоминания о традиции посылать друг другу новогодние открытки. Обычно запоминались открытки, присланные из-за границы, в основном из Америки. Но иногда наши информанты вспоминают и то, как сами посылали друзьям и знакомым такие открытки, которые «назывались лешонэ тойвэ»[4]; в Хотине, например, такие открытки свободно продавались в магазинах.

Некоторым нашим информантам запомнился обряд ташлих, во время которого евреи ходили к воде и вытрясали карманы, символически освобождаясь от грехов накануне Нового года. «В Чернивцах ходили, взрослые ходили <...> – выворачивают карманы и вроде вынимают и все бросают. На речку ходили женщины, мужчины»[5]. Хотя в последние годы в городах, где работали наши экспедиции, этот обычай возобновился, в памяти большинства информантов он сохранился именно в контексте детских воспоминаний о том, что делали взрослые во время осенних праздников.

Как правило, хорошо запоминается праздничная новогодняя еда – фаршированная рыба, цимес, варенье и сладости: «Первое, что делаешь, – берешь варенье ложечкой, и каждый берет немножко сладкого варенья, немного с водой, для того, чтобы год был сладкий, и пожелали друг другу, чтобы год был сладкий»[6].

Таким образом, обычаи празднования еврейского Нового года, сохранившиеся в памяти наших информантов, связаны с избавлением от старых грехов и обязательств и с пожеланиями нового, хорошего и успешного года.

Йом Кипур (Йонкипер)

Пост Йом Кипур, пожалуй, единственный день в еврейском календаре, который соблюдался всегда и с которым связано много личных переживаний и воспоминаний у каждого нашего собеседника. Даже люди, не считающие себя

религиозными, ходили в этот день в синагогу и старались соблюдать пост: «Но очень сильный пост, все придерживаются, <...> я не встретил в своей жизни ни одного еврея, который в Йом Кипур не держал пост»[7]. Или другой пример: «Я знаю все по еврейскому закону, как и что. Но чтоб я была фанатиком – нет. Я не фанатик. Я не иду в синагогу, не шла никогда в синагогу. Только Йонкипер. Когда Судный день, тогда мы собрались, чтобы слышно это вот, шофар, когда дули по шофар, тогда это был закон. Но так – нет»[8]. Вспоминая о своем отце, стороннике коммунистических взглядов, одна из наших собеседниц рассказывает: «Понимаете, насколько отец был нерелигиозен, что, например, в Йом Кипур, Судный день, он постил, но курил. Это же... нельзя»[9]. Этот день считается настолько значимым, потому что с ним традиционно связывается поминовение умерших: «Пост в Йонкипер соблюдают от родителей»[10]. В этот день в синагоге читают поминальную молитву изкор, и поэтому многие люди, которые ходят в синагогу очень редко, предпочитают делать это именно в Йом Кипур. Как рассказывал нам Лазарь Михайлович Гурфинкель из Черновцов, он ходит в синагогу только раз в год, в Судный день, – в память об отце, который тоже ходил туда лишь по самым большим праздникам. Поминальная тема отчетливо звучит в описании этого дня:

Йонкипер – это же очень, очень такой непраздничный <...> как тебе сказать, это траурный день. Это конституция по-нашему. Я называла всегда это конституция, потому что Б-г назначает каждому человеку, сколько он будет жить и когда он будет умирать. <...> Вспоминают всех умерших. Есть... есть день, что это надо читать молитву только для умерших. Читают молитву, вспоминают всех, сестры и братья, что их нет. И так читают, плачут, ой... ///

Другое объяснение можно услышать от более молодых наших собеседников: «Насколько я помню, мама всегда говорила, что если ты хочешь исполнения желаний, чтобы было все хорошо, чтобы все было вот так, и так, и так, то надо, что в этот день надо обязательно поститься, тогда тебе воздастся за это»[12].

Поскольку именно в этот день было принято ходить в синагогу, воспоминания о довоенных посещениях синагог часто бывают приурочены к Йом Кипуру: «Например, на Йом Кипур мама и папа шли в синагогу. У мамы было свое место, я помню, только начинается Новый год – папа уже шел и покупал маме место, чтоб мама не стояла»[13]. Почетные места в синагогах были у постоянных прихожан, а приходившие раз в год покупали места заранее. Обычно вспоминают интерьер синагоги, устройство женской галереи, наряды: «Мама одевалась модно. Но в синагогу всегда люди ходили в платках. Она ходила в шляпе, она была светская. Но только на Йонкипер, это Судный день, она надевала белую шаль, такую шелковую, нежную»[14]. Вот одно из подробных описаний синагогальной службы Йом Кипура:

Я помню, еще когда в Озаринцах мы жили, так была синагога как-то так построена, что внизу на первом этаже мужчины молились, а был второй этаж, только это не как второй этаж, а просто было, ну, как вам сказать, такое, как крыша такая, и были окна, и было слышно и видно, как молились мужчины, – и там сидели женщины. Моя мама очень хорошо знала еврейский язык и она умела читать Талмуд, или как это называется. <...> Люди в основном тогда в те годы были ж безграмотны. Так она читала на иврите, она читала и переводила, а все остальные женщины, которые там сидели, они повторяли за ней. И мне запомнилось, как все женщины, – значит, было так модно – были косыночки такие тюлевые в клеточку. Разноцветные клетки эти. Все женщины покупали себе такие косыночки, и завязывались тут с бантиком. Так какое лицо красивое! <...> И притом сидели и плакали все время, можете себе представить фасон! Так они все сидели и повторяли за ней. И плакали. А были старушки, очень

старенькие, и они падали там в обморок, и все равно они не ели. Их обливали водой, но так, чтобы не дай Б-г, чтоб на губы не попало. Вот такое. Это я помню. Это я еще была ребенком совсем, но я это все помню. <...> Более богатые сидели в первом ряду, там, возле этих окон. А еще была большая синагога, а еще была для рабочего люда, для портных, для всех этих. Так мою маму всегда сажали в первом там ряду на самом видном месте [\[15\]](#).

Любопытно, что в этом подробном этнографическом описании тоже подчеркивается почетное место, которое занимала мама рассказчицы в синагоге. Личное участие близких родственников в таком важном событии, как служба Йом Кипура, и уважение, которое оказывали им остальные члены общины, способствовало сохранению таких моментов в детской памяти наших собеседников. Но чаще встречаются не столь подробные рассказы, а просто упоминание того, как детьми ходили за старшими родственниками к синагоге и носили за ними скамеечку или талес.

Многие люди не заходили в самую синагогу, но ближе к исходу праздника приходили послушать звук шофара, обозначающий конец поста:

Èí ôí òì àí ò. Трубы трубили, тогда уже можно было есть.

Ñí à è ò à à è ù А откуда вы знали, что трубят? Специально ходили?

Èí ó. Специально ходила на это... в синагогу! Ходили, и много людей было <...> на улице <...> И слушали – когда начали, тогда все начали домой бежать [\[16\]](#).

В связи со строгим постом говорить о кулинарных традициях этого дня не приходится, однако последняя трапеза перед Йом Кипуром запомнилась многим. Она называлась фарфостн – «до поста». Также запомнилась и первая трапеза после поста – уффостн: «И мы быстренько накроем стол, все, как должно быть – и тарелочки, и ложечки, – все-все разложим, только следим... смотрим, когда они уже идут. Вот когда они уже идут, мы стоим ровненько, по струнке и ждем родителей, поздравляем с праздником, все, и они садятся, ну, и мы, конечно, вместе с ними, и они уффостн, это называется уффостн» [\[17\]](#). На столе были традиционные праздничные блюда, ели сладкую пищу, как и на Рош а-Шана, символизирующую начало нового, хорошего года: «Приходят домой с синагоги, всей семьей садятся за стол. Обязательно сначала надо попить чай, потому што целый день ты ничего не ела, и желудок... Сладкое нарезают, можно соседей пригласить, если рядом, или родственники» [\[18\]](#).

Чаще всего из обычаев Йом Кипура наши информанты вспоминают обряд капорес: перед Судным днем было принято крутить над головами всех членов семьи живую курицу, на которую переходили все грехи. Над головой девочек крутили курицу, а над мальчиками крутили петуха. Потом курицу резали и отдавали бедным или ели сами. «Я знаю, что мама мне крутила курицу. <...> Да, а капурэ. А капурэ. А капурэ-хиндл [курицу искупления]. Так мама мне крутила над головой, это на <...> Йонкипер. <...> “Дир цим лебн, им цим тойт. Дир цим лебн, им цим тойт. Дир цим либм, им цим тойт”. Тебе к жизни, ему к смерти. Тебе к жизни, ему к смерти» [\[19\]](#). «Капурес, шлугэн капурес – это есть такое, перед Новым годом, покупают курочек, мама покупала мне, Рае, Давидке. Дедушка говорил молитвенные слова, и мы шлугэн капурес и, это, резали, давали беднякам. <...> Чтобы эта курица забрала все плохое, что тебе может быть. <...> Дедушка крутил и говорил слова, а потом бедному давали деньги и курицу, чтобы он себе имел на праздник» [\[20\]](#). В богатых семьях старались сами не есть ту курицу, на которую перешли все грехи, и отдавали ее бедным; в менее состоятельных домах курицу съедали сами. А

когда совсем не было средств, курицу заменяли деньгами. Любопытный вариант трансформации этой традиции мы записали в Могилеве-Подольском: «А в последнее время какой-то раввин был молодой, у них нет курей, так берут монету, капюру, и потом эту капюру бросают в ящик»[21]. Здесь по созвучию а капурэ заменяется купюрой – денежным эквивалентом куриной жертвы.

У наших информантов, как и у многих раввинистических авторитетов древности и современности, сохраняется спорное отношение к этому обычаю. С одной стороны, это сентиментальное воспоминание о детстве, когда старшие родственники крутили кур и петухов над их головами. С другой – многие наши собеседники воспринимают этот обычай как непонятный, странный, даже смехотворный пережиток прошлого: «Это такой обряд... он мне не нравится, я не вижу никакой логики <...> Это откупление... Искупление своих грехов. <...> Жертвовали этим петухом, чтобы искупить свои грехи»[22].

Суккот (Сикес)

Праздник Суккот вносил заметное разнообразие в повседневную жизнь и потому особенно запомнился нашим информантам. Было принято строить рядом с домом сукку (сикку) – временный домик или шалаш, где питались в течение всех дней праздника: «А в Суккот – вот это праздник, это делается, это не в доме; это именно надо, щоб был шалаш такой <...> из досок сделано, но надо же было прикрыто из кукурузной вот это, знаете? Когда кукурузу снимают, и вот эти палки надо именно»[23]. «Мой папа делал во дворе большущий такой шалаш, <...> он был большой, почти вот, вот как полкомнаты. <...> Доски и забили камышом. А потолок тоже был камыш, камыш. И папа спал <...> в этой сике. Он спал, он ночью не спал дома, только в этой. Было облицовано коврами, и даже на потолке. И было, люстра висела, кругом было навешанные фрукты: груши, яблоки, виноград, всё». Если уроженцы Бессарабии, как авторы двух предыдущих реплик, говорят о строительстве сукки, уроженцы Подолии, как правило, видят в этом только современную традицию, практикуемую в синагогах последние несколько лет. А в их детстве в еврейских домах были специальные террасы или коридоры, в которых на праздник Суккот разбирались крыша, там ставили столы и стулья и ели[24].

Происхождение праздника Суккот могут объяснить немногие. Иногда, описывая устройство сукки, покрытой травой от дождя, добавляют: «Это из истории, это все, что выгоняли, как они бедные на дожде...»[25]. Интересно, что тема дождя и плохой погоды, которая часто звучит в разговорах о Суккоте с нееврейским населением Украины и Молдавии (см. ниже), почти не возникает у еврейских информантов. Гораздо чаще встречается обычная мотивация построения сукки: «Суккот знаете почему? Ну, это когда Моше евреев ввел в мидбар, в пустыню, так некоторые делали себе колыбы такие, чтобы не жить под открытым небом, вот в честь этого и есть этот праздник Суккот, мы говорим просто Сикес»[26].

Из обрядов праздника нашим информантам запомнился обычай благословлять ритуальные растения. При этом добавляется любопытная этнографическая деталь: поскольку для многих бедных семей покупать этрог и лулав было дорого, во время праздника синагогальный служка просто заносил в еврейские дома нужный комплект для произнесения благословений, а потом нес его дальше:

Лулав – это <...> там – лимон есть такой и еще какие-то <...> Да, приносил, домой приносил эта, шомес, знаете? Вот этот, что в синагогу, шо он там... живет в синагоге и что он смотрит за этим. Это называется «шомес». И он приносил – да,

вспомнила: он приносил всем домой. Всем домой, чтоб все помолились. <...> Портные имели свою синагогу, сапожники имели свою синагогу. Ну, вот так вот. И там уже от этой синагоги, где ты молился, так этот шомес принес именно тем семьям, в тот дом, где, которые относились к этой синагоге. <...> Все помолились, надо было поддержать, потрусить вот так – и потом он забрал. Он не мог оставить [\[27\]](#).

В одной из экспедиций нам удалось зафиксировать описание детской игры на Суккот. Играли в орехи, которые до Суккота не принято было есть:

עִיֹּוֹדֵי אִיֹּו. Ну, мальчики между собой. Ну, берут орехи в карман, ну дома где-то, на улице, «чок» называлось. Делаем ямку такую, обыкновенно ищешь такое место, вот было такое вот, и играем.

נִיָּאֶדְאֹאֵיִי Чтобы по наклонному скатывались?

עִיֹּו. А бывало так, что и по доске скатывали орехи, а бывало, так берешь, ну давай ты четыре и я четыре. Бросили в эту ямку, три-четыре остались в ямке, остальные разлетелись, начинаешь, кто быстрее, точно собирает семь-восемь, тот забирает все остальные. Вот так играли в Суккот [\[28\]](#).

Симхат Тора (Симхес Тойре)

Последний день Суккота, Симхат Тора, которым заканчивается цикл еврейских осенних праздников, особенно запомнился многим нашим информантам, главным образом потому, что в этот праздник – в отличие от Рош а-Шана и Йом Кипура – было принято приводить детей в синагогу. Вот уникальное свидетельство дочери раввина из Славуты, Клавдии Исаковны Шапиро (1927–2009):

Я вам скажу – я родилась в 1927 году, это уже советская власть – можете себе представить. Один раз в Симхас Тойре я пошла к папе в синагогу, там было весело, целуют... целуют Тору. И ученики доложили учительнице, и маму вызвали. Так она сказала: если они вам доложили, они же тоже были. Так она ответила: им можно, а вашей дочке нельзя, она дочь раввина. Да. Мама имела неприятности [\[29\]](#).

Отправлявшихся в синагогу детей было принято нарядно одевать и давать им с собой красивые флажки, яблочки и свечки; такие флажки до войны покупали в магазинах:

עִיֹּוֹדֵי אִיֹּו. И были такие флажки из бумажки, тонкие, а были такие флажки с картона, там все разрисовано, все наши вот эти; и надо было сверху красное яблочко и свечку. <...> На флажках нарисована вся наша... история, наши эти вот... ну, как говорят, наши все предки, предки! Нарисованы там – и где-то подписано.

נִיָּאֶדְאֹאֵיִי А они покупались, или сами делали такие флажки?

עִיֹּו. Не-не. В магазинах все было, именно к празднику, в магазинах [\[30\]](#).

Этот обычай сохранялся и в 1950-х годах и отразился в воспоминаниях послевоенного поколения: «Помню, в детстве меня папа тоже держал на руках <...> так вот мне яблочко дали и свечку, и танцевал он со мной по залу, большущая зала, и он со мной танцевал... Ну, когда Тору выносят, на последний праздник, <...> когда Тору... с Торой танцуют, так я помню, тогда он с яблочком – красное яблочко, – и меня благословлял раввин, чтоб я была счастлива. Там был огромный зал» [\[31\]](#). В это время уже

не было магазинов, торгующих такими товарами, и флажки приходилось делать самим: «Поскольку папа был мастер, то проблемы с досточками не было. Он делал мне палочку, брату. И мама на бумажке из альбома для рисования делала флажочек, рисовала синюю звездочку, и сверху на палочку надевала красное яблочко, чтобы оно блестело. Яблочки назывались цыганочки. <...> И в яблочке делала дырочку, а на дырочку она вставляла свечечку. <...> Нужно, чтобы свечка не погасла и яблоко не съест раньше времени. <...> Тору носили вокруг бимы, а все дети хватались за нее и целовали»[\[32\]](#).

Таким образом, мы видим, что в детских воспоминаниях о еврейских осенних праздниках наши информанты сохранили моменты, связанные с личным участием самих детей или их родителей (обряд капорес, строительство сукки, поход в синагогу с флажком и яблоком и т. д.). А ряд традиций, которые продолжают соблюдаться и в наши дни: пост в Йом Кипур, угощения на Рош а-Шана, посещение могил близких родственников перед осенними праздниками – приобретают в глазах наших информантов особый вес и значение, поскольку им находят соответствия в детских воспоминаниях.

Синагога Мордко и Тауби Крон в Черновцах.

Конец XIX века.

Фото 2007 года

Еврейские осенние праздники глазами славянских соседей

Для иноэтничных соседей важными среди еврейских осенних праздников оказываются три: Новый год, Судный день и Суккот; Симхат Тора практически включена в славяно-еврейский календарь, по-видимому, потому, что у этого праздника меньше внешних атрибутов, заметных чужакам. Большинство наших информантов описывают традиции и обряды, которые они сами наблюдали до второй мировой войны, когда жили с евреями в непосредственном соседстве или слышали их описание от своих родителей.

В славянской культуре некоторые еврейские праздники получают новое название. Так, Суккот именуется словом «Кучки» (Куци), а иногда так называют весь период осенних праздников. Самым важным для славян оказываются погодные приметы,

связанные с еврейскими осенними праздниками, – считается, что в это время погода меняется, начинают идти дожди.

Новый год

Прежде всего вспоминают, что евреи ходят в это время на кладбище: «Ну, кучки... Я ж тебе говорю, что вот в ихнии кучки они ходят на кладбище»^[33]. Одной из причин перемены погоды и начала дождей называют то, что евреи в это время плачут по своим убитым родственникам:

Èíòíðì àíò. Мы кажем це «еврейские кучки» – це дожди начинаются.

Ñíàèðàò àëü А это когда?

Èíò. Это за две недели... Галя, Галя, чуешь? А колы эти еврейские кучки?

Èíò. 1 Ну, я кажу, воны осенью идут оплакивают своих убитых, идут оплакивают.

Ñíà Они оплакивают?

Èíò. 1 Ну, поминают, и все.

Èíò. Ну, молятся, молятся, и все!

Èíò. 1 Вот они як оплакивают их, значит, идут дожди.

Èíò. Значит, жидивски кучки ^[34].

Упоминают также обряд ташлих, хотя ни самого названия, ни сути обряда никто из славян не знает:

Èíòíðì àíò. И скоро здесь зара ихни кучки будут у цим мисяце, то це они приходят на ричку, як они булы, а зара нема. И мают книжки, Евангелию и читают, и глядаются в воду, и кидают в воду, а что кидают?

Ñíàèðàò àëü Приходили вот сюда на реку?

Èíò. На речку, да. На Днистр, на речку, на ту, что возле моста речка есть, туда. И доўго, доўго читают, глядятся в воду и кидают, а шо кидают, то не знаю.

Ñíà Они кидают или смотрят в воду?

Èíò. И ужсе як надо идти, то як жинка, то юбку стяхне таке и пошла ^[35].

Славяне описывают еврейские гадания накануне Нового года, предсказания судьбы – евреи смотрят на длину тени в реке: если тень длинная, то жизнь длинная, и наоборот: «Они идут дивитися на тень. Ну, у них так, обряды свои были. <...> Таки в общем, что они оплакивали своих ридных, шли, значит, до воды, як шо вода показывала ихню тень доўгу, значит, це у них доўгий вик буде, а если коротко... Ну, смотря яка пора дня, шо день там до обиду, тень уже иде, солнце дальше. Вот. Они плачут, что вик короткий, бо тень у них короткая»^[36]. Интересно, что подобный обычай действительно

зафиксирован у евреев, по меньшей мере, со Средних веков: в еврейских общинах Европы было принято выходить в полночь последнего дня Суккота на улицу и при свете луны пытаться увидеть собственную тень: отсутствие тени считалось признаком близкой смерти, а ее ущербность – болезни. Сейчас подобную примету можно услышать в некоторых еврейских (например, хабадских) кругах, однако у еврейских информантов в Украине нам ее пока записать не удалось.

Старое еврейское кладбище в Новоселицах.

Современное фото

Судный день

Самый распространенный рассказ про еврейский Судный день – это сюжет о Хапуне, или черте, который ежегодно в этот день похищает одного еврея. Поэтому в этот день все евреи молятся и боятся, что ночью одного из них ждет смерть. Так, например, И. Франко пишет, что украинцы верят, будто в еврейский Судный день в каждой «жидивской школе» (т. е. синагоге) исчезает один еврей – его уносит черт[37]. В рассказе В.Г. Короленко «Судный день» Хапун называется «жидовским чертом» и описывается как обычный черт, только «носит пейсы да ермолку и силу имеет над одними жидами»[38]. В некоторых рассказах из Подолии и Галиции уточняется, что Хапун утаскивает человека в тот момент, когда происходит молитва над водой. Поэтому тот, кому суждено умереть в эту ночь, не видит на воде своей тени[39].

Суккот (Кучки)

Главное, что сообщают соседи-славяне о празднике Суккот, – постройка специальных шалашей и молитва о дожде[40]. Если дождя в этот день нет, евреи его имитируют, – например, ставят на крышу шалаша полый арбуз или тыкву, просверлив там дырки и налив туда воду:

*Εἰ ὁ ἄϊός. Да были праздники, и Пасха была. И Кучки какие-то, но что это за обряд, я не понял. Если дождь, в тот день дождь не падал, то они делали что-то вроде шалашей, и там ставили арбуз. В арбузе пробивали дырки, наливали воды туда, чтобы капало. Обычаи такие, чтобы надо, чтобы капало, смывало их грехи. Я не в курсе.
<...>*

Ніаєдіо аєї А вот Кучки когда?

Еїо А осенью, осенью, это так приблизительно, у-у, Октябрьска революция была, то где-то в конце октября, что-то такое, я точно не знаю [\[41\]](#).

Рассказывают, как славяне пугали евреев, запуская в шалаш черную кошку или ворону, которую евреи принимали за нечистую силу и разбегались. Таким образом евреям мешали молиться. Объяснения, почему евреи в это время молятся о дожде, разнообразны; чаще всего говорят о гигиене – якобы под дождем евреи собирались смыть с себя паршу или вшей: «Говорят, что – о, дождь пошел, евреи пархи обмоют. Ну, вот так люди говорили. Понимаешь»[\[42\]](#); «Если дождь в ихни праздники, то они будут счастливы, здоровы. А если дождя нет в ихни праздники, то они вшивеют, так называется, вшивеют»[\[43\]](#).

Любопытно, что евреи знают про славянские представления о празднике Суккот: «Вот они говорят, что на наши праздники начинается дождь, а я им и говорю, еще бы не были дожди, я говорю, это все плачут <...>, шесть миллионов евреев поубивали, в каждом селе есть братская могила. <...> Мертвые плачут»[\[44\]](#). Эта цитата из интервью с информантом-евреем перекликается с высказываниями славянских информантов о том, что дождь на Кучки идет, так как евреи плачут по своим умершим.

Маркируя погодные изменения еврейскими праздниками, славяне добавляют к этому ряд сельскохозяйственных примет. Так, в городе Ямполь Винницкой области мы записали, что картофель необходимо обязательно выкопать до начала еврейских осенних праздников, иначе он будет червивый; до этого же времени надо успеть засолить капусту, иначе она тоже будет червивая.

В целом можно сказать, что еврейские осенние праздники характеризуются их иноэтничными соседями как страшные (опасность похищения нечистой силой) и как рубежные: определяется судьба на следующий год и осуществляется переход от одного сезона к другому, что особенно важно для сельскохозяйственного цикла. И для евреев, и для славян главными в описании еврейских осенних праздников оказываются два момента: связь этих дней с поминальным циклом, памятью и скорбью по умершим родственникам, и семантика обновления, начала нового, более удачного и счастливого года. С последним представлением связан и ряд поверий: нужно есть сладкое, чтобы год был сладким, искупить грехи (скинуть их в реку, перенести на курицу, смыть под дождем), чтобы обеспечить благополучие на следующий год. Очевидны и основные различия в воспоминаниях евреев и славян. Евреи помнят не только внешние проявления обрядов – таких, как ташлих или строительство шалашей, но и домашние традиции, ритуальную пищу, службу в синагоге, детские игры. Славяне же достраивают свои ограниченные представления о еврейских праздниках погодными приметами, поверьями о нечистой силе и различными стереотипами, характерными для восприятия «чужой» культурной традиции.

[\[1\]](#) Лехаим. 2010. № 2, 3.

[\[2\]](#) Белова О.В. *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. М., 2005; Белова О., Петрухин В. *«Еврейский миф» в славянской культуре*. М.–Иерусалим, 2008.

[\[3\]](#) Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Черновцы от Шапиро К.И., 1927 г. р. Зап. 2008 г.

[\[4\]](#) Там же. Зап. в г. Черновцы от Штернберг Р.О. Зап. 2004 г.

[\[5\]](#) Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Могилев-Подольский от Найберг В.Д., 1933 г. р. Зап. 2008 г.

[\[6\]](#) Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Новоселицы от Крупника А.Я., 1918 г. р. Зап. 2009 г.

- [7] Там же.
- [8] Там же. Зап. в г. Черновцы от Гольдгамер Д.Х., 1929 г. р. Зап. 2009 г.
- [9] Там же. Зап. в г. Черновцы от Волернер С.Ф. Зап. 2005 г.
- [10] Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Балта от Вассермана У.Н., 1928 г. р. Зап. 2006 г.
- [11] Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Черновцы от Гольдгамер Д.Х., 1929 г. р. Зап. 2009 г.
- [12] Там же. Зап. в г. Черновцы от Бруклич М.С., 1947 г. р. Зап. 2005 г.
- [13] Там же. Зап. в г. Черновцы от Кац К.М., 1935 г. р. Зап. 2007 г.
- [14] Там же. Зап. в г. Черновцы от Авербух М.С., 1927 г. р. Зап. 2008 г.
- [15] Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Могилев-Подольский от Механик Х.А., 1918 г. р. Зап. 2007 г.
- [16] Там же. Зап. в г. Тульчин от Печерской Ф.И., 1927 г. р. Зап. 2005 г.
- [17] Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Черновцы от Кац К.М., 1935 г. р. Зап. 2007 г.
- [18] Там же. Зап. в г. Черновцы от Койфман Ц.М., 1928 г. р. Зап. 2007 г.
- [19] Там же. Зап. в г. Черновцы от Иванковицер А.И., 1930 г. р. Зап. 2006 г.
- [20] Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Могилев-Подольский от Найберг В.Д., 1933 г. р. Зап. 2008 г.
- [21] Там же. Зап. от Урмана А.У., 1919 г. р. Зап. 2008.
- [22] Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Черновцы от Гурфинкеля Л.М., 1924 г. р. Зап. 2005 г.
- [23] Там же. Зап. в г. Черновцы от Койфман Ц.М., 1928 г. р. Зап. 2007 г.
- [24] Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Могилев-Подольский от Найберг В.Д., 1933 г. р. Зап. 2008 г.
- [25] Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Черновцы от Шапиро К.И. 1927 г. р. Зап. 2008 г.
- [26] Там же. Зап. в г. Новоселицы от Крупника А.Я., 1918 г. р. Зап. 2009 г.
- [27] Там же. Зап. в г. Черновцы от Койфман Ц.М., 1928 г. р. Зап. 2007 г.
- [28] Там же. Зап. в г. Новоселицы от Крупника А.Я., 1918 г. р. Зап. 2009 г.
- [29] Там же. Зап. в г. Черновцы от Шапиро К.И. 1927 г. р. Зап. 2008 г.
- [30] Там же. Зап. в г. Черновцы от Койфман Ц.М., 1928 г. р. Зап. 2007 г.
- [31] Там же. Зап. в г. Черновцы от Штейнберг И.З., 1948 г. р. Зап. 2007 г.
- [32] Там же. Зап. в г. Кишинев от Коренфельд Д.Л., 1946 г. р. Зап. 2010 г.
- [33] Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Балта Одесской обл. от Кавалевой Е.И., 1928 г. р.
- [34] Там же. Зап. в г. Ямполь Винницкой обл. от Ивана Евтуховича, около 70 лет, и его жены Галины, украинцев.
- [35] Там же. Зап. в г. Ямполь Винницкой обл. от Николая, около 75 лет, украинца.
- [36] Там же. Зап. в г. Ямполь Винницкой обл. от Галины Ивановны, около 70 лет, и ее мужа Ивана, украинцев.
- [37] Франко И. Галицко-русские народные приповидки. Львов, 1910. Т. 2. С. 104.
- [38] Короленко В.Г. Собрание сочинений. Том 2. Повести и рассказы. М., 1954.
- [39] Белова О., Петрухин В. С. 487–493.
- [40] Евреи действительно с этого времени начинают молиться о дожде (от Песаха до Суккота в синагогах молятся о росе, с Суккота до Песаха о дожде).
- [41] Archives of the project «Jewish History in Galicia and Bukovina». The Leonid Nevzlin Research Center for Russian and East European Jewry, Hebrew University of Jerusalem. Зап. в г. Калуш Ивано-Франковской обл. от Иосифа, 1946 г. р., украинца.
- [42] Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Балта Одесской обл. от Кавалевой Е.И., 1928 г. р.

[\[43\]](#) Там же. Зап. в г. Ямполь Винницкой обл. от Анастасии, около 70 лет, украинки.

[\[44\]](#) Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Черновцы от Гимельбрандт Р.Ф., 1931 г. р. Зап. 2005 г.

МИФ

Аδελαϊσέ Εἰλαεῖν αἰ

Вот книга А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» – шедевр феноменологической герменевтики. Миф является и смотрит нам в глаза. Заглянем же ему в глаза и мы, тем более что время того требует: 1930 год. «Я беру миф так, как он есть, – говорит Алексей Федорович, – то есть хочу вскрыть и позитивно зафиксировать, что такое миф сам по себе и как он мыслит сам свою чудесную и сказочную природу».

И как же он ее мыслит? Как жизненное отношение к окружающему. Для мифического сознания все явлено и ощутимо. Но хотя миф чувствен, ощутим, осязаем, видим, в нем есть нечто отрешенное от обыкновенной действительности, нечто высшее и глубокое в иерархическом ряду бытия. «В мифологии налична какая-то необычность, новизна, небывалость, отрешенность от эмпирического протекания явлений. Это, вероятно, и заставляло многих отождествлять мифологию с метафизикой <...> Миф содержит в себе момент сверхчувственный, который является как нечто странное и неожиданное», как символ.

И потому, что миф есть «жизненное отношение к окружающему», надо верить ему. Надо верить своей ненависти к электричеству. Алексей Федорович не любит электричество. «В нем нет благодати, а есть хамское самодовольство полужнания; нет чисел, про которые Плотин сказал, что это – умные изваяния, заложенные в корне вещей, а есть бухгалтерия, счетоводство и биржа; нет теплоты и жизни, а есть канцелярская смета на производство тепла и жизни; не соборность и организм, но кооперация и буржуазный по природе социализм. <...> Нельзя молиться при электрическом свете, а можно только предьявлять вексель. Едва теплющаяся лампадка вытекает из православной догматики с такой же диалектической необходимостью, как царская власть в государстве или как наличие просвирни в храме и вынимание частиц при литургии. Зажигать перед иконами электрический свет так же нелепо и есть такой же нигилизм для православного, как летать на аэропланах...» За эту книгу Алексей Федорович попал в ГУЛАГ и потерял зрение на строительстве Беломорканала.

1929 год. Диспут в Давосе на фоне снежных альпийских вершин. Мартин Хайдеггер против Эрнста Кассирера. Кассиреру еще надлежало сойти вниз, бежать из Германии в Англию, из Англии – в Швецию, из Швеции – в Америку и умереть полузабытым. Хайдеггеру же предстояли должность ректора во Фрейбурге, членство в нацистской партии и всемирная слава, дящаяся до наших дней. В Давосе они спорят о наследии Канта. Но публика видит тени мифа за спинами спорящих. Высокий седой Кассирер, ясный и правильный, как его философия. Коренастый сумрачный Хайдеггер, гений которого не терпит ясности, а речь завораживает. Уж не Аполлон ли и Дионис явились к нам на швейцарский курорт?

И вот речь Диониса: «Европа, всегда готовая в неизлечимом ослеплении заколоть самое себя, находится сегодня в гигантских тисках между Россией, с одной стороны, и Америкой – с другой. Россия и Америка суть, с метафизической точки зрения, одно и то же; безысходное неистовство разнузданной техники и построенного на песке благополучия среднего человека». Конечно, речь идет о том самом «буржуазном по природе социализме», о котором и Лосев писал с ненавистью. Буржуазность – в Америке,

социализм – в России, все едино. И потому не спит фюрер, размыкает эти тиски, чтобы немецкий народ, помещенный в самую середину Европы, исполнил свое назначение, свою судьбу. Студенты несут по ночному Берлину факелы Диониса. И Хайдеггер читает лекции, доказывает, что в великой войне немцам нужны поэзия и философия, а не только пушки и масло. Это страшный миф, миф философа.

Верит ли философ в миф, который он сам же и сочинил? Верил ли Платон в Атлантиду и Демиурга, в миф о пещере и колеснице? Ответ мы находим в его диалоге «Тимей». И вот что там сказано. В мире первичных идей и чисел умозрение не знает преград, постигая истинно сущее. Иначе – в том, что касается мира явлений. Здесь мы должны довольствоваться правдоподобным мифом, не требуя большего. Миф философа – притча, отблеск истины.

Пойдем с Сократом и учеником его Федром вдоль реки Иллис, присядем под платаном на берегу, поговорим о сияющей красоте, за которой устремляются колесницы душ до падения в тела. И послушаем сладкое пение цикад в летний зной. Ведь это не простое место, здесь, по преданию, северный ветер Борей похитил Орифию, дочку царя. Впрочем, Сократ не очень верит в предание, он слагает свой философский миф, притчу о колеснице. Наши же мудрецы полагали, что не рассказывают о Колеснице даже одному, разве что он умудрен и способен к самостоятельному постижению. Однажды путешествовал рабби Йоханан бен Закай со своим любимым учеником рабби Эльазаром бен Арахом. И речь у них зашла о Колеснице, которую видел пророк Йехезкель. Пока говорил рабби Эльазар, а учитель его сидел под масличным деревом, сошел огонь с небес, и пламя охватило все деревья кругом. И деревья запели гимн. Так в талмудическом трактате Хагига (14б).

Подобно колеснице, душа мудреца окрыляется, стремится ввысь. И вдруг наталкивается на уродство. Как это случилось с рабби Элизером, сыном рабби Шимона, когда он верхом на осле возвращался из дома своего учителя. И радовался великой радостью, и надувался от гордости, потому что много учил Тору. Повстречался ему некто необыкновенно уродливый и сказал: «Мир тебе, рабби!» Рабби Элизер не поздоровался в ответ, но сказал: «Ну и уродлив же ты, пустой человек! В твоём городе все так уродливы?» «Не знаю, – ответил тот, – но скажи Мастеру, сделавшему меня: “Как уродливо твоё изделие!”» Рабби Элизер понял, что согрешил, сошел с осла, склонился перед тем человеком и сказал: «Я обидел тебя, прости». Ответил тот: «Не прошу, пока не скажешь Мастеру, сделавшему меня: “Как уродливо твоё изделие!”» Шел он за тем человеком до самого его города. Жители города вышли им навстречу и стали говорить: «Мир тебе, рабби, мир тебе, учитель!» «Кого вы называете “рабби и учитель”?» – воскликнул тот человек. – Поменьше бы было таких в Израиле!» – «Все же прости его, ведь он велик в Торе!» – «Ладно, ради вас прошу. Но пусть больше так не поступает!» И потому истолковали мудрецы: «Пусть всегда будет человек гибким, как тростник, а не жестким, как кедр». Это рассказано в трактате Таанит (20б), где речь идет о засухе и посте. Назначают пост, потому что земля жаждет.

**Падение Фазтона.
Питер Пауль Рубенс.**

**1636 год.
Королевский музей изящных искусств,**

Брюссель

И в том же трактате (7а-б) есть толкование рабби Ханины бар Иди: «Почему слова Торы уподоблены воде, как сказано: “Жаждающие! Идите все к водам” (Йешаяу, 55:1)? Чтобы научить тебя, что как воды стекают с высот в низины, так и слова Торы наполняют только смиренного». И сказал рабби Ошая: «Почему слова Торы уподоблены воде, молоку и вину, как сказано: “Жаждающие! Идите все к водам, даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы молоко и вино” (Йешаяу, 55:1)? Чтобы научить тебя, что как вода, молоко и вино хранятся только в простых сосудах, так и слова Торы наполняют только смиренного». И вот история о дочери кесаря, которая спросила рабби Йеошуа бен Хананью: «Как это так? Прекрасная мудрость в безобразном сосуде!» Ответил ей рабби: «Отец твой хранит вино в глиняных сосудах?» – «А в чем еще их хранить?» – «Вам, знатным людям, надо хранить вино в золотых сосудах и серебряных». Сказала она своему отцу, тот перелил вино в золотые и серебряные сосуды, и оно скисло. Спросил кесарь: «Кто научил тебя?» – «Рабби Йеошуа бен Хананья». Вызвали его. Спросил кесарь: «Зачем ты сказал ей это?» – «Затем, что она так спросила меня». – «Но ведь есть среди ученых людей и люди красивые?» – «Безобразными они были бы еще учнее!»

А в конце трактата Таанит мы учим такую мишну (4:8). Не было у Израиля лучших дней в году, чем Пятнадцатое ава и Йом Кипур. Выходили девушки иерусалимские и водили хороводы в виноградниках. И что же они говорили? «Юноша, подыми глаза свои и погляди, что выбираешь себе. Не смотри, красива ли девушка, но

смотри, из какой она семьи. “Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Г-спода, достойна хвалы” (Мишлей, 31:30)». И еще сказано: «Дайте ей от плода рук ее, и да прославят ее у ворот дела ее!» (Мишлей, 31:31). И еще говорит Писание: «Девушки сионские, идите посмотреть на царя Шломо в венце славы его, что увенчала его мать в день свадьбы его, в день его сердечной радости» (Шир а-ширим, 3:11). «День свадьбы его» – это день Дарования Торы. «День его сердечной радости» – это день, когда построен Храм, да будет он построен скоро, в наши дни.

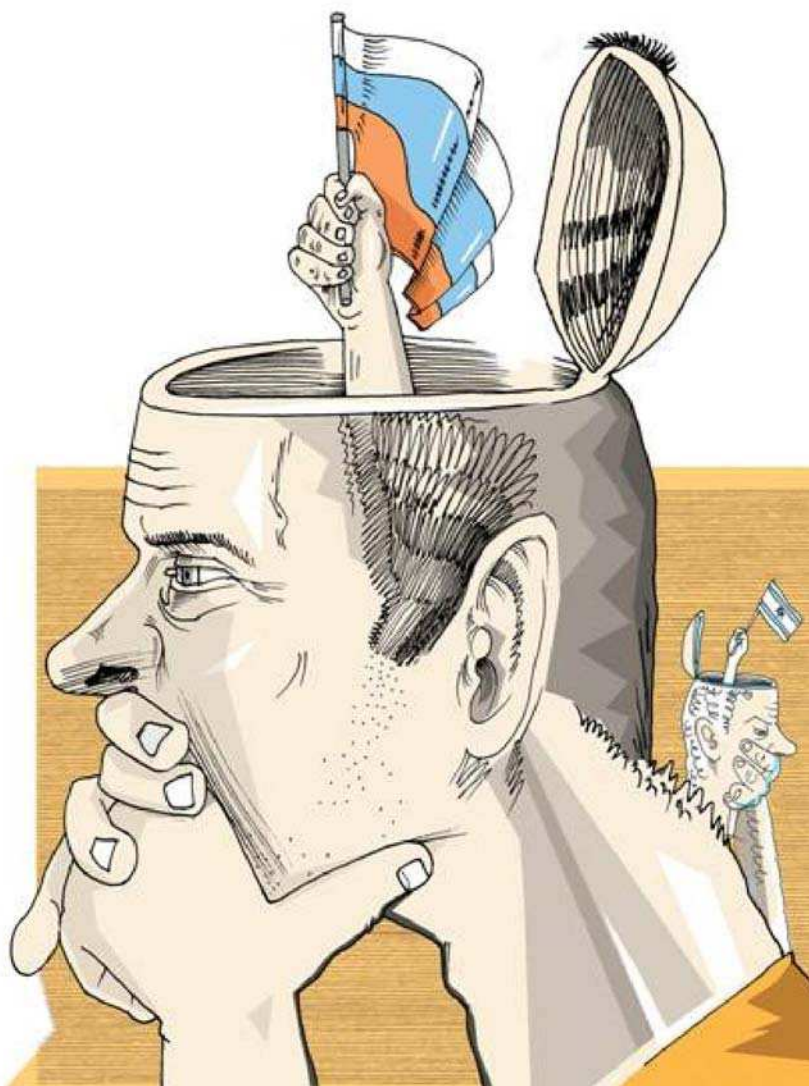
Гемара толкует это так (31a). Красивые девушки что говорили? «Посмотри, красива ли девушка, ведь жена – красоты ради». Знатные девушки что говорили? «Не смотри, красива ли девушка, но смотри, из какой она семьи. Ведь жена – чтобы сыновей рожать». Уродливые девушки что говорили? «Возьмите нас в жены ради Небес, но только увенчайте нас золотом». Сказал Ула Бираа со слов рабби Эльазара: «В будущем Святой, благословен Он, устроит хоровод для праведников, сядет посреди них в Эденском саду, а все будут указывать на него пальцами, ибо сказано: “И скажут в тот день: вот Он, Б-г наш! Мы надеялись на Него, и Он спас нас! Это Г-сподь, мы надеялись на Него, будем радоваться, ведь Он спас нас!”» (Йешаяу, 25:9).

Праведники уподоблены уродливым девушкам, а будущий мир – тихой семейной радости. Там не будет засухи и поста, презрения и ненависти. И не станут бояться страшного мифа о Фэтоне, сыне Гелиоса, который не удержал солнечную колесницу, испепелил посевы и упал с возмущенных небес на бедную иссушенную Землю

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Аїדען עײַז

В мире есть две страны, где политики и журналисты, а зачастую и рядовые обыватели считают свои государства обделенными любовью со стороны мирового сообщества. В Израиле и России сокрушаются по поводу реакции этого самого «сообщества» на те или иные действия властей и ломают головы над тем, как исправить положение, что предпринять, чтобы добиться чужеземной любви.

«Надо вложить деньги и поправить имидж страны», – предлагают одни и требуют немедленно нанять профессиональных лоббистов и рекламщиков. В Израиле, как я слышал, граждане требуют гуманнее обращаться с террористами и их пособниками. Нежнее. Они с ножами и железными палками, а вы к ним с цветами. Спляшите им, конфет подарите...

В России, в стремлении избавиться от нелюбви, одни спасители Отечества требуют дороги отремонтировать, туалеты в аэропортах держать в чистоте и убрать грязных бродяг с привокзальных площадей. А еще срочно ввести в стране независимые и

неподкупные суды, покончить с организованной преступностью и произволом чиновников.

Я уверен, что даже если бы на борт так называемой «Флотилии свободы», прорывавшей блокаду сектора Газа, израильские ВМС высадили вместо спецназовцев десант проституток для ублажения банды пособников террористов и ящики лучшего коньяка, реакция за границей мало чем отличалась бы от того, что мы видели.

Что же касается России, то не сомневаюсь: и с умножением числа чистых туалетов, и появлением автомагистралей, не уступающих по качеству лучшим мировым образцам, и пятизвездочных гостиниц на каждом полуостанке иностранной любви к России не прибавится.

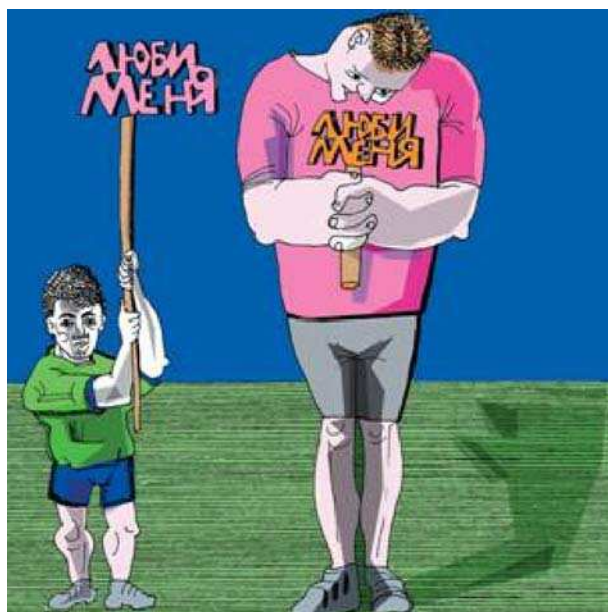
Что такое любовь? Толковые словари дают, на мой взгляд, весьма четкое определение: «глубокая самоотверженная привязанность к другому человеку или объекту, выделяющая объект среди других и помещающая в центр жизненных потребностей и интересов, чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, готовности отдать свои силы общему делу». Теперь скажите, пожалуйста, с какой стати американец или француз должны испытывать «глубокую самоотверженную привязанность» не к США и Франции, а к России или Израилю и именно Россию или Израиль ставить в центр своих «жизненных потребностей»?

Любить чужое государство – все равно что любить чужую жену. Нет, более того, это все равно что мужчине любить другого мужчину. Это извращение. И хотя гомосексуализм продолжает свое победоносное шествие по планете, он еще не завоевал мир. Любят ли французы Америку? Ага, как же. Видимо, от большой любви они ввели квоты на зарубежные фильмы и в первую очередь на американские. И от той же большой любви французы не желают отвечать на вопросы, заданные на английском языке.

Международные отношения строятся отнюдь не на основе любви. Между государствами ни любви, ни дружбы быть не может. Есть только интересы. Экономические, военные.

Уж как не любили в Великобритании СССР. Аж до изжоги! Но пришел 1941 год. И премьер Черчилль самым решительным образом предложил союз Сталину. Что, англичане вдруг вспыхнули любовью? Нет, просто решили, что в их интересах воевать с русскими против Германии. Черчиллю приписывают фразу, якобы произнесенную 22 июня: «Если Гитлер вторгнется в ад, то я протяну руку помощи черту и буду драться против Гитлера с чертом». В международной политике нет ни друзей, ни врагов, а есть только интересы.

Неужели можно всерьез думать, что США поддерживают Израиль из любви к евреям?! Нет. У США есть свои интересы на Ближнем Востоке. Какие? Ну, например, им нужна сила, которая может гнуть в дугу нефтяных шейхов, чтобы не слишком зазнавались. Но когда появится альтернатива нефти, вполне возможно, Израиль и арабы станут американцам безразличны.

Европа не любит Израиль. На то есть как причины ментальные – глубоко въевшийся антисемитизм, так и более прагматические. В Европе очень много иммигрантов, в основном мусульман. И для них Израиль – враг. Европейцы не без оснований боятся, что займи они нейтральную позицию в ближневосточном конфликте, и на улицах их уютных городов начнут рваться бомбы.

Европа не любит Россию. На это тоже есть причины, как исторические, так и экономические. Европейцы неоднократно нападали на Россию, но русские прусских всегда бивали. И не только прусских, но и шведских, французских, польских, финских. Да кого только не бивали...

С экономикой тоже все ясно. Конкуренты же. Да еще за газ и нефть платить приходится.

И этой нелюбви не станет меньше, если евреи и русские будут реагировать на каждый чих, на каждую недовольную гримасу из-за океана или из Европы.

Другое дело, что туалеты должны быть чистыми не для иностранных туристов. Они нам самим нужны, как и хорошие автотрассы, справедливые суды, нормальные правоохранительные органы, а не «оборотни в погонах и штатском».

Но ни Израилю, ни России не стоит пенять на свое одиночество в этом мире и суетиться в ужасе от того, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна». Или королева Елизавета II. В своих делах Израиль и Россия разберутся как-нибудь сами. А на поражения в информационных войнах – плевать. Это все ерунда, бутафория.

ВЕЧНО ИСЧЕЗАЮЩИЙ ПОРОК

אמנם אמנם י' אדם לאי אי' עולם

Сегодня чрезвычайно модны массовые рассылки в Интернете. Отправляешь свое послание на несколько десятков адресов – и тема, волнующая тебя, мгновенно становится известна многим. Вот такое интернет-послание я получил от своего друга из Америки.

Я еврей. Я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать, пока... Потому и отправляю свое сообщение всем, чьи адреса оказались в моей электронной адресной книжке. Нигде еще пламя антисемитизма не возгорелось с такой яростью, как во Франции: в Лионе автомобиль врезался в синагогу и поджег ее. В Монпелье зажигательная бомба была сброшена на еврейский религиозный центр, как и на синагоги в Страсбурге и Марселе, на еврейскую школу в Кретей – и все это совсем недавно. Еврейский спортивный клуб в Тулузе был атакован «коктейлями Молотова», а на статуе Альфреда Дрейфуса в Париже намалевали «грязный жид». В Бонди 15 человек напали на участников еврейской футбольной команды, избили палками и металлическими прутами. Школьный автобус с еврейскими детьми в Обервийе подвергался атакам трижды за последние 14 месяцев. По данным полиции, в городской черте Парижа за последние 30 дней наблюдалось от 10 до 12 антиеврейских атак В ДЕНЬ. Стены еврейских кварталов изуродованы антисемитскими надписями. В Тулузе вооруженный мужчина открыл огонь по кошерной мясной лавке и по ее владельцу. В Вийорбане 5 мужчин напали на молодую еврейскую пару, слегка за 20, и избили обоих. Женщина была беременна. В Сарселе вандалы вломились в еврейскую школу и разгромили ее. Все это произошло лишь за одну неделю!..

На фасаде синагоги в Лилле: свастика и аббревиатура ZOG, означающая «Zionist occupation government» («Сионистское оккупационное правительство»).

Франция. 14 января 2010 года

Письмо заканчивалось призывом обуздать всплеск ксенофобии во Франции, бойкотировать французские товары, фильмы, парфюмерию, чтобы заставить власти страны обратить внимание на чудовищные события. Но прячется в письме и еще одна нотка, не протестная, но вполне человеческая – это нескрываемое удивление, что подобное может происходить сейчас, в наше с вами время.

Действительно, почему это происходит сейчас и есть ли надежда, что в обозримом будущем антисемитизм сойдет на нет? Именно с этими вопросами я обратился к моим хорошим знакомым, которых вполне могу считать экспертами. Это Антон Носик (стартап-менеджер, журналист и общественный деятель, создатель крупнейших новостных интернет-изданий Vesti.ru, Lenta.ru, Gazeta.ru и NEWSru.com.), Евгений Сатановский (президент Института Ближнего Востока, экс-президент РЕК), Алла Гербер (литератор, кинокритик, российский политический и общественный деятель, президент фонда «Холокост»), Виктор Шендерович (писатель).

- Есть ли рост антисемитизма в мире в наши дни?

Αἰὼν Ἰννέ Мне кажется, тот антисемитизм, который был известен на протяжении тысячелетий в цивилизованном мире, прекратил свое существование, причем давно. Ведь что такое антисемитизм в том виде, в котором он отравляет жизнь еврейских общин и еврейской популяции? Это дискриминация, осуществляемая на уровне государственной политики и воспринимаемая гражданами страны как естественная. Но в мире уже давно нет государственных законов, ущемляющих евреев в гражданских правах, лишающих возможности занимать определенные должности, как нет обществ, где социально приемлемыми считаются таблички «Вход воспрещен!». Последнее, что было – это СССР с его процентными квотами и другими ограничениями, но это закончилось двадцать лет назад. Поэтому на сегодняшний день мы имеем дело с ксенофобскими настроениями, которым подвержены, в основном, выходцы из арабских и мусульманских стран. Эти ксенофобские настроения направлены, прежде всего, против еврейского населения, но если брать в общем, они направлены против цивилизованного мира. Если они жгут машины, то делают это не потому, что на них шестиконечная звезда. Это логика поведения агрессивного быдла, противопоставляющего себя окружающей цивилизации и окружающей культуре. Ни европейцы, ни американцы не позволяют себе ксенофобии в букве закона: трудно представить, чтобы какой-то законодатель выступил с проектом «закона об ограничении еврейского влияния». Более того, вспоминается история с отставкой американской телеведущей, уволенной за то, что в связи с историей вокруг так называемой «Флотилии мира» высказалась что-то типа: «Евреи, убирайтесь в свою Европу». Так что дискриминационных законов и погромов масштабов кишиневских или киевских сегодня нет. Не говоря уже о холокосте. Сегодняшний антисемитизм – настроения самой обездоленной и невежественной части сообщества, причем большей частью эмигрантского. Это цивилизационная проблема – нелюбовь к христианству, к западной цивилизации, к США, к женщинам, не скрывающим своего лица, к свободе слова. Мусульманские теократические государства много чего не любят. И выделять их нелюбовь к евреям в «отдельное производство» я считаю нецелесообразным.

Евгений Сатановский. Антисемитизм в настоящее время явно растет во всем мире, проявляясь зачастую в форме антисионизма. Исключение – постсоветское пространство, на котором государственный антисемитизм умер вместе с СССР, а народно-коммунистический антисемитизм неуютно чувствует себя без прямой поддержки первых лиц (в России, Казахстане, Белоруссии, Азербайджане), осваивает непривычные европейские формы (в Украине, Прибалтике и Молдове) или из-за эмиграции евреев не находит объектов (в Средней Азии). Причины этого следующие: финансовая и организационная роль, которую сыграли в раскручивании Израиля и евреев (именно в такой последовательности) как образа всемирного зла лидеры двух главных революционных проектов современного мира: децентрализованного суннитского «зеленого интернационала» (опирающегося на арабский мир, Пакистан, Турцию, Индонезию и Малайзию) и централизованного шиитского (инструмента Ирана). Миллиарды долларов и колоссальный лоббистский потенциал превратил ближневосточные кафедры западных университетов, исследовательские ассоциации, студенческие клубы и академические корпорации Европы, обеих Америк и большей части Азии в антиизраильское и антисемитское сообщество. Это касается и стран, где никогда не было собственных евреев, как в Японии, где распространен антисемитский миф о вредоносных «юдайдзин»; альянс исламистов, захвативших идеологическое пространство мусульманских общин мировой диаспоры, не только с неонацистами, но и с антиглобалистами и левыми всех мастей, для которых Израиль и евреи – олицетворение либерализма, США, капитализма и прочего, и прочего, оформившегося в 90-х годах в рамках глобализации; кризис поддержавшей революционеров-исламистов и леваков интеллектуальной и политической «элиты» еврейской диаспоры Запада (Рам Эмануэль, Ноам Чомски и другие), проявившийся в очередной вспышке «еврейского

антисемитизма», формально направленного против конкретных идеологических противников (ортодоксов, поселенцев, «правых», Израиля как такового), фактически же – против еврейского народа и еврейского государства; раскол израильской политической и интеллектуальной «элиты», левая часть которой в борьбе за власть в Израиле и поиске поддержки извне на протяжении двух десятилетий предаёт национальные интересы и интересы еврейского государства, оправдывая это интересами строительства государства Палестина. К этому нужно добавить возникновение в мире устойчивого образа Израиля как «государства-франка», глубоко провинциальные лидеры которого не имеют устойчивого курса, не готовы отстаивать национальные интересы любой ценой, готовы идти на компромиссы и уступки, отказываться от завоеваний прошлого в обмен на ничего не стоящие заверения «мирового сообщества»; накопившийся за 20 лет «мирного процесса» опыт обмена сотен террористов на одного захваченного в плен израильтянина или несколько тел израильтян, провалы разведки, диалог с террористами, ничем не кончающиеся дорогостоящие военные операции, беспомощность в отношениях с ПНА, «Хамас», «Хизбаллой», Ираном продемонстрировали безопасность агрессивных действий в отношении Израиля и еврейских общин. Враги перестали их бояться; распространение в ООН и других международных организациях так называемого «мирового сообщества» антиизраильских и антисемитских программ, зависимость левых политиков Запада от настроений мусульманских избирателей, арабской и иранской нефти; зависимость репутации руководства США, ЕС и других стран и регионов, связанных с «ближневосточным мирным процессом», от результатов этой нереализуемой мировой аферы, осложняющая их отношения с Израилем и заставляющая их формировать антиизраильское и антисемитское еврейское лобби («Джей-стрит», «Джей-коль» и другие), похожее на Антисионистский комитет еврейской советской общественности; неспособность истеблишмента Израиля следовать интересам реальной политики, а не политической мифологии, выстроив конструктивные партнерские отношения с палестинцами и арабами Израиля, которые включили бы их в строительство еврейского государства, вместо разрушения их собственного социума; неспособность мирового еврейского и израильского политического истеблишмента заставить израильский раввинат принять облегченный механизм интеграции в иудаизм.

Àèèà Áàðíàð Когда в прошлом году я была в Израиле, то обнаружила на пляже много французских туристов. И вот я на своем плохом французском спросила: «Вы приехали сюда отдыхать?», на что они мне ответили: «Нет, мы приехали сюда жить...» Да, действительно, во Франции сейчас всплеск антисемитизма. Это не сказывается на приеме на работу по пятому пункту, как было когда-то в СССР, но обывательский антисемитизм очень силен, и от него в стране душно. Откуда это? Думаю, что от современного отношения к Израилю у левой интеллигенции, которая антиизраильскими настроениями просто заражена. Я беседовала со многими западными интеллектуалами и знаю, что их отношение к проблеме Израиль–Палестина однозначно: они поддерживают арабов, поддерживают сострадательно. Хвалят их за твердость и смелость. И вот эти откровенно антиизраильские настроения элит очень сильно повлияли на обывателя. Кроме того, тут сказывается и кризис. Трудно винить в неудачах себя. И тогда на свет выплывает то привычное, что жило столетиями и без чего многие не могут себе представить жизнь. Изучая историю антисемитизма, погружаясь в нее, я вижу, как все возвращается на круги своя, хоть хватайся за голову. Человечество удивительным образом повторяет себя. Обязательно в той или другой стране появляется ситуация, когда для той или другой цели возникает потребность в обсуждении национального вопроса и в поиске знакомого врага.

Àèèòîð Ðàí ààðíàè: Живя в России, я не могу судить обо всем мире, но у меня нет ощущения, что что-то кардинально поменялось в этом вопросе. Со времен Сократа известно, что процент кретинов во все времена и во всех местах одинаков. И тут,

мне кажется, уровень антисемитизма соответствует норме невежества – это очень связанные вещи. Бывают периоды, когда те или иные государства или политики начинают играть на этом – тогда все обостряется. В России сейчас «евреями» работают кавказцы. В этом смысле есть очень точное стихотворение поэта Вадима Жука, которое начинается словами: «У ксенофобии расширилось меню...», а заканчивается стихотворение так: «<...> Его почти не видно. / Во-первых, видно. / Во-вторых, понятно до поры. / Он – запасной игрок большой игры. / А главное-то, как стыдно, как стыдно». Имеется в виду, что антисемитизм, как бронепоезд, всегда стоит на запасном пути. И еврейю сейчас хорошо только потому, что кто-то другой стал «евреем». Но это очень стыдно!..

Участники манифестации в Авиньоне против антисемитизма и исламофобии; они вышли на улицы города после того, как в ночь на 14 февраля 2010 года на стене мечети в Сорге появилась свастика.

20 февраля 2010 года

- Можно ли надеяться, что антисемитизм исчезнет, и что для этого нужно?

А. И. Не видел примеров, которые бы обещали, что скоро все люди в мире горячо друг друга полюбят. Этого не произойдет, и задача цивилизованного мира не в этом. Она состоит в том, чтобы искоренить те формы ксенофобии, которые мешают сосуществованию разных групп людей. Тут решением является повышение материального благосостояния тех, кто люмпенизирован и находится на периферии общества. Необходима их интеграция, потому что в преуспевающем обществе мы не замечаем ни погромов, ни дискриминационных законов, они свойственны обществам вчерашнего дня.

А. М. Необходимо понимать, что антисемитизм вечен и лишь меняет формы, с ним бесполезно бороться, хотя ему можно противостоять. Не надо пытаться изменить евреев или Израиль, чтобы антисемиты их полюбили – этого не произойдет. Еврейские идиоты вечны, но некоторые из спровоцированных ими процессов уйдут вместе с ними, и уход из жизни или из политики «поколения Осло» и его наследников – «поколения итнаткута»: Переса, Барака, Фуада, Бейлина, Бурга, Ливни, Ольмерта, Эмануэля, Аксельрода и других – многое облегчит. Надо вести жесткую, бескомпромиссную борьбу с антисемитами, в том числе маскирующимися под антисионистов, в том числе еврейскими; находить и поддерживать союзников в мире, в том числе исламском, быть честными с ними и защищать их как самих себя; интегрировать палестинцев и арабов Израиля в еврейский мир; быть открытыми окружающему миру, оставаясь самими собой;

понимать, что дети от смешанных браков – часть еврейского народа и воспитывать их как часть этого народа.

А. А. Я думаю, что государство, прежде всего, должно изъять из употребления антисемитскую литературу, которой много и которая делает свое черное дело. Все эти мифы, которые написаны простым и доходчивым языком, при отсутствии контрпропаганды легко воспринимаются и запоминаются. Нужно понимать, как с этими лживыми мифами бороться. Вообще, осмысление антисемитизма как государственной проблемы поможет выстроить некую систему противодействия. И тут совсем не нужны силовые методы: разве сложно, чтобы в фильмах, книгах, сериалах появлялись евреи? Только без аффекта и привычной идеи, что «евреи тоже люди». И это не фантазия: вспомним, сколько сделал Голливуд для того, чтобы появление афроамериканца на экране стало естественным. И конечно, современный «поход» религии в школы должен быть под тщательным контролем, чтобы эти уроки не использовались как «первые уроки антисемита», ибо у религий слишком разный, а подчас крайне агрессивный взгляд на религию соседей. Тут нельзя забывать, что мы живем в одном государстве.

А. О. Бытовой антисемитизм всегда связан с уровнем бытового невежества, я в этом уверен. И второе, в чем я уверен: вряд ли человечеству удастся когда-нибудь искоренить невежество до такой степени, чтобы антисемитизм превратился в какую-то малозаметную разновидность уродства, как, например, теленок с двумя головами. Нет, боюсь антисемитизм будет всегда. И причина тут философская: как писала Цветаева, «все поэты – жида...» То есть во многом это вопрос избранности, вопрос того, что есть те, кто ставит вопросы, кто всегда чужой, кто раздражает, кто лучше, кто выше... И я не думаю, что человечество в обозримом будущем изменится так, чтобы эти вопросы ушли на второй план. Может быть, для этого нужна тысяча лет, но, боюсь, человечество столько не проживет: мы искореним род человеческий гораздо раньше, чем антисемитизм.

Вот такие мысли у наших современников – людей опытных и хорошо знающих тему. Мысли, как видим, разнонаправленные. И кто из экспертов прав – сказать непросто. Думаю, имеет смысл постоянно поднимать эту проблему. Потому что многовековая история антисемитизма – это еще не приговор. В конце концов найдется человек, который предложит решение.

УТРАЧЕННЫЙ ПАРОЛЬ

Àéàèàí àð Èèè-ààèèé

Интерес к масонам у меня несколько раз менялся от настороженности к любопытству. Старшие мои классы пришлось на начало перестройки, отличавшейся повышенным вниманием к запретным плодам и сенсациям. Я учился в школе при МГУ, основной учительский состав набирался из числа университетских преподавателей, и литературе нас обучала одна миловидная дама, недавно защитившаяся на филфаке. Она каким-то образом оказалась ревнительницей общества «Память» и после обсуждения идей, побудивших Пьера Безухова обратиться к масонам, устроила нам факультатив, на котором рассказала о мировом жидомасонском заговоре; о том, что еще со времени строительства Первого храма евреи претендуют на ведущую роль в обустройстве Вселенной; а также, что среди частных проектов заговора находятся такие успешные рок-группы, как «Beatles» и «Rolling Stones».

Бейкер-Бич – один из пляжей Сан-Франциско, место проведения первого в истории фестиваля перформансов «Яна-Хойя»

К счастью, вскоре после лекции по курсу истории русской литературы, который Андрей Леонидович Зорин читал нам на кафедре истории культуры МФТИ, я заинтересовался русскими масонами вообще и деятельностью Николая Ивановича Новикова в частности. При этом символическое значение масонского ритуала с использованием отвеса, треугольника и циркуля стало яснее. Но все равно относительно легенды о великом строителе Храма – мастере Адонираме, который был убит пытавшимися выведать у него пароль доступа к высшим ступеням знания подмастерьями, – оставалась убежденность, что корни ее находятся в Танахе и при случае не составит

труда их отыскать. Однако даже некоторые простые заблуждения могут длиться много лет.

В 1994 году в Сан-Франциско я познакомился с художником Халом Розенбаумом. Человек он был добрый и рьяный, всегда готовый отправиться в путешествие за смыслом. Жил Хал в бедном отеле; отец его умер, когда сыну было шестнадцать, а пожилая мать давно переехала в Jewish Home, откуда не уставала звонить сыну – с целевыми указаниями о том, как ему исправить свою жизнь.

Хал был художником-акционистом. От его перформансов оставались только огромные цветные фотографии, на которые он тратил свободные деньги, зарабатываемые развозкой пиццы и службой в охранном агентстве.

Любимым его творцом был, конечно, великолепный Мэтью Барни, и некоторые элементы страстных опытов Хала содержали подражательные черты; однако он не был элементарным эпигоном, он развивался.

Эксцентричность Хала обретала воплощение не только стихийно, но и в рамках социально организованных проектов. Одним из них был фестиваль «Яна-Хойя». Он проводился ежегодно в южнокалифорнийской пустыне Красных Камней, куда вот уже лет пятнадцать за неделю до Дня независимости съезжались отовсюду самодеятельные и профессиональные художники, специализирующиеся на актуализации воображения.

Билет участника в тот год стоил 145 долларов. Лагерь, состоявший из палаток, балаганов и автомобилей, был организован амфитеатром. В фокусе амфитеатра располагалась площадка – арена, на которой выстраивался главный объект фестиваля – 20-метровый человек, собиравшийся каждый год из какого-либо горючего материала: досок, соломенных жгутов, высушенных тыкв. Человека этого устроители называли Temple, а себя, естественно, – тамплиерами.

На «Яна-Хойя» принято было передвигаться на ходулях или на особенных повозках, на которых Золушка могла бы прибыть на бал. Здесь много чего происходило нескучного. Например, взлетал подвязанный к воздушному шару ковчег, полный ослепительно белых голубей, которые рассыпались по синеве. По пустыне катались гигантские колеса, внутрь которых мог залезть любой и пробежаться наподобие белки. Вышагивал паук, размером с автомобиль, собранный из металлолома. Ездили фантастические кареты, запряженные огнедышащими жестяными драконами. Время от времени огромная форсунка, смонтированная в кузове пикапа, запускала в небо черные обручи дыма, которые долго-долго, истончаясь, подымались вверх в раскаленной лазури.

По вечерам особенно явственно повсюду пульсировало techno, темень пустыни раскраивалась лезвиями лазерного шоу. Там и тут выплясывали жонглеры, вертевшие пылающие булавы и кадила. Факиры вращали горелки и плевались огнем. В последний день фестиваля деревянный колосс поджигался и, кривляясь в огненном столпе, подобно горящей спичке, потихоньку осыпался.

На «Яна-Хойя» Хал устраивал живые картины. Гримировал и одевал добровольцев для изображения «Ночного дозора» и «Сдачи Бреды». Акции Хала пользовались успехом. Актеры под его руководством вживались в исторический фон и суть изображаемого художественного явления. Они крепко входили в роль и не спешили снимать костюмы. «Ночной дозор» неожиданно сплотился во время показов и еще сутки

бурно пьянствовал, так что привлек внимание полицейских, патрулировавших проулки лагеря после того, как труппа лилипутов повздорила с группой канатоходцев.

Когда сгорал Temple, было грустно. Огненный человек пылал и рушился, будто Паяц – от любви.

Хал был болезненно увлечен масонами, и после одного случая мне пришлось всерьез обратиться к предмету. Говоря о «Maltese Falcon» – культовом фильме с Хамфри Богартом, Хал утверждал, что вся таинственная суть Сан-Франциско – странного значного города, который часто по вечерам полон туманов, – в этом фильме. Хал всерьез верил в повсеместность масонов и говорил, что они просто кишат в Сан-Франциско; что некоторые дома в центре города построены масонскими архитекторами и используются ими в качестве храмов. Что это значит? С виду ампирное здание предназначено для общего пользования и никто никогда не догадается, что в нем собираются масоны. Они могут там находиться под видом простых посетителей и вдруг одним махом устроить тайный, никем не замеченный ритуальный флешмоб.

Хал мечтал подкараулить масонов, но не стал ждать и сам пошел им навстречу. Работа его в охранном агентстве была сменная, случалось попасть в ночь куда угодно – от завода «Coca-Cola» до VIP-вечеринки на улице Кастро. И однажды Хал стал дежурить в здании коммуникационной компании «AT&T», изнутри разгромленном реконструкцией ампирного дворца. Он восседал на высоченном ресепшн у лифтов и раз в час был обязан обходить здание вокруг. В туалет он выходил через разрушенную до восьмого этажа часть, полную строительных механизмов – бетономешалок, лебедок, экскаваторных каров, гор песка и ящиков с инструментами.

Холл здания «AT&T» перед лифтовой шахтой, облицованный лабрадоритом, малахитом и яшмой, выглядел как чертог. Однажды ночью Хал привел в него тайком группу артистов, с которыми познакомился на «Яна-Хойя». Мы пробирались по одному по панели и скрывались в приоткрытой двери. Через два часа в здании «AT&T» развернулось представление. Единственный зритель – я – сидел на кафедральном возвышении ресепшн и наблюдал, как под музыку Филипа Гласса вышагивали козлоногие каменщики, спускались из-под потолка связки с воздушными шарами с подвешенными за ноги гимнастами, по натянутой проволоке скользили с мастерками в руках фигуры в длинных плащах и вылетали из распаивающихся лифтов вакханки, время от времени подававшие всем чаши с вином.

Наконец началось действие, в котором Хал, переодевшись в хламиду мастера, стал обходить здание изнутри; по достижении определенного места он получал от кого-то из актеров символический удар циркулем, сколоченным из планок, метрической рейкой и молотком. После чего совершились похороны Хала-Адонирама. Спустя какое-то время поисков могила была открыта и по зданию пронеслось восклицание: «Мак-бенак! Мак-бенак!» – так передавали из уст в уста новый пароль мастера, означавший, кажется: «Плоть отделяется от костей».

Вскоре прибыл проверочный наряд, и Хал больше не работал в охранном агентстве «Armada».

Однако недоверчивость не мой конек, и о подлинной связи масонского ритуала с Танахом я узнал только пятнадцать лет спустя. Точнее, узнал, что никакой связи нет. Во всем Танахе издания Сончино я так и не обнаружил историю мастера Адонирама, на которой базируются масонские ритуалы. Ничего, кроме того, что Адонирам (Млахим I,

5:26-6:13) назывался начальником над податями потому, что начальствовал над строителями Храма, которые набирались по всему Израилю в качестве налога, назначенного царем Шломо.

Нигде в Танахе не сказано, что Адонирам был мастером. И непонятно, почему масоны иногда не различают Адонирама и Хирама. Ну хорошо, пусть Хирам – это Адонирам. Но почему нигде я не нашел истории о том, что Хирам (царь одного финикийского города-государства, который поддерживал дружеские отношения с царем Давидом и помог ему построить царский дом [см. Шмуэль II, 5:11], а теперь с готовностью откликается на просьбу царя Шломо поставить ему кедры и послать искусных ремесленников для сооружения и отделки Храма; в качестве платы Хираму обещаны поставки пшеницы и оливкового масла) – мастер, которого погубили завистливые подмастерья? И надо ли говорить, что в ответ на вопрос: «Что значит масонский пароль на иврите?» – мне было сказано специалистом в ивритской филологии: «Ничего».

Так откуда и когда берет начало масонская легенда об Адонираме? Я не берусь судить о ее глубокомысленности, однако было бы интересно узнать, какими именно апокрифами располагали «тамплиеры». Как сейчас осуществить подлинную реконструкцию мифа?

ЛЮДМИЛА АБРАМОВА: «ДИНА СТРОИЛА ФРАЗУ, КАК ИЗЯЩНЫЙ МЕХАНИЗМ»

Аאיאב אאיאב אעעאיא אד דאי' תי' תדב

Жизнь прозаика Дины Калиновской похожа на роман с непредсказуемым петляющим сюжетом. Умерла она 26 сентября 2008 года в Одессе, в семье брата. Многолетняя дружба связала ее с актрисой Людмилой Абрамовой, вдовой Владимира Высоцкого, которой она передала свой архив. В нем хранятся напечатанные в журналах и не собранные под книжной обложкой рассказы, а также неопубликованные рукописи. В последние годы писательница работала над книгой с рабочим названием «Золотые купола, или Московская прописка». Все это ожидает издателя. Лаконизм, сочетание лиризма и иронии, острой наблюдательности и сострадания к героям позволяют говорить о Дине Калиновской как о продолжателе чеховской традиции в отечественной прозе.

О жизни и творчестве Дины Калиновской мы беседуем с Людмилой Абрамовой.

Слева: Людмила Абрамова в музее «Дом Высоцкого на Таганке». 2005 год / Дора Берон. Одесса.
Начало 1960-х годов

- Людмила Владимировна, когда вы познакомились с Диной Калиновской?

- Дина появилась в Москве в конце 1966-го, жила она тогда у своей знакомой, актрисы Карины Филипповой. Карина была и нашей с Владимиром Высоцким знакомой, они вместе учились в Школе-студии МХАТ. Карина бесплатно предоставила Дине комнатку рядом с кухней. Дом стоял на пересечении Садового кольца и Хомутовского тупика, по легенде в нем когда-то жил Булгаков. Хозяйка и ее квартирантка гордились, что живут в доме, где Булгаков писал «Театральный роман».

- А где она родилась, в какой семье?

- В свидетельстве о рождении записано: Дора Мешалимовна Берон, 7 апреля 1934 года, город Одесса. В семье ее называли Дина, так же звали в школе, а потом и во взрослой жизни. Когда уже в Москве, выйдя замуж, она меняла паспорт, записала: Дина Михайловна Калиновская. Этим именем подписаны ее московские публикации. Бероны до войны – разветвленный еврейский род. Мешалим Берон работал провизором в аптеке. Мама, Мария Исааковна, окончила до революции гимназию. У нее была прекрасная память, она знала языки, ей можно было задать любой вопрос по истории русской классической литературы. Когда началась война, Мешалим настоял, чтобы Мария с семилетней Диной и трехлетним Жорой эвакуировались. Мария не хотела, но Мешалим буквально заставил ее уехать. А сам остался в городе.

- Не понимали, чем грозит оккупация?

- Многие не понимали. Во-первых, после пакта с Германией наша пропаганда ничего не сообщала о репрессиях, грозящих евреям. Во-вторых, на Одессу наступала румынская армия, от румын одесситы жестокостей не ожидали. Но вслед за румынами пришли немцы... Мария Исааковна с детьми оказалась под Ташкентом. После войны Мешалим числился без вести пропавшим. Вернувшись в Одессу, Марии не удалось получить пенсию по потере кормильца. Уже в 1970-х стало известно, что Мешалим Берон отдал из аптеки все лекарства и бинты подпольщикам и в первые дни оккупации был повешен немцами. В 1945 году квартира на Канатной, где семья жила до войны, оказалась занята. Но Марии хотелось остаться в доме, в котором прошла молодость, и она сумела получить там комнатку. Устроилась экономистом в пароходство и на одну зарплату содержала себя и детей. Близкие Марии старались помочь, у некоторых были дети постарше, и Дина с братом часто донашивали за ними одежду. Ходили в обносках и были вечно голодными.

- У нее были безрадостные воспоминания о детстве?

- Это из наших дней те времена с их скудным бытом кажутся безрадостными. Как и многих предвоенных детей, испытания ее закалили и, отчасти, сформировали. Она была озорницей. А в школе – активной пионеркой, неплохо училась и, кроме того, занималась спортом. Лет в 12–13 увлеклась художественной гимнастикой. Была из гимнасток первого призыва. Спортивная секция вывозила гимнасток на сборы. Их там кормили посытней, чем дома, что помогало Марии сводить концы с концами. Дина занималась у балетного станка, чувствовала музыку, прекрасно танцевала, все это скрашивало жизнь. Кроме того, в школе у нее обнаружили способности к черчению и конструированию.

- Возникает образ гармоничного человека. И музыка, и спорт, и техническое черчение...

- Она была музыкальна, и гимнастика давалась легко. Изумительная фигура с тончайшей талией. Выезжала на подростковые соревнования и с успехом выступала. В школе училась недолго, после 7-го класса поступила на полугодовые курсы конструкторов-чертежников. Окончив, пошла работать в судостроительное конструкторское бюро. И вскоре начала предлагать различные усовершенствования, ей прочили в этом КБ большое будущее.

- Получается, в 14 лет она окончила 7-й класс, около двух лет училась на курсах и работать начала в 1950 году, 16-летней. В Одесский университет или в Политех она не поступала?

- Не пошла. Хотя близкие считали, что, получив трудовой стаж, она должна продолжить учебу и что инженерное дело – ее стезя. Работа дала Дине независимость – появились заработок и свободное время. Она начала писать. Первые публикации – в одесской молодежной газете, небольшие рассказы о детях во время войны. Дина быстро перезнакомилась с творческой молодежью города, литературной и театральной. Ее тянуло к театру, она дружила с молодыми актерами и актрисами, ходила на новые спектакли, вынашивала идею написать пьесу. Среди этой молодежи была актриса Таня Солошек, подруга Карины Филипповой по Школе-студии МХАТ. Благодаря этим актрисам наметилась связь Дины с Москвой. Все, что Дина предлагала одесскому театру, отвергалось с порога. Карина рассказала Олегу Ефремову, руководившему «Современником», что в Одессе есть молодой драматург Диночка Берон. У Дины к тому времени была готова двухактная пьеса по мотивам рассказа А. Толстого «Гадюка». Были и собственные сюжеты, над которыми она работала. Ефремов выразил желание посмотреть пьесы. Дина предупредила на работе, что увольняется, и сказала маме, что едет в Москву. Мария Исааковна пришла в ужас и ответила, что Дина никому там не нужна, что все это – пустые тщеславные мечты и она не даст ни копейки на дорогу. Но к тому времени в Одессе уже бывал дядя Гриша, их американский родственник, весьма обеспеченный человек, позднее описанный в повести «О суббота!». Он их всех задарил. У Дины были меховая шуба, роскошные кофты и многое другое – в те годы, когда американская одежда в Советском Союзе казалась чем-то невероятным. Динка все это продала на «толкучке» и на вырученные деньги рванула в Москву. Поначалу ее очень хорошо приняли в «Современнике». Дина очаровывала людей.

- Как она выглядела?

- Она была небольшого роста, легкая, тонконогая, волосы красоты неопишуемой – вьющиеся, смоляные, с блеском, и если она их не завязывала, они создавали вокруг головы черно-кудрявый ореол; громадные темно-янтарные глаза и длиннющие ресницы. У нас была затея: укладывать поперек ресниц спички, у кого больше, и Дине можно было положить шесть спичек. Брови у нее стремились вверх, к вискам, их окончания прятались за прядями волос. Треугольное личико, небольшие скулы, лицом напоминала Софи Лорен. Мягкий бархатный голос, сияющая улыбка. Когда мы познакомились, она была приветлива, ко всем расположена, очень смешлива. Хохотала заразительно. У нее – очевидно, это с детства шло – ни к кому не было зависти. Была своего рода нищенская гордость. В тот период Дина была нищая до ужаса: все продала, что было от дяди Гриши. Оставила только брошь и браслет с рубинами, которые периодически закладывала и выкупала в ломбарде. И при этом приветливость, легкость, независимость. Непонятно из чего выкраивала платочки, шивала шарфики из лоскутков, и это ее ничуть не унижало, наоборот, она гордилась своей бедностью. Из полушерстяного детского одеяла сшила пальто, материал был светло-голубого цвета, если на него капало с крыш, то оставались пятна, и Дина ходила по тротуару рядом с проезжей частью, чтобы уберечься от капель.

Дора Берон с братом и мамой.

Одесса. 1950-е годы

- В «Современнике» поставить пьесу не удалось?

- К сожалению, инсценировка рассказа Ефремову не пригодилась, он искал пьесы о современности.

- Значит, Ефремов вызвал ее, только чтобы прочитать пьесу, безо всяких со своей стороны обязательств?

- Да, это так. Но возвращаться Дина не собиралась. Она тут же предложила Ефремову собственный сюжет. Из него она вскоре сделала монопьесу «Баллада о безрассудстве» – о солдате, защитнике Одессы, еврейском мальчишке, который остался один во время боя за город. Он выбрал башенку с тремя окнами, куда противнику нелегко добраться, отстреливался из пулеметов и сумел на какое-то время задержать оккупантов. История его последних часов одновременно трагическая и веселая. Он чувствовал свою силу, его радовало, что он, как плотина, задерживает вражеский поток. Дина использовала в этой пьесе одесские легенды военной поры. Но в «Современнике» посчитали, что это не привлечет зрителей. Тогда на всю Москву шел только один моноспектакль – молодой Саша Калягин играл в «Записках сумасшедшего». Карина предложила показать пьесу Высоцкому: он сейчас премьер на Таганке, Любимов для него поставит... Она позвонила в театр, Володя в перерыве между репетицией и спектаклем забежал домой, и вместе мы помчались знакомиться с Диной.

- Вы тогда в каком театре работали?

- Я тогда сидела дома с детьми. А Володя к тому времени сыграл в «Павших и живых», в «Десяти днях, которые потрясли мир», сыграл заглавную роль в трехчасовом спектакле «Галилей» по Брехту, получил премию «Лучший актер года». До этого снялся в главной роли в картине Говорухина «Вертикаль». У него уже было положение, а вот всенародной славы, одиозности и связанных с ними запретов не было и в помине. Конечно, Дина произвела на нас яркое впечатление. Она прекрасно рассказала свой сюжет, Володя включился, они начали импровизировать на два голоса. Володя собирался ввести уже написанные песни в спектакль «Баллада о погибшем старшине». Вдвоем они стали развивать пьесу, Володя рассказал о ней Любимову, но Юрий Петрович наотрез отказался. Время идет, ни одной копейки заработать Дине не удастся, Карина тоже без работы. Вместе они нашли работу в Рузе, в доме культуры, где Карина устроилась

режиссером народного театра, а Дина – руководителем детского хореографического кружка. А потом Карина вышла замуж, собралась менять квартиру, уговорила кого-то из знакомых заключить с Диной фиктивный брак, чтобы она получила прописку и могла бы устроиться на работу в Москве. Получив прописку, Дина моментально устроилась конструктором в КБ цветной металлургии. Работа появилась, но жить по-прежнему было нелегко. Небольшая зарплата в КБ не позволяла снимать жилье, но Дина нашла выход. На «Водном стадионе» жила одна коммунистка с дореволюционным стажем, ей уже тяжело было выходить, и она взяла к себе Дину, чтобы та ухаживала за ней. Уход был платой за комнату. С Диной к тому времени я стала очень дружна, она была моим самым главным другом. С Владимиром Семеновичем мы расстались, я переехала на Беговую, это близко от «Водного стадиона», мы виделись с Диной почти ежедневно. И вот я снялась в телефильме для первой в СССР трансляции цветного телевидения, и Дина пришла смотреть. Кто-то из соседей дал цветной телевизор, пришли моя младшая сестра с подругой и наш к тому времени хороший друг художник Калиновский. Посмотрели мы в цвете эту ерунду, попили чаю, Гена ушел первым, и Дина в дверях, застегивая свое пальто из одеяла, мне говорит: «Пожалуйста, сообщай мне, когда у тебя бывает Геннадий. Я хочу за него выйти замуж». Моя сестра и ее подруга расхохотались, дескать, на что она претендует, эта нищая провинциалка. Через неделю Дина стала женой Калиновского.

- Всего неделя ей на это понадобилась?

- Ничего удивительного я тут не вижу. Мы с Владимиром Семеновичем всего-то два часа были знакомы перед тем, как решили пожениться. Удивительна была только Динина смелость, как она решилась сказать такое при двух молодых красивых девчонках! Они были значительно моложе ее, ухоженные, прекрасно одеты и считали, видимо, что это ими, а никак не ею может заинтересоваться художник.

- Какой это был год?

- Шестидесят девятый. Познакомились в марте, семь дней спустя она к нему переехала, а расписались они в сентябре. Ей еще нужно было расторгнуть фиктивный брак, а тот человек не давал развод, его дом собирались сносить, и на двоих – перспективная молодая семья! – он мог бы получить большую площадь. Но тут уж Карина Филиппова как-то надавила, пригрозила, застрашала, и он сдался.

- Для Калиновского это был не первый брак?

- Геннадий был на пять лет старше Дины, к тому времени разведен, дочка осталась с женой, он жил один. Купил кооперативную квартиру в центре Москвы, обустроивал ее, был свободен и вроде бы не собирался ни на ком жениться. Перед тем у него одна за другой вышло несколько очень удачных книг, сборник японских сказок, «Винни Пух», еще что-то. Дина произвела на него сильное впечатление, он быстро понял, какой она писатель. Стиль, язык, внутренний ритм прозы он чувствовал, может быть, еще лучше, чем лирику и цвет, поэтому и стал хорошим иллюстратором. Когда Дина к нему переехала, она только-только стала задумываться об истории ее мамы и дяди Гриши. Из этого потом родилась повесть «О суббота!», в ее основе события, случившиеся в Одессе в семье Берон. Дина начала рассказывать, что хочет написать, а Геннадий говорит: «Зачем ты рассказываешь? Сядь и пиши». А она в это время ходила на службу в свое КБ. Когда Дина написала первую главу, страничек шесть на машинке, и прочла нам, Гена сказал: «Ты должна уволиться с работы и писать. Это роман века».

- Тема повести была ему близка?

- Не тема, а качество прозы ему понравилось. Еврейской крови у него не было, все в роду русские, только дед со стороны отца из польских дворян. Задолго до революции дед был выслан из Польши в Россию. Гена родился в 1929-м в Ставрополе. Еще шла война, когда Третьяковская галерея организовала лицей-интернат для одаренных подростков. Гена лет в 12–13 был туда отобран, жил в общежитии при Третьяковке. После лицея он с блеском окончил Институт имени Сурикова. Художники Кибрик и Дехтерев рекомендовали его в «Детгиз», где он много и успешно работал.

- Таким образом, он дал ей не только фамилию, но и возможность писать, не думая о зарплате.

- Да. Дина писала быстро, много переделывала, возвращалась, вычеркивала. Каждую фразу она строила, как инженер-конструктор строит изящный механизм. Мне с первых же страниц до кома в горле нравилось, что она пишет. И мы завели привычку: я стала читать вслух новые главы, губам и языку доставляло удовольствие артикулировать такую исключительную прозу.

- Как долго она писала «О суббота!»?

- Начала в январе 1970 года, а закончила в 1974-м. Пока повесть писалась, Геннадий работал над книгой Валентина Катаева «Волшебный рог Оберона». Она вышла с изящными черно-белыми иллюстрациями, с гениальными, как бы незавершенными «почеркушками». Валентин Петрович Геннадия очень ценил. Вместе с Диной они у Катаевых бывали, познакомились с его дочерью Женей и ее мужем Ароном Вергелисом, главным редактором журнала «Советиш геймланд». В этой компании Геннадий как-то сказал, что Дина пишет прозу. Катаев уже не был редактором «Юности» и избегал молодых писателей. Язва был редкостная, так мог отшить, что человек запоминал надолго. А Вергелис заинтересовался: «Дайте, я прочту». Прочел и показал Катаеву: «Вот где литература!» Тот неохотно взял рукопись, начал читать и увлекся. Позвонил Геннадию и сказал: «Я думал, что Диночка – ваша жена, а оказывается, это вы – муж Дины Калиновской». Идеальным вариантом было бы отнести повесть с рекомендацией Катаева в «Новый мир». Но Вергелису хотелось издать «О суббота!» у себя. Надо сказать, что «Советиш геймланд» был непочитаем в литературных кругах, считалось, что журнал на идише, созданный после разгрома еврейской литературы в СССР, нужен власти как декорация и публикуют там пропагандистскую макулатуру. Но Вергелис хотел публиковать в журнале хорошую прозу, он ухватился за эту повесть и сказал Дине: «Я вам пришлю переводчика». И в 1975 году, в двух номерах «Советиш геймланд», повесть была опубликована под заглавием «Старые люди» без упоминания переводчика, как будто Дина написала это на идише.

**Владимир Высоцкий в студенческом спектакле Школы-студии МХАТ.
Москва. 1959 год.**

- Как отнеслась к этому Калиновская?

- Ей хотелось опубликовать – она согласилась. Сразу после публикации Катаев предложил русский текст «Новому миру», но там сказали: «Нет, первая публикация должна быть у нас. А что еще есть у вашей Калиновской?» К тому времени уже был готов ее «вологодский» рассказ «Парамон и Аполлинария», Валентин Петрович предварил его кратким предисловием, рассказ опубликовали в 4-м номере «Нового мира» за 1976 год. Он написан раньше повести. Летом 1973 года, закончив иллюстрации к «Алисе в стране чудес», Геннадий вместе с Диной поехали отдыхать в Феропонтово и сняли горницу в избе над озером. Хозяйку избы звали Аполлинарией. И когда возвращались в Москву, Дина в поезде придумала сюжет.

- С двумя журнальными публикациями она могла вступить в Союз писателей?

- Для вступления в Союз писатель, помимо журнальных публикаций, должен был участвовать в совещаниях молодых авторов и, самое главное, – издать первую книгу. После публикации в «Новом мире» на Дину обратили внимание, «Литературная газета» предложила ей написать очерк о депутате Верховного Совета от Узбекистана, он возглавлял крупный совхоз, у которого были перерабатывающие фабрики и мастерские, где занимались народными ремеслами. Увешанного орденами директора звали Ахмаджан Адылов. Дину там приняли по-царски, ввели в курс дела, ей интересно было снова побывать в Узбекистане, где она жила в эвакуации. Теперь она узнала другие стороны этой жизни, в частности, что у состоятельных узбеков существуют гаремы и это считается в порядке вещей. Адылов был из очень высокого клана, чуть ли не потомок Тамерлана, при очень больших деньгах, в очень сложных отношениях с узбекским партийным лидером Рашидовым. Теперь о таких руководителях говорят: успешный менеджер. Дина написала, какой Ахмаджан руководитель, как хозяйство выглядит, как организовано,

пропела хвалебную песнь и была в том вполне искренна. Этот материал, за который она получила премию «ЛГ» «Лучший очерк года», стал главным несчастьем ее жизни.

- Пока что все развивалось вполне благополучно.

- Она написала еще два очерка для «Литературки», уже сама выбирала тему, очерки тоже были премированы. В 1980 году «Дружба народов» опубликовала повесть «О суббота!». Издательство «Советский писатель» заключило с Диной договор на книгу прозы. Повесть перевели на эстонский, чешский, румынский, немецкий и японский языки. А потом началось узбекское «хлопковое» дело.

- В чем же обвинили Адылова и при чем тут писательница?

- Он стал фигурантом дела в начале 1980-х годов, был арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму. Обвинения были просто чудовищные. «Литературка», как только Адылова посадили, от очерка отрекалась. Следователю было сказано, что газета такой очерк не заказывала и что выбор героя на совести внештатного автора Калиновской. Дину привлекли по делу как свидетеля. Следователь хотел доказать, что Адылов – взяткодатель и что она писала проплаченную статью. Показаний против нее никто не дал, но как только Дину начали вызывать на допросы, прекратились публикации и гонорары, «Советский писатель» остановил работу над книгой, Дину перестали пускать в ЦДЛ. А до этого распался ее брак, длившийся около 12 лет. Детей у них не было. У Геннадия завязался роман с другой женщиной, его последней женой, и он, как бы откупаясь, оформил Дине дарственную на квартиру, все оставил и ушел. Дина оказалась одна в безвоздушном пространстве. Два таких удара, конечно, сильно на нее повлияли. Геннадий в этой ситуации ее не предал, он приезжал, помогал деньгами, покупал продукты, когда она не хотела или не могла выходить из дому. Но сильнейшую моральную травму она получила. Замкнулась, больше не предлагала свои сочинения редакциям. Единственный, кто в середине 1980-х ее печатал, был Арон Вергелис. Благодаря ему появились новые переводы ее прозы в «Советиш геймланд», в 1985 году ежегодник «Год за годом» опубликовал по-русски ее рассказ «Рисунок на дне».

- Следующая публикация состоялась только в 2007 году, издательство «Текст/Книжники», в рамках серии «Проза еврейской жизни», выпустило «О суббота!» отдельной книгой. Молчание длилось более двадцати лет.

- Да, это так. Но все-таки книжка успела выйти при жизни автора. Когда в декабре 2007-го редактор Людмила Тарасова привезла ей авторские экземпляры, Дина была уже безнадежно больна. Она осторожно, как новорожденного, взяла свою книгу и погладила обложку.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ МОЛЧАНИЕ

*Î à ÷ àò ù ð à à î ð ï à ï ò à à : À à ð è ÿ À à è ù à à í, P ì è Î à è à à à à, À ï ð è ï
× à ð ï ù é, À à è è ï à ÿ è è à ï à ð à*

À à à à à à à ò À ò à à à à è Î à à à à à

Своим появлением в журнале «Лехаим» я в значительной степени обязан Толстому. В 2005 году мне как финалисту премии им. Льва Толстого были пожалованы букет цветов, почетная грамота и цифровой диктофон «Самсунг» с флеш-накопителем. Цветы, как им и положено, романсово отлетели, диплом с эмблемами Ясной Поляны обосновался над рабочим столом, а диктофон... Диктофон указал направление, в котором двигаюсь по сей день. Сначала я никак не мог взять в толк, к чему мне эта графская «удочка» корейского производства, и чуть ли не впервые в жизни поступил «по-еврейски», решив, что негоже добру пропадать. Так появилась рубрика «4x4», которая и вывела меня на поле журналистики, в русско-еврейскую культуру. Сейчас я уже могу оценить, какую роль сыграло это «санкционированное» Толстым возвращение к корням для полуеврея-ассимилянта. Тогда же, на знаменитой веранде, в не менее знаменитых яблонево-садах, в жарких спорах о Толстом на яснополянских писательских встречах, я не почувствовал «толчка» из параллельных миров: тема «Толстой и “еврейский вопрос”» наверняка показалась бы мне, как и многим другим, не только надуманной, неуместной, но еще и в значительной степени провокационной. Теперь же эта «надуманная» тема активно муссируется и на серьезных литературоведческих сайтах, и, увы, на национал-шовинистских. Толстой, изучавший помимо тех языков, которые уже знал, не только турецкий, голландский, корейский, но еще и иврит, дабы иметь возможность читать Тору и Талмуд в оригинале, продолжает притягивать к себе внимание всего мира. Но только евреи, притягиваясь к светочу, никак не могут понять, почему он отодвинул «еврейский вопрос» на восемьдесят первое место? Не мог же он не знать, в каком положении находились евреи в черте оседлости? Не чувствовал, что от судьбы каких-то там Яшек-Абрашек зависит будущее России? А может, думал, что с него достаточно трех гениальных романов и одного религиозно-нравственного течения? Ответы на эти и другие вопросы я записал на тот самый яснополянский «Самсунг».

И ЕВРЕЯМ ЭТОГО БЫЛО МАЛО

Ààòèÿ Áàèüüí àí, ôèèîéîîã ìðüíîáááàò àèü Ááÿð-Ðààîéîîã òí èááðîèò àò à

- Теодор Герцль подарил Льву Николаевичу книгу «Еврейское государство. Опыт современного еврейского вопроса». Как вы думаете, читал ли он ее?

- Думаю, не читал. Сведений о том нет. Книгу не видела, не знаю, есть ли там пометки Толстого. Но известно, что Толстой не сочувствовал идее сионизма. В «Хронике “Восхода”» за 1899 год публиковалось письмо Толстого Левиту, переводчику на иврит трактата «Об искусстве», в котором он писал: «Задача еврейства в будущем, как и всякого народа, есть освобождение себя от обособленности... и все большее и большее уяснение общечеловеческих идеалов...» А в конце письма, намекая на цели сионизма, сожалел, что еврейский народ «ищет совершенно обратное тому, что ему нужно». Хороший знакомый Толстого скульптор Илья Гинцбург также вспоминал, что Толстой не разделял идеи самостоятельного еврейского государства.

- Насколько «Полезная газета» за номером 189 оказалась полезной в создании мифа об антисемитизме Толстого? Не кажется ли вам, что на вопрос, был ли Толстой антисемитом, можно ответить так: и любовью особой к евреям не пылал, и антисемитом не был. Толстого можно обвинять в безучастности, в том, что он отодвинул «еврейский вопрос» на 81-е место, но повод ли это, чтобы считать его антисемитом?

- Не считаю Толстого антисемитом и не хочу вступать в дискуссию с теми, кто раздувает этот миф. Мне представляются необычайно точными слова историка Шимона Дубнова о том, что Толстой «только по духу своего учения» не может иметь ничего против евреев.

- Правда, что за написание статьи в защиту еврейского народа после Кишиневского погрома евреи предлагали Толстому деньги и будто бы именно это обстоятельство вывело Толстого из себя: «Русского писателя нельзя за деньги заставить писать о жизни в сфере ему чуждой».

- Деньги за статью – выдумка, основанная на одной из стигм о евреях, якобы всегда и всё покупающих. Кто предлагал деньги? Шолом-Алейхем, который трижды обратился после Кишиневского погрома к Толстому с просьбой публично осудить погром и выразить сочувствие пострадавшим? Профессор Стороженко, который просил писателя

подписать коллективную телеграмму городскому голове Кишинева? Толстой поправил текст телеграммы (убрал слова «жгучий стыд за христианское общество») и подписал ее. Кстати, Гинцбург вспоминал, что Толстой неоднократно высказывался против погромов.

- То, чего евреям казалось мало: «Я жалею о преследованиях, которым подвергаются евреи, считаю их не только несправедливыми и жестокими, но и безумными», оказалось много для сегодняшних русских фашистов: «Толстой – антирусист и пособник сионизма». Так «много» это или «мало»?

- В упомянутых воспоминаниях Гинцбург приводит слова, сказанные ему Толстым: «Если я мало говорю о том, что делается против некоторых национальностей, то только потому, что постоянно высказываюсь против всякого угнетения». Евреям этого было мало. Но я не считаю это признаком ущербности. Мировая слава и авторитет Толстого были необычайно велики в конце XIX – начале XX века. В многочисленных характеристиках еврейской читающей публики, опубликованных в этот период в русско-еврейской периодике, имя Толстого стоит на первом-втором месте в списках наиболее читаемых русских писателей. И естественно, что в тяжелые моменты еврейские интеллигенты обращались к Толстому с просьбами выступить публично в защиту еврейского народа.

ТОЛСТОМУ НУЖНО БЫЛО СДЕЛАТЬ ВЫБОР

Рi è Í àèãñã, óèèíèíã èññèãíãò àèü ò àíð-àíð àà Øíèíì -Àèèóàì à

- Толстой оказал влияние на таких видных классиков японской литературы, как Рюноскэ Акутагава, Ясунари Кавабата, Кэндзабуро Оэ. А какое отношение сегодня к Толстому? Как и когда вы открыли для себя тему «Толстой и евреи»?

- Когда училась в магистратуре Университета Тояма. Известный японский профессор Такаси Фудзинума, автор книги «Жизнь Л.Н. Толстого», вел у нас спецкурс по Толстому. Изучая для реферата переписку между Шолом-Алейхемом и Толстым, начатую сразу после кишиневской трагедии, я почувствовала, насколько это важная тема. Позже, в моей диссертации, выявление позиции Толстого по еврейскому вопросу стало одним из ключевых моментов исследования. Собирая материал к диссертации, я узнала, что, хотя Толстой выступал против идеи сионизма, его мысли сыграли определенную роль в деятельности сионистского движения. И не могли не сыграть. Возможно, поэтому многие российские псевдопатриоты считают Толстого пособником сионизма. Но он им никогда

не был, так же как не был антисемитом. Я живу в Японии, и мне также очень интересно, какое значение имело творчество Толстого для японской литературы XX века. Например, на японского писателя Рока Токутоми оказало влияние описание природы у Толстого. В 1906 году он даже совершил длительное путешествие на корабле, чтобы встретиться с Толстым в Ясной Поляне. Кстати, во время этого путешествия Рока Токутоми побывал и в Иерусалиме. После возвращения на родину Токутоми решил вести толстовский образ жизни и недалеко от Токио купил землю, устроив там некое подобие Ясной Поляны.

- Когда мы говорим об антисемитизме Достоевского и Чехова, когда упрекаем Толстого в безразличии к судьбам евреев России, должны ли мы делать скидку на страшный антисемитизм, царивший в ту пору в России?

- Между евреями и русскими не было никаких сношений (черта оседлости), потому-то евреи и казались для русских существами-губителями. Это хорошо показано в романе Шолом-Алейхема «Кровавая шутка». Об этом же продолжал говорить Жаботинский: «Мы, евреи нынешнего переходного времени, вырастаем как бы на границе двух миров. По сию сторону – еврейство, по ту сторону – русская культура. Именно русская культура, а не русский народ: народа мы почти не видим, почти не прикасаемся – даже у самых “ассимилируемых” из нас почти не бывает близких знакомств среди русского населения...» Немалое влияние на умонастроения титульной нации оказывала антисемитская пресса, бойко распространявшая предрассудки, связанные с еврейским миром, о которых имела весьма поверхностные представления. В складывающейся ситуации журналистам и писателям, в особенности авторитетным, необходимо было сделать выбор, проявить высокого свойства ответственность перед обществом.

- Какое влияние оказала на еврейскую интеллигенцию переписка Толстого с Шолом-Алейхемом?

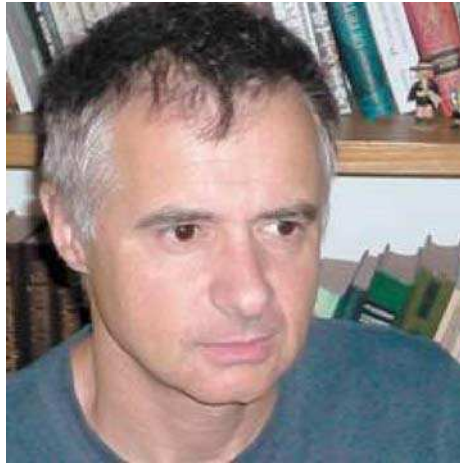
- Я не занималась исследованием того, как повлияла переписка Толстого с Шолом-Алейхемом на отношение еврейской интеллигенции к Толстому. Пока не знаю, но ваш вопрос стимулирует мой интерес к этому предмету. Естественно, в творчестве Шолом-Алейхема отразились споры и полемика, происходившие тогда в еврейском обществе. Например, в «Кровавой шутке» автор прямо высказывается по поводу толстовского безразличия к бедам евреев. Но если мы обратимся к роману-саге «В бурю», навеянному событиями революции 1905 года, то в нем Толстой, наоборот, получает положительную оценку, предстает перед нами великим философом.

- Шолом-Алейхем трижды просил Толстого осудить Кишиневский погром. Зачем ему, уже униженному избиением своего народа, нужно было еще трижды унизиться?

- Многие еврейские интеллигенты надеялись на то, что Толстой защитит униженный еврейский народ. Шолом-Алейхем мечтал встретиться с Толстым в Ясной Поляне и выслушать его мнение о «еврейском вопросе» – мечте этой из-за смерти Толстого не дано было сбыться. В некрологе Толстому Шолом-Алейхем сравнил русского писателя с «жизнетворящим солнцем», а себя – с мотыльком – «маленький мотылек летит и рвется к солнцу», – намекая, что когда-то как мотылек слепо следовал великому русскому писателю. Можно ли назвать этот порыв «личным унижением»?

КОГДА НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ

Αἰθεῖν καὶ ἰεῖ, ὁεῖεῖτῆ ἰθὶ ὁαῖνθ ὀιέαῖθῆ ὀὰ ἄ ἰθῆ Ἐαῖ ἄ (Ἰ ἰθὶ αἰ ἄεῖ)

- В рассказе Бабеля «Гюи де Мопассан» главный герой, юный литератор-еврей, захмелев, начинает бранить Толстого: «Он испугался, ваш граф, он струсил... Его религия – страх... Испугавшись холода, старости, граф сшил себе фуфайку из веры...» Герой рассказа озвучивает мнение большинства представителей своего народа или же налетает на Толстого с позиций, так сказать, цеховых, «мопассановских»?

- В рассказе нет ничего, относящегося к Толстому. Тем не менее совсем неожиданно рассказчик «стал бранить Толстого», что вызвало вялое удивление у Казанцева: «И дальше?» Но «дальше» о графе ни слова. Бабель пишет о Толстом как писатель, родившийся в Одессе, душою прикипевший к средиземноморской цивилизации, противостоящей «холодному» русско-аристократическому толстовскому миру. В отличие от Толстого, «испугавшегося холода, старости, смерти», Бабель «сшил себе фуфайку» из жизни в самом тривиальном и плотском ее выражении. В рассказе Бабеля каждая фраза пахнет мокрыми телами любовников, умиравших и воскресавших после многократных соитий. В этом наэлектризованном жаре и есть своеобразие Бабеля, которое больше не встретить во всей русской литературе, предводителем которой как раз и является Толстой. Переводчик Мопассана оказывается тем «национальным Мопассаном», который, по его мнению, должен взрастить «русский юг», «русскую Одессу». В какой мере это ему удалось – вопрос, скорее относящийся ко всему творчеству Бабеля.

- Почему в «Хаджи-Мурате» Толстой ни разу ни обмолвился о трагедии горских евреев? Ведь он не мог не знать, что его легендарный герой участвовал в еврейских погромах, собирал с евреев специальный налог, неуплата которого грозила рабством или насильственным переходом в ислам?

- Вопрос об отсутствии в «Хаджи-Мурате» хоть каких-нибудь намеков на жестокость Хаджи-Мурата по отношению к горским евреям – литературный. Толстой как писатель имел право изобразить добрую, почти детскую улыбку, чувство собственного достоинства у «гордого и страшного чеченца» – и оставить за пределами своей художественной задачи еврейские слезы и еврейскую кровь жертв Хаджи-Мурата. Нельзя утверждать, что литература есть свободная художественная деятельность, одновременно

требуя от писателя, чтобы тот «угодил» власти или потрафил национальным чувствам того или иного народа. Но в России писатель был больше чем писатель, он еще и общественный деятель, и поэтому его слово имело большой вес. Кстати, этим и объясняется, так сказать, «обвинение Толстого в умолчании». Но Толстой был далеко не исключение. Если посмотреть на факты, «не зажмуриваясь», – выражение не мое, а Жаботинского, – то русские писатели мало интересовались судьбой еврейского народа, или когда они им интересовались, то, за редчайшими исключениями вроде Короленко, делали это, не скрывая своей юдофобии. Толстой не только писатель или общественный деятель, но еще и философ, искатель Истины, проповедующий заповедь «возлюби ближнего своего, как самого себя». Однако Толстой «любить евреев» не может по двум простым причинам. Во-первых, наподобие Эразма, который «создал» свою собственную веру, вернувшись назад к истокам христианства, то есть к иудаизму – вспомним уроки иврита с раввином Минором, увлечение Талмудом, Толстой «современных» евреев не знает, не видит (равно как Эразм их не видел, не знал и знать не хотел), евреи для него – народ библейский, «старозаветный», который «отстал от истории человечества». Во-вторых, если и может, то только не «сердцем», потому что, по его собственным словам, «их любить трудно, но надо». А в «Хаджи-Мурате», это, наверно, оказалось трудно, слишком трудно.

- «Я не знаю Дрейфуса, но я знаю многих Дрейфусов, и все они были виновны» -такова реакция Толстого на дело Дрейфуса. Кампания в защиту Дрейфуса была неприятна Толстому как аристократу, отсюда такое раздражение? Вообще, насколько широко освещался процесс Дрейфуса в российской прессе? Возможно, несколько странное отношение Толстого к этому громкому делу связано с его недостаточной осведомленностью?

- Русские читатели, в том числе и Толстой, имели возможность ознакомиться с перипетиями дела – история с найденным бордеро, осуждением капитана, открытием полковника Пикара и, конечно, выступлением Золя. С самого начала дела толстые журналы, такие, как «Вестник Европы» или «Русское богатство», посвящали статьи зарождению во Франции – на родине свободы и демократии-новых форм антисемитизма, жертвой которого стал не традиционный еврей в кафтане и с пейсами, а вполне ассимилированный еврей. В ежедневной газете «Новости» от 1898 года русский сенатор Закревский, прекрасно знавший жизнь еврейского населения в черте оседлости, опубликовал ряд замечательных статей о деле Дрейфуса как о центральном моменте перехода от средневекового антисемитизма к современному, для которого символами еврейского засилья являются банкиры, капиталисты, то есть те евреи, которые уже не похожи на традиционных. Отсюда страх, как бы они не «проникли» незаметно во все сферы общественной жизни и даже в армию. Таким образом, Толстой имел всю необходимую для точной и правильной оценки дела Дрейфуса информацию, но он недооценил его, как недооценили его и французские евреи, сначала скрепя сердце встававшие на защиту соплеменника. Толстого в какой-то мере можно понять. Дрейфус - еврей, офицер, живет во Франции, и все это никак не входит в круг философских размышлений Толстого о человеке. Но трагедия Дрейфуса и есть как раз трагедия француза еврейского вероисповедания, который хочет, чтобы на него смотрели как на вполне ординарного человека, а не как на еврея, этого-то Толстой или не понял, или же не захотел понять.

- Толстой, отвечая на «еврейский» вопрос американского журналиста, сказал: «По своим религиозным воззрениям я не могу делать никаких различий между людьми, исповедующими различные религии, и поэтому я не признаю

никакого еврейского вопроса». Почему этих слов, вполне проясняющих его человеческую позицию, для евреев оказалось недостаточно?

- До сих пор меня удивляет реакция Шолом-Алейхема на смерть великого писателя: «Непосредственно Лев Толстой не сделал для евреев почти ничего или ровно ничего, если сопоставить то, что он сделал, с тем, что мог сделать. Если бы мы должны были ценить в Льве Толстом поборника еврейского равноправия, то мы спокойно могли бы сказать, что в его лице русское еврейство потеряло немного». Какая наивность! Чего ждал еврей Шолом-Алейхем от русского Толстого? Сострадания? Помощи? Если бы дело Дрейфуса не закончилось благополучно, евреи во Франции, может быть, научились бы «идти своей дорогой, ни на кого не оглядываясь». Но не сложилось. Продолжали оглядываться, что не помешало правительству Виши «перевыполнить норму». Меня, безусловно, интересует точка зрения Толстого на «еврейский вопрос», но гораздо больше меня волнует, каким образом евреи смогли найти у Толстого ответы на терзавшие их вопросы.

ОН НЕ МОГ ЗАМЕНИТЬ СОБОЙ ГОСУДАРСТВЕННУЮ СИСТЕМУ

*Ààèèíà Ýèèàññáðä èàí àèèàò òèèèîîè-àñèè ï àòé, ï òáí ïáááàò àèü Ó-ááí î-
í àó-í îá òáí ò òà àéáéèñè èèè è èóáèèèè ÐÁÁÓ*

- Свою статью «И. Тенеромо – провинциальный корреспондент Л.Н. Толстого» вы заканчиваете так: «Нельзя не отметить, что общение с Л.Н. Толстым сыграло ключевую роль в его судьбе, общественной деятельности и литературном творчестве». Как же развивалось это общение?

- Важнейшим источником сведений об Исааке Борисовиче Файнермане, псевдоним И. Тенеромо, остаются письма и дневники Толстого, изданные в его юбилейном, 90-томном Собрании сочинений. Первое письмо Файнермана пришло в Ясную Поляну весной 1885 года. Молодой человек писал о влиянии на него религиозно-философских трактатов «В чем моя вера», «Краткое изложение Евангелия» и «Исповедь». Он замечал, что если раньше его, еврея, волновал этический вопрос: «Почему наш И-гова терпит страшное зло неравенства», то теперь у Толстого он нашел ответ на мучительный вопрос о смысле бытия, который формулировал так: «Живи, работая на других. Считая себя равным со всеми, сознавай свое единство с другими людьми». Летом 1885 года Файнерман приехал в Ясную Поляну, чтобы воплотить толстовское учение на практике: косил и пахал в крестьянских семьях, ухаживал за больными во время эпидемии, учил детей. О его самоотверженности вспоминали Илья Толстой и многие другие. Чтобы получить разрешение на преподавание в яснополянской школе, он крестился в августе

1885 года, однако все же не был утвержден в должности учителя и через год был вынужден покинуть усадьбу. В дальнейшем Тенеромо работал в земледельческих поселениях и столярных мастерских толстовцев в Полтаве и Смоленске. Как известно, с течением времени взаимоотношения Толстого с его последователями усложнились. Охлаждение в общении с Файнерманом проявилось уже в 1889 году, причиной был его радикализм и агитация в пользу передачи земли крестьянам. Общение и переписка продолжались и в последующие годы, несмотря на противодействие Софьи Андреевны.

- А сыграл ли Тенеромо какую-то роль в жизни Толстого?

- Несомненно, об этом опять-таки свидетельствуют письма и дневники Толстого. Здесь упоминается не только их совместная работа на сенокосе, но и обсуждения религиозных и общественных вопросов. Нередко Файнерман излагал постулаты и суждения, принятые в иудаизме. Это интересовало Толстого. Тенеромо никогда не отказывался от своей принадлежности к еврейству и был одним из тех, кто не только поднимал эту тему в общении с Толстым, но и пытался представить публике его позицию, осуждающую антисемитизм и погромы. В 1908 году разыгрался скандал после выхода его брошюры «Л.Н. Толстой о евреях». Это произошло на фоне непростой ситуации, сложившейся в год 80-летия писателя. Как известно, в 1901 году Толстой был отлучен от церкви, и его юбилей сопровождался не только благодарственными откликами, но и критикой охранительной печати. Многие в ближайшем окружении Толстого относились к Тенеромо неприязненно, но сам писатель сохранял уважительный тон в общении с ним. Широкую огласку получили некоторые замечания Толстого, ставившие под сомнение подлинность суждений, которые приписывал ему Тенеромо, однако большей частью эта критика зафиксирована в пересказах третьих лиц. Непростая судьба Тенеромо была одним из примеров тех жизненных конфликтов, с которыми сталкивались последователи толстовского учения, и в этом смысле его история не могла быть безразлична Толстому. Следует упомянуть, что на глазах графа разыгралась настоящая семейная драма, когда родители жены Исаака, узнав о крещении зятя, потребовали развода.

- Среди «опростившихся интеллигентов» было много евреев. Все ли они были выкрестами?

- Наверное, стоит заметить, что сам термин «выкрест» имеет сниженное значение, как, например, в хасидской среде противников пренебрежительно называли «миснагдим». Конечно, не все евреи-толстовцы уходили от иудаизма, да и само движение таких требований не выдвигало. Однако некоторые стремились таким путем стать ближе к народу, для которого трудились, хотя часто это вело к глубоким разочарованиям. Среди крестившихся было немало самоотверженных людей. Можно вспомнить участников духовно-библейского братства «Новый Израиль», деятельностью которых интересовался Толстой. Одним из его приверженцев был Яков Гордин, бежавший от полицейских преследований в США и ставший известным еврейским драматургом, признанным реформатором идишского театра. Кстати, Файнерман признавал ошибочность своего крещения, что отражено в его драме «Израиль и Христос, или Новая вера».

- Понятно, почему судьба Файнермана живо интересовала Толстого: Толстой его крестил. Но чем вы объясните поступок Софьи Андреевны, укрывавшей у себя в Москве Эсфирь Файнерман?

- Толстой не принимал участия в самом обряде крещения: это противоречило его воззрениям, ведь он выступал с критикой церковной обрядности, и его появление

могло быть воспринято как знак примирения. Крестными были его дочь Татьяна Львовна и земский деятель помещик Бибииков. Об обстоятельствах крещения Толстой писал жене, а после получения известия об отказе в должности учителя просил ее похлопотать в Москве, хотя знал о ее критическом отношении к Файнерману. В то же время Софья Андреевна с большим сочувствием относилась к его жене Эсфири, неоднократно ей помогала, поскольку она с дочерью влачила в деревне почти нищенское существование, ведь Файнерман работал за минимальную плату. Софья Андреевна писала об Эсфири в своих дневниках и письмах к мужу, отмечая нечто общее в их семейных историях. Решение помочь женщине, приехавшей в Москву для сдачи экзаменов на акушерских курсах, – это, несомненно, проявление человеческой солидарности и волевого характера графини Толстой, которую возмутила жестокость и бессмысленность полицейского подхода. Власти не посмели устраивать обыск в ее доме. Этот сюжет Тенеромо включил в сборник «Л.Н. Толстой о евреях». Дневники и письма Толстых заставляют задуматься о природе сословных, религиозных и национальных предубеждений. На рубеже XIX–XX веков российское еврейство нуждалось в честном и справедливом слове великого писателя, однако нельзя забывать, что его положение в обществе в то время было уязвимым, он не мог заменить собой государственную систему, которой требовались серьезные преобразования.

Российские евреи хотели видеть в Толстом Гилея и не могли понять, что Кишиневский погром не Бородинское сражение и не Девятый бастион. Напиши Толстой воззвание в защиту евреев, вряд ли оно было бы встречено так же, как «Севастопольские рассказы». Хотя Великому Гуманисту отодвигать «еврейский вопрос» на восемьдесят первое место, право же, не стоило, тем паче, что спустя пять лет после Кишиневского погрома слова таки нашлись, и замечательные, вот только не в защиту евреев: «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, додумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того Бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Этими словами Толстой завершает очерк «Не могу молчать», осуждающий казни в России. Но мы-то знаем, что в ряде случаев мог.

ИЗ НАШЕЙ СЕНТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Вы читали? *Аיִדען עײַז*. Принц-полукровка // 2010, № 8

Реакция. Национальное чувство, чувство национальной принадлежности – очень личное, интимное чувство, часто весьма сложное и противоречивое. Указывать другому, кем ему следует себя ощущать, становиться в позу моралиста и напоминать, что «человек должен помнить о своих корнях», – значит, как минимум, слишком много брать на себя. Ощущая слабость своей позиции и необоснованность претензий к Михаилу Ходорковскому, Борис Клин пытается маневрировать, мол, по алахе – не еврей, но в России должен заявлять себя евреем! Кому должен?! Борису Клину?! Клин подозревает, что Михаил Ходорковский подумывает о выставлении своей кандидатуры на выборах в президенты России и потому «строит из себя» русского, ибо: «Правителем в любой стране, и в России, разумеется, тоже, должен быть представитель титульной нации». Почему и кому должен, да еще и «разумеется»?! Все, что Клин может нам предложить вместо аргументов, – это ссылка на Довлатова, с которым не согласилась Панова. А мне вот ближе позиция Пановой, что дальше? И в конце уже Клин пишет нечто неразборчивое об американских порядках. Вроде как ему нравятся порядки, при которых «корни», т. е. этническое происхождение, не обязательно играют решающую роль в оценке кандидата на выборную должность, но он не уверен, подойдут ли они для России. Американские порядки таковы, что от президента требуется только быть уроженцем США, а папаша-кениец для одних – кость в горле, для других – не имеет значения, во всяком случае не препятствие. А вот губернатор Калифорнии Шварценеггер, тот вообще не американский уроженец и говорит с заметным немецким акцентом – и ничего...

Noam Sayin, עֵי אִי אִו

Реакция. Содержание статьи «Принц-полукровка» без остатка сводится к одному-единственному тезису: «Мне, Борису Клину, не нравится Михаил Ходорковский». Но так как из одного предложения статья состоять не может, автору приходится набивать еще тысяч шесть знаков в обоснование своей антипатии. Получается, по правде сказать, с каждым знаком все хуже и хуже, что и понятно: нелюбовь, как и любовь, – чувство иррациональное, логические аргументы ему только мешают. Например, сейчас Ходорковский, по Клину, виноват в том, что ощущает себя русским. А заяви «узник тишины», что провел детство в думах о своей еврейской идентичности, Клин написал бы, что Ходорковский никогда ни в какой еврейской активности, в отличие от Гусинского или Абрамовича, замечен не был, а теперь пытается представить себя жертвой антисемитизма и возбудить мировую еврейскую общественность на свою защиту. И вообще, мама у него русская, так что нечего тут. То есть доводы были бы противоположными, а результат, уверен, тем же самым. В недавнем интервью «Лехаиму» Владимир Войнович поведал похожую историю о тяжелой участи полукровки: расскажешь о сербских предках – евреи обижаются, вспомнишь о еврейской маме – сербы отворачиваются, назовешь себя русским – говорят, что примазываешься и маскируешься. Аргументы Клина разбирать большого смысла не имеет – как было сказано, они тут исключительно для прикрытия, что вполне заметно по их уровню. Например, Клин пишет: «Национальность – это не вопрос личных ощущений. Не вопрос языка. Национальность – это происхождение, твои предки, история твоей семьи, твоего народа...» Но это попросту не так, подавляющее большинство современных теорий нации определяют национальную принадлежность именно через самоидентификацию, а не через кровь. Не говоря уж о том, что в случае

Ходорковского наличествуют еще и русские предки в не меньшем количестве – почему надо отречься от них в пользу предков еврейских? «Барак Обама чувствует себя негром, ergo Ходорковский должен ощущать себя евреем» – довольно дурной силлогизм, логики, боюсь, не одобряют. Ну а недоумение Клины – неужели, мол, Ходорковский «не сталкивался с антисемитами в школе, во дворе» – вызывает лишь ответное недоумение. Во-первых, почему встреча с дворовыми антисемитами должна изменить национальную самоидентификацию человека? А во-вторых, государственный антисемитизм в позднем СССР, конечно, существовал, факт, но бытовой проявлялся вполне умеренно. Риска удивить Клины, сообщу, что я также не сталкивался с антисемитизмом ни в застойной школе, ни в перестроечном университете. Почему красавец, прирожденный лидер и любимец публики Ходорковский должен был страдать от антисемитов? И последнее. Существует такая штука, как презумпция искренности. Это означает, что без особых доказательств лучше не утверждать, будто Ходорковский торгует своей национальной идентичностью с прицелом на президентские выборы, а, к примеру, Клины пишет статьи вроде «Принца-полукровки» для демонстрации лояльности кураторам из Кремля. Почему бы не предположить, что МБХ искренне считает себя русским, а Клины действительно его не любит? Вот только не стоит пытаться подводить под свою идиосинкразию рациональную базу.

Ī ēōāēē Yāāēūōōāēī, Ī īīēāī

Вы читали? *Ī āōāēē Āāīāīīēūīēēē* Из нашей общей памяти // 2010, № 4

Реакция. У меня никогда не было сомнений в красоте еврейского народа, его таланте, мудрости, и русские вокруг не выказывали сомнений в этом. Помню рассказы мамы о еврейских учителях, направленных в послевоенные годы к ним, в деревенскую глухомань: красивых, общительных, умных. Наличие терпения и юмора определяли индивидуальные особенности человека, а не его национальность. Помню и возмущенные рассказы начала 1980-х о разбитых надгробиях на еврейском кладбище в деревне, где когда-то жила и училась моя мама, жили наши предки. Деревня та была с давних времен наполовину еврейской. Православные ходили молиться в одну избу, иудеи – в другую. Время было такое.

Ñāāāē, Ēīōāāīāō

АНГЕЛ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ

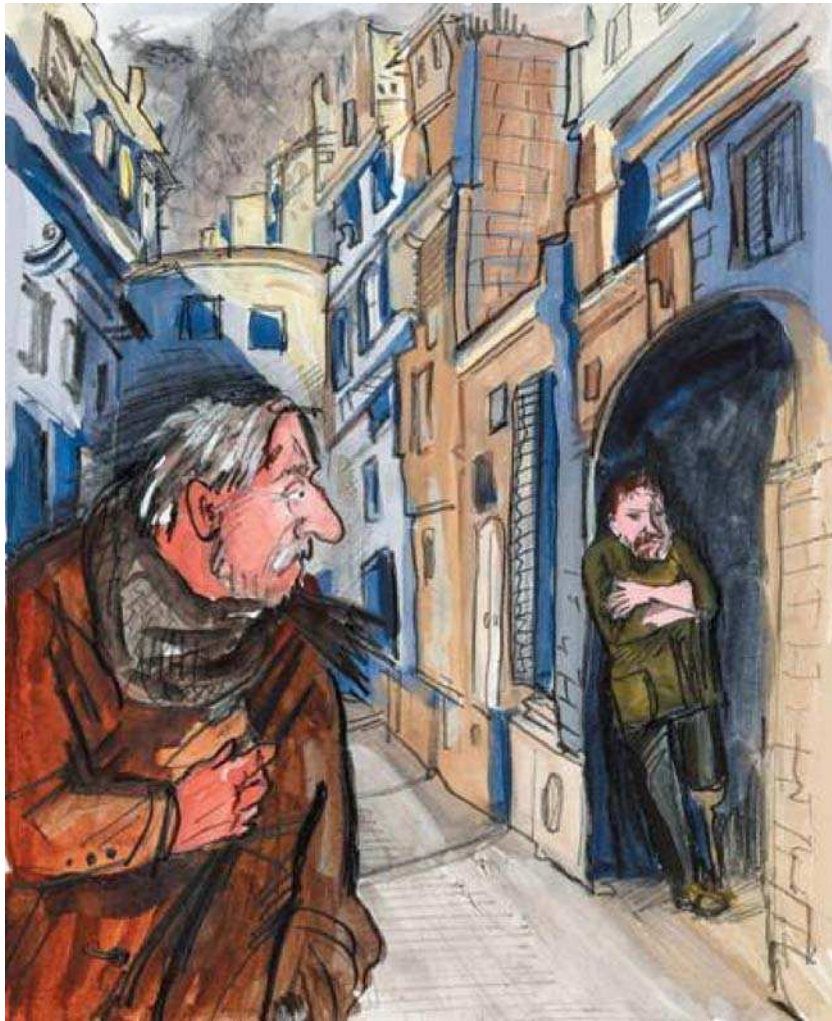
Áëíà Êàëëí Áàëàÿ

Дина Калиновская (1934–2009) была замечательной писательницей. Самый известный ее роман «О суббота!», опубликованный в журнале «Дружба народов» (1980), отдельной книжкой вышел в серии «Проза еврейской жизни» издательства «Текст/Книжники» (2007). Рассказы ее печатались в «Новом мире» и «Дружбе народов», а очерки – в «Литературной газете». Совместно с В. Высоцким она написала пьесу «Баллада о безрассудстве» (1967–1968), но спектакль поставлен не был, не состоялся и фильм на Одесской киностудии, для которого пьеса была переделана в киносценарий С. Говорухиным. Последние годы жизни она занималась тем, что делала коробочки из кожи – настоящие произведения искусства...

Рассказ «Ангел совместной работы» (1975) был найден в архиве писательницы после ее смерти и публикуется впервые по машинописной рукописи, предоставленной хранительницей архива Л.В. Абрамовой.

Êòí àëääë ÷ àðò áé äà ëàçëõ,

В æá - àí äëíà àëæó ÷ àñòí.

Лето не удалось. Май, впрочем, был хорошим, все зацвело, казалось, благодатная жара установилась прочно, но июнь вдруг навалился на улицы странный, с неуместными и холодными дождями, с ветрами, дуящими в разные стороны и свирепо.

С севера несло растерзанную в клочья тучу, после злого дождя было промозгло, даже в плаще на утепленной подкладке, в тот июньский цветущий вечер, когда старик с тихим именем Хачик, а по фамилии звучной, редкой в нашем, кстати скажу, разноязычном городе – Тер-Мнацакянян вышел для ежевечерней прогулки и возле ворот дома на другой стороне улицы увидел своего врага.

Это само по себе не было большой неожиданностью, они виделись частенько. Каждый вечер старик Петро Игнатьевич Хворостенко тоже выходил за ворота проветриться перед ужином.

Хачик остановился возле чугунной тумбы при воротах и некоторое время бездумно смотрел на отвернувшегося в другую сторону Хворостенко. Так же беспечно, пока еще беспечно, он поднял глаза на небо и увидел похожий на двуглавого орла клок черной тучи, рассеянно посмотрел вдаль: море в конце улицы было мрачным и обещающим еще большую мрачность.

«Ай, проклятая погода!.. Утром было, кажется, совсем тепло!..» – подумал Хачик и опять взглянул на Хворостенко.

Теперь Петро Игнатьевич повернулся лицом к Хачику, и лицо его выражало то, к чему Хачик привыкнуть не мог: «Насыпать соли мне на хвост ты можешь, больше ничего», – брезгливо выражало оно.

Не представляя совершенно, что именно можно предпринять для насыщения незамедлительно нахлынувшего приступа ненависти, Хачик твердым шагом двинулся через мостовую.

«Ай, клятая погода! Это она, она внушает людям беспокойные чувства, неуверенные мысли, но пагубную склонность к решительным поступкам!» – подумал Хачик, но не в эту минуту и не в этот вечер, а вспоминая этот вечер лишь спустя лето.

«Зачем я иду? – думал он сейчас, воинственно застегивая на ходу плащ на все пуговицы. – Что собираюсь делать?»

И строгим понуканием и нежным матерным взбадриванием призывал Хачик старые мозги к резвому галопу соображения, но ничего не успел придумать. Давний приятель светлой памяти Семка Трахтман, биндюжник и пьяница, с которым в бытность свою экспедитором на станции «Одесса-товарная» Хачик трясся на одном облучке, тот самый, что однажды в злом подпитии ударом кулака переломил хребет единственной лошади, как влез ни с того ни с сего в голову, так и просидел там до тех пор, пока Хачик не прошел мимо Хворостенки, будто и не к тому направлялся.

Враг прислонился к глубокой, похожей на трубу арке желтого дома. Он прислонился настолько плотно, что деревянная нога его, заточенная карандашиком, покачивалась над камнем тротуара вольно и мертво. С миной брезгливости на лице, он будто бы ожидал, что вот только пройдет Мнацакян, и тогда труба, выдувшая его на улицу, со свистом втянет обратно.

«Как распорядиться ненавистью, если с врагом не связан ни родством, ни службой, ни общими знакомыми?» – размышлял Хачик, обходя большие лужи и попирая малые.

«Пусть я не молод для такого дела, как месть. Но я не холоден. Пусть я не расчетлив в деле остроумного мщения, но зато упрям, и как!» – думал Хачик, повернув за угол с намерением отшагать весь квартал по периметру.

«Мстить? Что – мстить?! Старому, ай как много выдавшему сердцу естественнее нежиться в теплой печали о всеобщем зле, нежели кипеть в раскаленном котле конкретной ненависти!..» – думал он, но не в эти минуты, не в этот вечер, а лишь целое лето спустя.

Хворостенко и Мнацакян до определенного дня не сталкивались по делу, не болтали по-соседски о пустяках, но оба знали друг друга, и каждый знал, что другой о нем тоже знает.

О Хворостенко Хачик знал, что он плотник и стекольщик, что работает в ближайшей школе, что подрабатывает и частным образом, его можно пригласить по домашним стекольным или плотницким делам, что плату сдерет неумеренную, но сделает на совесть. Хачик знал его Наталью Дмитриевну, дворничиху седьмого номера. Она любила стоять по утрам у ворот и через очки наставлять на прохожих пристрастно-вопрошающий взгляд, и дети и собаки ее боялись. Хачик знал, что в дом к ним никто не

ходит, а если нужно, кричат в окна их полуподвальной квартиры: «Товарищ Хворостенко» – и выходит он. «Наталья Дмитриевна» – и выходит она. В обоих было что-то угрюмо-сектантское.

Говорили, что во время оккупации к Хворостенкам приходили гости с других улиц, полусмешные-полужутковатые. И Б-г с ними, считал Хачик, никого это не касается. Но один из гостей, говорили, сотворил такое, чему обыкновенный человек и поверить не может. Хачик не верил. Ему давным-давно, году в сорок седьмом, рассказала старенькая мадам Иванова из одиннадцатого номера – он не поверил. Слухи, сплетни злых людей. Клава Сероштаненко из тринадцатого, давняя подруга, как-то нашептала о том же, но он по праву дружбы прикрикнул на нее: стыдись! И вот зимой в овощном магазине, присланный за томатной пастой для борща, он встал в затылок Хворостенке. Разгружали картошку, надо было подождать. От нечего делать Хачика дернуло.

– А скажите, Хворостенко, все еще жив-здоров этот ваш знакомый, который в трех метрах отсюда, где мы находимся, совершил зверское преступление – убийство беззащитной женщины?

Очередь удивленно затихла. Кто-то спросил: «Что такое?» Хачик ждал. А Хворостенко неторопливо повернул к нему лицо, и на лице его написалась до такой степени прочная правота во всем существующем на белом свете, что Хачик Мнацаканян ужаснулся и сразу поверил в то, что говорили.

– Какой еще мне знакомый?

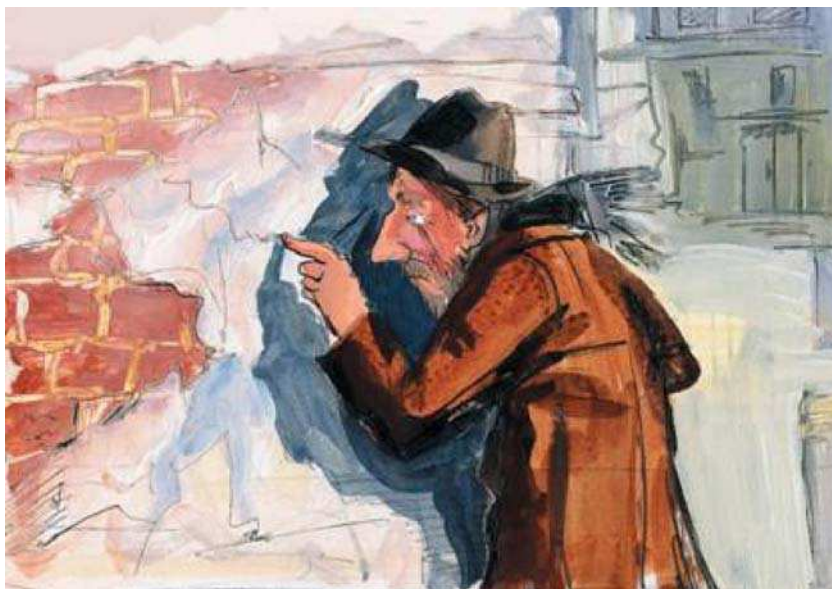
Сердце Хачика ударило колоколом. Да, трижды да, было! Были мокрые голые акации сорок первого горестного года, был холодный ветер с моря, были скорбные люди на искромсанных осколках тротуарах, и была толпа, бессловесно, понуро бредущая в гетто! И была согнутая полуслепая старуха в тяжелом пальто, она мелко шаркала и уставала через три беспомощных шага, и тогда солдаты цепляли ее под руки и на весу, так, что ноги в фетровых ботах волочились по мостовой, втаскивали в толпу, а она опять отставала. Она не понимала, зачем ее ведут куда-то, но надеялась, что там будет теплее и подадут горячий чай. И был Хворостенко с женой возле ворот седьмого номера, и были его гости, и тот человек. Он сумел что-то объяснить солдатам, он взял старуху за локоть и вывел на тротуар. Он подвел ее к углу, закрыл ей лицо большим воротником пальто и швырнул ее слабую голову на угол стены. Закричали женщины. Подбежал солдат из охранников, что-то кричал по-румынски, пнул того человека ботинком в живот и вернулся в хвост колонны, оглядываясь и грозя автоматом... «Все равно не доползла бы, – говорил тот человек, поднимаясь после пинка с земли, онемевшим людям. – Зачем мучиться и мучить охрану?»

– А может быть вы, гражданин Хворостенко, скажете, где сейчас находится и под какой фамилией ваш знакомый бандит?

Хворостенко улыбнулся, и ненависть хлынула в сердце Хачика раньше, чем он услышал ответ.

– Я прячу его у себя под кроватью.

Теперь, когда Мнацаканян поверил, он даже не нуждался в официальных свидетелях для розыска и осуждения того человека. Теперь его врагом стал сам Хворостенко, присутствовавший при том, возможно, поощрявший то.

Впрочем, он объявил мадам Ивановой, что намерен разыскать и предать народному суду героя ею же рассказанной страшной истории, и пригласил мадам в свидетели. Трясущаяся голова интеллигентной старушки прямо-таки задрезжала от ужаса, она чуть не скончалась у него на глазах. Пришлось успокоить, сказать, что пошутил. Стоило ли в таком случае тревожить Клаву Сероштаненко? Лет так десять-восемь тому, решил Хачик, еще куда ни шло. Хоть и десять лет назад от комсомольской повадки Клавы мало что оставалось, одна привычна отважно вскидывать голову, насколько позволяла согбенность... Следовало полагаться на самого себя.

Хачик повернул еще за угол, обошел весь квартал и вторично приблизился к седьмому номеру, по-прежнему не зная – зачем. За чем-то решающим или с чем-то решительным шел он, но остановился против Хворостенко, совершенно не представляя, что предпримет или хотя бы скажет тому.

Арка смыкалась над ними, из нее несло сыростью двора, как из колодца.

– Пора?.. – тихо и полувопросительно произнес Хачик.

Тут сквозняком из мусорного бака во дворе вынесло и поволокло по всему длинному проезду сырой газетный лист и прилепило к ногам Хачика. Хачик отступил в сторону, чтобы избавиться от газеты, и очутился прямо перед тем, страшной памяти, углом. Он не знал, что это за «пора», дурацкое слово выскочило нечаянно и ни о чем не говорило. Так и не придумав, что сказать поопределеннее, он молча уставился на послевоенную желтую штукатурку.

Она кое-где пообтерлась до белой грунтовки, кое-где исцарапалась до серого цемента.

«А кое-где ведь были, наверно, пятна от крови, – подумал Хачик. – Все можно замазать на этом свете!..»

Он стоял строго и почтительно, как перед мемориалом, и на мгновенье-другое забыл о Хворостенко. Он вытянул шею, сосредоточенно и печально было его лицо. Он неосознанно искал на стене пусть тонкую, как волос, незакрашенную или проступившую

из-под желтого рыжиночку крови, пока, скосившись, не увидел, что серо-коричневая голова повернута к нему с тяжелым вниманием.

«Ну-ка, ну-ка! – подумал Хачик и стал разглядывать облувленную стенку нарочито близко и подробно, как изучал бы ее присланный по заданию эксперт, сантиметр за сантиметром. – Ай, кажется, теперь я знаю, что надо!..»

Раз-другой отколупнул якобы подозрительную пупырку извести, более крупный кусочек обстоятельно заложил в кошелек. Как он жалел, что в этот момент с ним не оказалось какого-нибудь инструмента, приличествующего профессии эксперта, хотя бы увеличительного стекла – для большей весомости сцены!

Он сказал опять, как бы отвечая внутреннему вопросу, как бы полупринимая решение, но и советуясь одновременно с общественностью в лице присутствующего Хворостенко и для того повернувшись к нему лицом и взглядом.

– Назрело... Пора, а?

И степенно, начальственно отошел, не нуждаясь в ответе.

Он был ужасно доволен: артист! А главное, теперь у него появилась идея! А то, что в серо-коричневой скомканной фигуре, с где-то когда-то оторванной ногой, в смятых пыльными морщинами глазах, в позе Хворостенко, в его молчании было пудовое выражение абсолютной и каждодневной и ежечасной правости во всем без исключения, – что ж, хорошо, тем лучше!

Итак, он собственноручно изготовит и собственноручно поставит на том самом углу мемориальную доску в память невинно погибшей здесь неизвестной.

Приготовления стоили и смекалки, и нервов. Непросто оказалось уловить момент и незаметно от жены вынуть из старого буфета дубовую полку, она была заставлена банками для варенья и домашнего консервирования, теперь пустые банки стояли вторым этажом на банках полных, и нормально стояли. А повисший над головой вопрос жены: «Где полка?» до бешенства возмущал мелкостью, и он на него не отвечал. Ведро, необходимое для замеса, валялось в сарае. Алебастр он взял возле домоуправления прямо в государственной упаковке, крафтовом мешке, тут просто повезло – кто-то оставил, кто-то пусть жалеет. Мастерок он честно купил в магазине инструментов за семьдесят шесть копеек. Без мастерка намеченное представлялось почему-то не миссией, а шалостью, почти хулиганством.

И последнее: надо было тайно от жены где-то устроиться с вырезыванием букв на доске, и он придумал – в уборной. Он пожаловался на заминку в здоровье, попросил на ужин распаренного чернослива, съел его у нее на глазах, уверенный, что вреда не будет, но зато и расспросов не будет. А это было важнее всего, жена умела любой высокий помысел одним словом превратить в глупость.

Наутро он с полным правом закрылся на крючок, уселся с доской на коленях, и было уютно работать при сонном свете экономной лампочки, под тонкое пение труб и чистой весенней капли в бачке.

Сухое старое дерево резалось послушно, коротенькие щепочки отскакивали весело от перочинного ножа и острой отвертки, и было весьма уважаемо к себе ни о чем не думать, кроме дела.

Он резал глубоко, неторопливо, по заранее начертанным буквам и вырезал уже «НЕИЗВЕСТНО...» Хотел резать «Й» – и не стал.

«НЕИЗВЕСТНОЙ СТАРУХЕ» – было задумано им вначале. И надпись казалась удачной – сухо, без сантиментов. За словами вставала не одна полумертвая от старости еврейка, а тысячи не выдержавших войны, оставленных сыновьями старух. Он видел их потухающие от долгого ожидания глаза, их несогретые в последний час руки.

А тут ему показалась смешной эта надпись – название оперетты, не больше. Пройдут люди – рассмеются, подумают – шутка. «НЕИЗВЕСТНОЙ ЖЕНЩИНЕ» – только так и оставалось написать. Но такая надпись ничего не говорила бы о хрупкости убитой, равной хрупкости и незащищенности ребенка. Скорее следовало написать «НЕИЗВЕСТНОМУ РЕБЕНКУ», эта надпись взяла бы за сердце каждого. Такой надписью он погрешил бы против достоверности, но не погрешил бы против сути. В конце концов, на месте старушки мог оказаться младенец... Да, были голые мокрые деревья, был холодный ветер с моря и толпа, гонимая в гетто. И была девочка, сама почти дитя, с грудным ребенком на руках, которого ни перепеленать, ни покормить она не могла, потому что гнали без остановок. И был Хворостенко возле седьмого номера, и была жена его, и тот человек. Он силой взял из рук юной матери дитя... Мороз прошел по спине Хачика, и он вырезал на доске: «НЕИЗВЕСТНОМУ».

Он устал. Спрятал доску за жестяную лохань, висевшую на стене, смел веничком в совок стружки, спустил сор в канализацию и вышел, не оставив никаких следов. Жена возилась на кухне, он пошел прогуляться.

Возле седьмого номера никого не было, Хачик, потирая руки, прищурился на ту часть желтой стены, куда ночью будет прилеплена его гражданская пощечина. А пообедав, немного передохнув и попив чаю, он опять взялся за нож.

Он слышал, как пришла с работы соседка, потом сосед. Его не беспокоили. Суэта цвела в другом конце коридора, где кухня. А здесь было тихо, как под землей. Здесь только было слышно, как бродят соки большого дома. Тихие звоны и стоны гуляли по трубам, иногда жестко вздыхала повернутая лоном к стене жестяная лохань. И летели в сторону стружечки, дело подвигалось к точке. И предстояла ночь, и ночная, прямо-таки партизанская работа.

– Пойду-ка я подышать свежим воздухом, – заявил Хачик уже расположившейся на постели жене в двенадцатом часу вечера.

На улице никого не было. Даже вахтенный возле парадных дверей мореходной школы не стоял, как ему полагалось, снаружи, а был где-то внутри, видимо, учил уроки по судовождению.

Хачик припрятал доску за узорными воротами седьмого номера, затем из колонки во дворе набрал воды в ведро с алебастром, заболтал, смачно ворочая мастерком, негустую кашу, и через минуту он уже придавливал доску к тому месту стены, где когда-то она обагрилась.

Прошла в обнимку неторопливая парочка, пробежала на каблучках, трусливо поджимая плечи, одинокая девочка, проехала милицейская ночная машина.

«Пусть себе ходят, пусть себе ездят, пусть освещают фарами!» – мысленно ворчал на обстоятельства Хачик. Главное уже было позади. Он спиной прижимал доску, ждал, пока алебастр схватится, и был действительно похож на человека, вышедшего перед сном подышать у ворот.

Из-за спины пахло новостройкой или, по крайней мере, капитальным ремонтом, было спокойно и праведно на душе. Хачик не думал сейчас ни о Хворостенко, ни о гонимых по улице евреев. Он сделал дело и был доволен, что оно удалось.

Когда доска перестала ползти вниз, Хачик мастерком пригладил и подчистил с боков алебастровое прикипевшее тесто – получилось все очень хорошо.

Теперь осталось схоронить ведро с мастерком, он вернулся во двор и зарыл ведро в большом мусорном баке, который завтра чуть свет вывезут на свалку. Мастерок он решил утопить в дворовой уборной. Железное сердечко, на два дня появившееся в его жизни, плюхнуло и ушло в глубину.

Хачик сполоснул под колонкой руки, отряхнул, как мог, спину, одернул пиджак и вышел из темного, без единого неспящего окна, седьмого номера.

Он прошел к подъезду и не взглянул на доску: он чувствовал, что она висит, как следует. По другой стороне улицы он прошагал вдоль всего здания мореходной школы, не оборачиваясь. Он хотел издали посмотреть, как все выглядит. Только на повороте, метров за семьдесят от своей доски, он остановился, обернулся и обмер.

Так строго, как будто была прибита особым приказом по военному гарнизону города, сияла под бледным фонарем его доска. Даже отсюда были различимы слова, тяжкие, как земля, падающая в могилу, горькие и беспомощные, как проклятье: «НЕИЗВЕСТНОМУ РЕБЕНКУ».

Он отошел подальше, он хотел посмотреть на ходу, как будут завтра в семь утра смотреть торопящиеся на работу люди. Он приблизился, подражая утренней походке делового человека. Как только стали видны слова, от них уже нельзя было оторвать глаз, они жгли и притягивали, как пожар.

Отныне и узорные ворота, и весь фешенебельный фасад седьмого номера, и овощная лавка рядом с ним, и соседние дома, и весь квартал, вся улица приговорены нести на себе печать причастности к давнему преступлению. Завтра пройдут люди, и на их сердцах останутся ожоги. Утром выйдет Хворостенко – пусть выйдет, и что с ним будет – пусть будет.

Жена не спала.

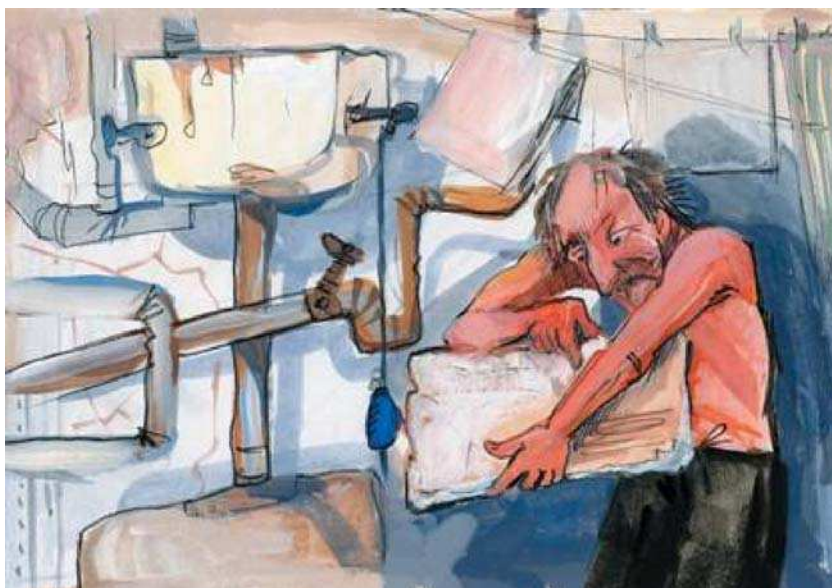
– Ты где-то прислонился и испачкал пиджак, – сказала она.

Он разделся, пряча глаза, чтобы не выдать отсвечивания в них своего геройства. Он долго не мог заснуть. На улице кто-то заводил, судорожно старался, но никак не мог завести, наконец завел мотоцикл и поволок с дизельным хохотом и кашлем по спящему

городу шлейф бензиновой гари. Потом стало тихо, стало слышно, как бьют часы где-то за тремя стенами.

Он давно не знал себя так высоко, как в эту ночь, может быть, с войны... Когда они однажды отбили обоз, вспомнил он, чего там только не оказалось! Какие консервы! Какие колбасы! И шнапс, и коньяк, и копчености, и апельсины, и мармелад, и бумажные салфеточки с орлом и свастикой, и эрзац-сигареты, и настоящие сигары, и...

Он проснулся от громкого стука в дверь парадного. Стучали без стеснения, без учета раннего времени – в окне светило очень раннее, только что начавшееся утро. Хачик вскочил и побежал к дверям, ворча на бесцеремонного гостя – соседям на работу, преступно будить их на рассвете. Полуголый, в одних черных трусах, с недовольным сонным видом, Хачик наткнулся на плотный взгляд, сжатый рот, на деревянную ногу и дворницкую метлу наперевес.

«Почему, удивительно, почему я сразу же почувствовал себя виноватым и уличенным? Возмутительно – почему?» – подумал Хачик, но не в этот рассветный час невероятного появления Хворостенко на пороге, а вспоминая это появление лишь лето спустя.

А тут – опять Семка Трахтман. Протрезвевший, рыдающий над убитой лошастью, приговоривший себя к пожизненному прозябанию обыкновенным шофером обыкновенного грузовика, покойный Семка Трахтман, как всегда ни с того ни с сего, влез в голову Хачика и хамски расположился там в самый неподходящий момент.

– Заберите, – криво сдвинулся рот, метла ткнулась в угол.

Хачик послушно проследил за движением метлы, возле стенки увидел свою доску и опять уставился на Хворостенко. Рот пополз книзу, и Хачик подумал: плюнет, а потом будет совать в лицо грязную метлу, с такого станется. Он подумал, что если тот разбушует, то надо будет выйти на площадку и закрыть за собой дверь, чтобы жена не слышала, какими словами он будет говорить с хулиганом. Он ждал плевка или другого какого-нибудь действия, но Хворостенко только повторил:

– Заберите ваши цапки, – и опять рот пополз вниз, как будто собирал на язык слюну. И опять Хачик ужаснулся выражению беспредельной правоты во всем без исключения, которое было у Хворостенко, но никак не получалось у него самого.

– А что, – вдруг, как во сне, услышал Хачик свой, но как бы и не свой, а чей-то приклеившийся к нему голос. – Разве метете теперь вы? Наталья Дмитриевна заболела?.. – Хворостенко на заискивание не ответил.

Метла еще раз лизнула по доске, потерявшей в пыльном углу лестничной площадки свою вчерашнюю значительность и ставшей попорченной и испачканной алебастром полкой. Хворостенко повернулся спиной и стал уходить вниз по стертým ступеням, становился на каждую деревяшкой и ногой, деревяшкой, потом ногой.

– Авэ айндег, – крикнула жена из комнаты. – Хачик, в чем там дело, баны ингум нэ? Кто там?

Хачик пришлепал босыми ногами к своей двери и зашептал ей в щелку:

– Почтальон!.. Чужая телеграмма!.. Принесли по ошибке, инчес вртоvvум?

Когда он вернулся на площадку, Хворостенко спускался уже на первом этаже. Хачик захлопнул парадное и на цыпочках унес доску в уборную. Он выглянул в просветы выходящего на лестницу забеленного окошка, подождал, прислушался. Ему казалось, что Хворостенко должен вернуться. Сказав так мало, он должен сказать еще. Но было тихо в парадном, и тихо в квартире, и даже в трубах абсолютно глухо.

Он стал обламывать с краев доски острые зубцы присохшего алебастра, он торопился сделать ее опять полкой из чулана, раз уж так сложились обстоятельства.

«Меня не тронули, не оскорбили, но я оплеван и бит поганой метлой», – думал Хачик с ожесточенным спокойствием.

Обламывать алебастр без всякого инструмента было нелегко, но он отдирали и крошил пальцами, и отковыривал ногтями сначала, чтобы дать себе работу и успокоиться, отвлечься, потом с упрямством, как срочнейшее и необходимейшее дело, которое плохо дается, потом иступленно, оцарапываясь, ломая ногти и вкладывая в сдирание алебастра вею свою ненависть.

Он представил, как мерзкая колючая метла лезет человеку в лицо, зажмурился. У него зачесались ладони. Он решил, что алебастр так действует на кожу, и сунул доску за лохань. Он почесал ладони и подушечки пальцев, но чесотка поднялась по рукам вверх, зачесались плечи. Он шершавыми ладонями потер плечи, зачесалась спина. Он стал тереться о крашенную стену, зачесалась грудь.

«На нервной почве», – подумал он.

Стала чесаться шея, и за ушами, и где-то в горле, у корня языка, и где-то еще, неуловимо где, но нестерпимо. Он чесал то тут то там – сначала ладонями, осторожно, стараясь не разбередить больше, потом сильнее и сильнее, потом стал скрести себя ногтями и вкладывал в остервенелое расчесывание всю свою ненависть. Кое-где проступила кровь... *Ī ēī :āī ēā ŋāōōō*

В ОБЛУПЛЕННУЮ ЭПОХУ

Аיאֹד ײִיִאֵוּ

Почему-то сначала об этом сообщали, оглядываясь и шепотом:

– Говорят, нам проведут газ...

Разговоры пошли с зимы. Стояли морозы, и детям приходилось смазывать лица гусиным жиром, чтоб не обморозились. Для тогдашних зим и тогдашних – старинных! – морозов это было наилучшим средством.

– Вы слышали насчет газа?..

– Газа? Который в кухне?

– Который в кухне...

И в ответ:

– Ай, бросьте!

– Кто вам такое сказал?

– Вранье!

– Надо же будет копать, а у нас – вода на глине...

Слух нарастал, молва набухала, жители, встречаясь у колонки, искали друг у друга в глазах подтверждения, сведений, уверенности.

При этом у голубоглазой части наших поселян глаза горели синим пламенем газовой горелки, а у темноглазых хотя тоже вспыхивали, но не так ярко и не так доверчиво, как этого бы хотелось.

Кто-то где-то якобы видел распоряжение газифицировать не каждый дом и квартиру, а через одну, и называлось это «пунктирная газификация». Грядущее неравенство тревожило, угнетало, порождало оговоры как самой идеи газификации, так и слухов о «пунктире», намечало распри, из которых не будет выхода, и, конечно, египетские казни.

Кто-то, наоборот, слышал, что проведут всем, но из-за экономии – по слишком тонким трубам, а на плите будет одна конфорка с приделанной намертво сковородкой для яичницы из двух яиц. Или что-то там еще.

Чего только не говорили!

Времена эти теперь изрядно отделились и вспоминаются как легендарные, поэтому описывать их мы можем только в стиле баснословном, с преувеличениями и фантазиями, ибо если получится вспомнить, как оно было на самом деле, правда тех дней покажется непомерным преувеличением вроде помянутой уже приделанной намертво сковородки.

Повторяю, чего только тогда не говорилось, чего только не происходило и чего только не выдумывалось.

А посему старик Самуил Акибович то и дело стал ходить в свой сарай, где, скрытый от чужих глаз прислоненным внаклонку сырым, малопригодным для отопления горбылем, стоял его давнишний – нэповских еще времен – сатуратор.

Самуил Акибович в те годы был Королем газировки, по-прежнему еще называвшейся «сельтерской» (в его произношении «зельтерской»), и какое же это было чудное время!

Он тогда был молод, и на его полностью лысой уже голове еще не было ни одного седого волоса.

Как старательно мыл Самуил Акибович граненые стаканы! Как он ими сдержанно звякал! Как быстренько давал откатать помывочным каплям! Как до копейки отдавал мокрую сдачу! Весь центр Москвы, утирая потные лысины и проветривая подмышки, приходил к нему в знойную пору напиток, а напившись, убирал пену с губ тыльной стороной ладони, если это был мужчина, а если женщина, то по-разному.

Услыхав про грядущий газ, Самуил Акибович затосковал по незабвенному промыслу, по сверканию шипящей воды, по ярким колерам сиропа – то вишневого, то яблочного, то цвета красного стрептоцида, когда, бывало, лечишься и по нужде оставляешь рыжий след на белом накрахмаленном снегу.

Разве сейчас есть такие прекрасные лекарства, как стрептоцид, но красный? Хорошо хоть оставили синий свет и пивки не отменили! По тогдашним согревающим компрессам люди до сих пор тоскуют! Да чего там говорить! Он-то, в основном, тоскует по пене. По шипучей пене, чьим шипением он распоряжался как хотел. Возьмет, подкрутит – зашипит как истертая патефонная пластинка, подкрутит еще – как я прямо не знаю что...

Ничего подобного не мог предоставить клиенту, чтобы тот, напившись, от души произвел отрывку, его соперник Райзберг (пусть бы он сдох, и он таки в нашем рассказе сдохнет!).

Конечно, Самуил, сообразно своему преклонному возрасту, заподозрил, что сейчас речь о другом газе, а именно о саратовском, потому что все газеты только о нем и пишут, и он смутно понимал, что если газ и проведут, то это будет не совсем то и сельтерская вода, наверно, окажется с привкусом, но что из этого? Учтем и приспособимся. Десять капель кагору из расчета на стакан – и люди забудут про любой привкус, а если достать где-нибудь бутылку шустовского коньяку... («Помнишь ли ты, дорогой Самуил, шустовский коньяк?») – красиво спросил его недавно слепой старик со Второго проезда).

– О чем ты говоришь?! – очень ловко ответил Самуил, а ловко потому, что доносчики никак не могли бы повернуть эти слова против хитрейшего Самуила. Можно было трактовать их так: «О чем ты говоришь? Как это я не помню?» А можно было повернуть: «О чем ты говоришь? Как это я могу такие вещи помнить?»

Ходили слухи о каком-то грузине Лагидзе, чью газировку обожают весь Кавказ. «Воды Лагидзе»! Ну и что? Подумаешь! Он сразу же взял и тоже придумал неплохое название: «Воды Скалоладзе». Выйти на рынок с таким названием было бы ой-ой-ой! Но он укорил себя за легкомыслие: «А “Воды Джугашвили” не хочешь? Почему бы тебе не продавать в тридцать седьмом году воды Джугашвили?»

Раздвинув доски, Самуил Акибович стал глядеть на авантажный когда-то голубой короб, в котором помещался лед, аккуратно получаемый им из одного места, потом обозрел оба замечательных колеса с хорошими спицами, на которых устройство бесшумно катилось. Сейчас шины на колесах сдулись, вес тележки на них надавил, и колесные обода прижали сплюснутые резиновые шины к сарайной мягкой земле. На боку тележки было написано беспризорниками двадцатых годов плохое слово, но не то, о котором вы подумали, а другое, женское. Колбы, в которых когда-то красовался и из которых наливался сладостный сироп, он в свое время снял, чтобы не разбились, и сейчас они лежали дома в мягком тряпье нижнего ящика комода, причем на каждую был для пущей заботы и безопасности надет длинный шерстяной ношенный носок.

Нужный для работы лед, большими кусками уложенный в тележку, становился внутри голубого короба скользким глянцевым и холодным-холодным, так что сельтерская делалась студеной и хорошо освежала в жару и была чем-то особенным.

Но откуда этот замечательный лед доставался? Где его брали в переменчивые тогдашние времена, не говоря уже до сих пор?

Откуда! Мы же сами рассекретили это место, оповестив когда-то читателей, так что повторимся:

...На Пушкинском рынке был айсберг, вернее, видимая глазу часть, утесистой громадой воздвигшаяся на стареньком асфальте.

Видимой частью айсберга громадная гора названа потому, что невидимая работа по ее воздвижению была и вовсе грандиозна.

К зиме из черной, положенной на землю кишки начинала бежать водопроводная вода. Она растекалась по асфальту, стылому и лунному на ощупь, каким бывает всякий асфальт в канун декабрей, – не то что в июле, когда он спекшийся, мягкий и горячий; но про июль после, а сейчас студеная вода растекается по студеному же асфальту и примерзает своими прозрачными молекулами к окоченевшим на низком ветру серым молекулам последнего. А вода из кишки все растекается, и на лед наслаивается новый лед.

Но как же кишка? Она же, забытая на асфальте, вмерзла в первый лед! Нет! Не вмерзла. Невидимая, но умелая рука особого человека, существующего на Пушкинском рынке, с помощью толстой веревки вздергивает водолейную эту кишку на специальные шесты, причем оставляет ее висеть низко, чтобы лед нарастал слоями, не то – если вода пойдет хлестать без разбору – осложнится грядущее засыпание горы опилками. (До чего же все похвально и обстоятельно было нами подмечено!)

Всю зиму течет вода, и всю зиму растет ледяная гора. В феврале она еще сидит тусклой громадиной, матовой от набившегося меж студеных желваков сухого снега, но уже в марте – где-нибудь к середине – засверкает вдруг под лучами солнца алмазная наша гора, однако вода пока еще льется и намерзает пока, а вот когда лучи солнца пойдут шкродничать, то есть греть ей низы так, что асфальт, с которого уже неделю как сошел снег, потемнеет по кайме от талой уже воды сантиметров этак на двадцать, тут не мешкай, перекрывай кишку, хватит ей текти! Бери кайло, заткни жене хайло, и вырубай в горе ступеньки, и совершай восхождение в особых шероховатых галошах, да оденься потеплей, штаны надень, слышь, ватные, не то яйца застудишь; а взойдешь на маковку – втаскивай на маковку ведром привязанным опилки, которые у подножья наваливает баба твоя, да поживей рассыпай – сперва тонко, а потом каждый день утолщай слой-то, увеличивай! – а снизу подкидывает пусть баба твоя.

И будет стоять наш лёдник, как горный ледник, подтекая слегка, как горный ледник, а фамилия его создателя и хранителя, между прочим, Федченко, а фамилия первого газировщика, который подкатит свой сатуратор к засыпанному опилками айсбергу, будет Райзберг (опять этот прохвост дал о себе знать!), и Федченко разметет опилки на северном скате, и первому отколет Райзбергу (он снова тут!) ломиком лед, и это место впредь уже не будет засыпано опилками, и вылом будет увеличиваться, обнаруживая после каждого нового скола сине-белые свои геологические слои; а вокруг горы как получилась в марте темная кайма, так и останется на асфальте темная кайма талой воды. На южном склоне она к июлю здорово расширится, и потекут кое-где водяные нитки под мешки торговых семечками, но эти тонкие и плоские темные полоски нельзя даже и сравнивать со страстной струей из декабрьской кишки... А первый – помните? – мокрый след елочкой, оставленный шинами двухколесной Райзберговой тележки, – этот так никогда и не высохнет, хоть на дворе тебе лето, хоть июль...

Но и Самуил, но и Самуил Акибович попользовался замечательным этим ледником, а пройдоха Райзберг был ему не страшен. В голубом коробе у Самуила даже в самый жаркий день лед сохранялся дольше, потому что короб был обшит изнутри белыми асбестовыми листами в три слоя! А Самуил, бывало, так ухитрялся наследить елочкой, что знающие люди просто удивлялись.

А когда Райзберг все-таки умер, Самуил Акибович как сосед и коллега ходил его хоронить. А как же иначе?

Теперь же Самуил Акибович стоял, глядел и даже подумывал, не заняться ли снова знаменитой своей сельтерской водой, и сам себе удивлялся. Само уже слово «газ» возбудило его. Чего только ни придет в голову, когда государство проводит что-нибудь бесплатно.

Однако раздумья по поводу неслыханного случая – неудачной попытки покончить с собой его соседа Государцева – изменили ход мыслей Самуила Акибовича, и он, по-советски не одобряя столь недостойной человека слабости, пошел с ним поговорить как общественник – старший по нашему проезду.

Последнее время Государцев, как всегда одолеваемый своими внезапными мыслями, а заодно неуспехом у одной упитанной и с булыжным бюстом женщины, прописанной на Домниковке, куда впустую съездил два раза, решил покончить с собой, и над тем, как наложить на себя руки, упорно раздумывал, но ничего не мог придумать. Выброситься из окна – не получится, у нас дома одноэтажные и приземистые, так что расшибиться, как надо, об землю не выйдет. Употребить крысиный яд – он, наверно, мерзкий на вкус, и потом обязательно начнется рвота. Застрелиться? Из чего? Из пальца? У Святодуха (о нем пойдет речь дальше) есть духовое ружье, и даже если он его на время одолжит, пулек к нему не даст никогда, он же за пульку удавится!

И Государцев решил отравиться газом, но, конечно, когда газ проведут. Поскольку же Государцев уже распил с газовым прорабом несколько четвертинок, ему поставили плиту заранее. А когда поставили, он решил с наложением рук поторопиться. Поэтому Государцев повесил над плитой художественно нарисованный своими руками плакатик «Сейчас меня больше не будет», расстелил перед плитой старое драповое пальто, лег на него, поместил голову в духовку, и долго-долго так отлеживался, пока не разглядел в духовочной тьме начертанные изнутри на стенке мелом какие-то фашистские знаки. Стирать их он не стал, а поднял страшный скандал, чтобы плиту заменили, потому что не мог допустить, чтобы советские пироги с пареной репой, которые он намеревается пекти, пропекались в присутствии чуждых символов.

Узнав о государцевской попытке самоубийства, к нему по-соседски, а заодно полуофициально заглянул Самуил Акибович. «Что ты себе позволяешь? – сказал он. – Что подумают за границей? Это же позор на всю Евройпу! Ты же значкист!.. Я пришлю к тебе человека из газеты!» А сам между тем вчитался в знаки и ужаснулся. Они составляли фразу: «Мене текел фарес»!

Потом заговорил с ним о дородных женщинах, об их обманчивой мягкости и кроватной пригодности. «Я имел таких, – сказал Самуил Акибович, – я много имел таких.

Да, они мягкие, ничего не скажу, но что из этого? Перина тоже мягкая, но ты же не будешь с ней жить, как с женой. Это же тьфу! Жена должна быть упругая! Как шины на моей тележке. Еще Пушкин говорил...»

И много еще всякой житейской околесицы наговорил Государцеву достойнейший Самуил Акибович, включая намеки на Раису Исаевну, вдовую жительницу нашего проезда, о которой мы еще расскажем, а пожилой сирота Государцев кивал и в жалобных местах всхлипывал...

Шли всевозможные разговоры, множились разнообразные слухи, смыкались в солидарные группы сторонники новой жизни и сторонники старого способа приготовления пищи.

Консерваторы утверждали:

Газ сильный, и будут прогорать кастрюли.

Трубы проложат по кухне и по комнатам, и нужно будет все время их перешагивать, иначе можно зацепиться ногой и сломать себе голову.

Дуть на газ, чтобы погасить, когда он горит, нельзя, так сказали на лекции. Но как же тогда гасить огонь?

Шли разговоры, сколько платить. Одни говорили, что будет счетчик, другие говорили, что нужно оплачивать по количеству, например, сваренных супов или крутых яиц (это как договориться).

На газе все подгорает.

А ухваты выдадут?

А драники можно будет жарить?

Вечером на газовый огонь станут прилетать комары, ночные бабочки и вечерние мухи. И, подпалившись, будут падать в кастрюлю.

Газопровод уткнется в свалку. И что дальше?

Спрошенный совета по поводу подгорания на газовой плите гречневой каши некий полесский мудрец, занесенный новыми временами в наши края, – старенький-старенький и благолепный – какое-то время думал, потом возвел выцветшие глаза к доброму небу и сообщил принятое решение:

– Я буду делать маленький огонечекл.

Между тем подросток по кличке Святодух, покоритель вещей, а также изготовитель чего угодно, приволок с Маросейки, сперва, конечно, стащив откуда-то

пустой газовый баллон, наверхие дореволюционного газового фонаря, чтобы, когда дадут газ, экономить электричество. Теперь же, где только мог, искал газовую горелку.

Проживая в мире, в котором никогда ничего не доделывают, а значит, и стоны газопроводных труб в квартирах не будут как следует свинчены, он по секрету говорил людям, что всем будут выдавать противогазы, а уж он-то противогазом обзавелся. И противогаз этот, как все, что мастерил Святодух, был отменный, тем более что Святодух воспользовался сведениями, полученными от школьного деда, участника первой империалистической войны, звонившего в звонок на перемену, который как-то рассказал пытливому Святодуху, что на учениях в царской армии, когда для проверки противогазов прогоняли солдат через учебную палатку, где жарился какой-то едкий песок, дед подтвердил, что резиновые маски если что и пропускают, то его гороховую пердуру, о чем армейскому начальству потом докладывали есаулы.

– Пердура – это что? – спросил у отставного солдата обстоятельный Святодух.

– Это, малец, слово научное. По-русски говорится «бздёх».

Уже, слава Б-гу, было лето, и даже наступил июль. Уже все побрили головы, чтобы не было так жарко и чтобы лучше росли волосы. Уже из-за ливней с грозами, как всегда, выступила на одном намокшем заборе трехбуквенная руническая надпись, неуничтожимо начертанная Святодухом, который ее стойкостью гордился, потому что придумал писать свечным воском. Уже голубые цветы цикория, то там то тут появившиеся среди нашей травы, пытались предупредить о красоте пламенеющей газовой горелки, потому что никто пока не видел ее включенной.

Уже все дети прочувствовали и успели забыть долгожданную пору хождения без пальто. Да-да, есть такой сезон – радостная пора «без пальто». Это когда весна и ты целый день счастлив, ощущая необыкновенную легкость и веселую свободу: «Я сегодня без пальто ходил!»

Итак, наша маленькая летняя улочка была тем или иным образом втянута в текущие и грядущие проблемы газификации. И только в одной квартире одного барака мало озабочивались этим событием. Барак, между прочим, был большой и двухэтажный, а травяная улица – совсем короткая. Ее длины было всего каких-нибудь четыре фонарных столба, отстоявших друг от друга на расстоянии двадцати пяти метров.

Это была квартира, верней, комната достойной грузной дамы, прогуливавшейся в магазин «Казанку» в шляпке и с зонтиком от солнца. Имя ее Раиса Исаевна. Раиса Исаевна вдобавок к своим чужестранным нарядам и французской картавости еще и шепелявила, и говорила в нос, потому что у нее полипы, так что встреча с ней, а значит, возможный разговор никому не бывали особенно приятны. Тем более что о газе с ней поговорить не удавалось. Она упорно подразумевала под словом «газ» легкую вуаль или что-то вроде этого.

Раиса Исаевна сколько-то лет назад проживала в Харбине и приехала оттуда с мужем. Мужа, конечно, вскорости пустили в расход, как и прочих мужей ее барака, и она теперь одна, причем не может забыть свои харбинские привычки, поскольку проживала в этом самом Харбине с самого детства. И училась там (ходила в гимназию), и молилась в Софийском соборе.

Сейчас в довольно обширной комнате Раиса Исаевна заполняет жировки за свет и за квартиру. Жировки напечатаны на волокнистой рыхлой отвратительной бумаге (какая чудная была рисовая бумага в Харбине!), причем Раиса Исаевна пользуется для заполнения ручкой с пером «фрондо», а надо бы пользоваться в таких случаях пером «гусиная лапка» – оно пишет по любой бумаге и для любых квитанций. Правда, если чернила хорошие.

Однако водянистые чернила, в которые Раиса Исаевна макает, тыча рондо в харбинскую еще чернильницу, созданы из химического карандаша, и на пере держатся только потому, что на дне чернильницы слипшийся еще китайский сор с тамошней пылью создают липкую чернильную тину, которая, соединившись сейчас с уже московскими козявками, на перо налипла и, зацепившись за волоконец жуткой жировочной бумаги, посадила большую кляксу, и надо ее промокнуть, пока не впиталось.

Раиса Исаевна встает искать промокашку, которую она называет «клякспапир». При этом она напевает:

Ī ūe ī ūé āāāò āĀī ñòāāāī,

Āū ī ðēōīāēòā - ŷ āāī āāī ...

×āp ñēēī ūīīī!

×āp ñēēī ūīīī!

А заодно покрасивей рассаживает на канаве разных своих кукол – китайских болванчиков, японских дармоедиков, а также русского голыша, которого именует «пупсом».

Придет гостья – соседская девочка Раечка, и надо, чтобы все было красиво убрано.

– Чаю с лимоном! Чаю с лимоном! – напевает она и при этом вспоминает волнующее прошлое, когда харбинские девицы постоянно напевали такие песенки, и происходили рискованные свидания с усатыми обожателями. О, как бережно ухагеры эти касались их бантиков и кружавчиков. И ничего себе не позволяли лишнего. И самое неосмотрительное, самое максимум, что могло получиться от прикосновений, так это если забеременеешь!

Ах как были нафабрены усы, ах как остры были самонадеянно торчавшие вверх кончики этих усов!

В прошлый раз, когда к ней приходила девочка Раечка из дома напротив (она обожает приходить к ней как к наставнице). Раиса Исаевна подробно ей рассказала одно волнующее событие, которое любит вспоминать до сих пор.

– Знаешь, меня увез кататься верхом один русский полицейский. Ха-ха-ха! Я-то ездить верхом не умела, поэтому он посадил меня перед собой. Я ужасно боялась и помню только, что в спину мне упирался жесткий темляк его сабли...

Потом она задумывается и лукаво глядит:

– А может, это был не темляк? Но кто мог тогда знать?

А Раечка ничего не понимает.

Между тем в дверь стучат – вот она и пришла, Раечка. Они ставят чайник, сняв с него ватного хитроватого китайца, Раиса Исаевна включает черный репродуктор: вдруг там как раз Таисия Савва – странное имя, правда? – свистит художественным свистом «Танго соловья», прелестную мелодию, которую не устаешь слушать. Обе начинают разговаривать. Верней, разговаривает и наставляет Раечку Раиса Исаевна, а та затаив дыхание ловит каждое слово, например, уже запомнила слово «темляк».

Раисе Исаевне вообще приятно разговаривать с Раечкой. Чего только она ей уже не порассказала. И как она познакомила лучшую подругу с тем русским полицейским, катавшим ее на лошади, а подруга стала показывать ум и полицейского отбила. А он растратил казенные деньги и сбежал от подруги в Шанхай.

И еще про то, как пропала кофейная ложечка. Но потом нашлась.

И про то, как у нее украл брошку слуга-китаец, и хозяин, от которого китаец у нее работал, велел тому съесть при ней три столовые ложки мокрой соли, после чего сказал воришке стоя спустить штаны и побил его бамбуковой палкой по заднице, отчего у нечистого на руку слуги прыгал мужской орган и она – ха-ха-ха – все видела.

Раиса Исаевна в Харбине, когда распрощалась со своей девичьей упругостью и прочими привадами, стала служить в тамошнем подобии нашего детского сада, где, отдавая всю себя, работала с фантазией, готовясь к каждодневным занятиям с детьми. Отсюда ее склонность к обдуманной работе. С Раечкой она общается тоже по обдуманному плану. В прошлый раз пересказывала ей книжку про Жоржика и Боржика. А до того учила растирать пальцем карандашные линии, в результате чего получалась красивая растушевка.

Пока Раечка растирала пальцем тени на рисунке, Раиса Исаевна напевала: «Милый брюнет, дай мне ответ, любишь меня или нет?» Где «брюнет», там в рифму и «корсет». Сегодня вроде бы собирались поговорить о корсете, о его прошедшей роли в жизни девушки и женщины. Возможно, даже попримерять старинный, на китовом усе, канаусовый корсет Раисы Исаевны.

Иногда к ним присоединяется Райка, у которой Раечка проясняет намеки и непонятные словечки Раисы Исаевны.

Она тоже, постучавшись, пришла к Раисе Исаевне перебирать крупу, потому что Раиса Исаевна плохо видит и в крупе не замечает мышиных пакостей и всякого сора.

Раечка в этот раз очень рассеяна и думает о чем-то своем. Может быть, о корсете, который ей обещала показать добрая Раиса Исаевна? Но нет! Она просто хочет спросить, что имели в виду девушки, возвращавшиеся откуда-то на полуторке и горланившие:

Ī ū āāā-īī ēē ī īēīāāī ūēē,

Āīāūāāī ēpīīēīē āāī ūēē...

– Об этом я тебе расскажу через несколько занятий! – обещает Раечке Раиса Исаевна и лукаво улыбается.

– А я расскажу, когда выйдем... – шепчет Раечке Райка. Она и про «темляк» у нее спрашивала.

Уй, чего Райка ей порассказала!

Временами Райка, ошалев от перебирания гречки, спрашивает (всегда не к месту) что-нибудь несуразное.

– Раиса Исаевна, а в Китае слышали песенку «Во саду ли в огороде поймали китайца»?

Между тем Раиса Исаевна приносит корсет, весь отсвечивающий перламутровыми пуговичками, шелковистыми тесемками и кручеными шнурками. Есть в нем и китовый ус, однако он зашитый, и поэтому его не видно, но если попытаться согнуть корсетные части в тех местах, куда китовый ус зашит, он будет пружинить. Райка и Раечка бросаются к корсету щупать его и разглядывать, а Раиса Исаевна между тем объясняет:

– Знаете, барышни, дамский утренний туалет занимал не меньше часа. Сначала надо было надеть на голое тело сорочку и панталоны. Затем позвать горничную, чтобы она как можно туже затянула корсет на талии, а потом надеть две накрахмаленные нижние юбки. Вы даже не можете представить себе, насколько тяжело приходилось дамам во время тайных свиданий (ты, Раечка, пока не слушай), справиться самостоятельно не было никакой возможности, так что кавалер должен был обращаться со всеми деталями женского туалета не хуже горничной. Ха-ха-ха!

– А можно примерить? – рвется распаленная Райка, и уже расстегнула кофточку.

– Можно. Но сперва припудри тальком подмышки! – требует Раиса Исаевна.

Райка раздевается до голяка, Раиса Исаевна надевает на нее корсет и начинает его зашнуровывать.

– Дайте и мне затянуть! – просит вежливо Раечка.

– Затягивай! Но только посильней, – говорит Раиса Исаевна.

– Ох, дыхнуть же нельзя. Воздуху не хватает! – говорит Райка.

– Пур этр бель иль фо суффрир...

– Раиса Исаевна! Вы ведь весь французский язык знаете? Весь? А вот что такое «Наш пан теля пасе»? – спрашивает Райка...

Райка – случай особый. Она стройная, привлекательная и молоденькая. С виду прямо девушка. Когда она разделась примерять корсет, обнажился ее тощий торс с трогательными ключицами и маленькими красивыми грудями (это при троих детишках!), а еще латаные сиреневые байковые штаны (это несмотря на летнюю пору). Своих детей она нагуляла каким-то непостижимым образом от разных мужчин (а такое для наших краев было делом неслыханным). Сейчас она берется за любую работу, поскольку ребятишек надо кормить. Она и к Раисе Исаевне ходит принести воду, протереть пыль под шкафом, помочь помыться в корыте, а детки ее непрерывно дерутся, особенно когда, сидя все вместе за столом, едят жареные семечки или черный хлеб с сахарным песком. Они сидят-сидят, сопят из-за соплей, перхают и вдруг кто-нибудь из них говорит;

– Мой папка всех сильней!

– Нет, мой!

– Нет, мой!

– Непуавда!

– Сам ты непуавда!

А Райка во время этих перепалок ну просто теряется. Она перебегает от одного Гедиминовича (это у них такие отчества) к другому, шепчет ему на ухо, что действительно, его папаня всех сильнее, и только усугубляет соперничество, а когда в результате заваривается драка и начинают кровоточить носы, уходит в угол комнаты и, опустив по бокам худых своих бедер беспомощные руки, всхлипывает.

Началось ее интенсивное деторождение еще в войну. Их семейству принадлежал заросший вишневый сад. Она – тогда совсем девчонка – зачем-то вышла с утра в сад и увидела, что за кустами смородины лежит солдат с катушкой провода. Такое в войну бывало часто, через сад пролегал утвержденный Генштабом маршрут тренировки связистов, так что в вишневом саду то и дело учились ремеслу связисты со связистками. Иногда они обнимались, а она подглядывала.

Лежавший за смородиной красноармеец увидел ее, стоящую на крыльце, сделал страшные глаза, указал на катушку с проводом и приложил палец к губам, что должно было означать полное безмолвие и секретную обстановку.

Потом стал показывать, чтобы она подошла, но тихонько и со всеми предосторожностями (это все он обозначал то пальцами у губ, то махая рукой). Она на цыпочках подошла, а он, опять же приложив палец к губам, похлопал по траве рядом с собой. Она, совсем испуганная, на траву опустилась. А он сразу стал ее будоражить по всему телу, сиськам, спине и вообще по любому месту. Когда она попыталась уйти, он опять показал на катушку и приложил палец к губам. Она испугалась, да и вырваться ей уже больше не хотелось. От поцелуев ей было приятно, а от прикосновений стыдно. Потом он угрожающе сказал: «А ну растопырься, кому говорят!» Потом появилось что-то непонятное, третье, и спустя минуту, когда она заканючила, что больно, стал говорить: «Гедиминасу все даются. И никому не больно. Такому не бывать, чтоб Гедиминасу не дать!»

Так появился первый Гедиминович (она записала родившегося мальчишку с этим отчеством). Остальные двое зачались друг за другом совсем уж незаметно – один тоже под кустом, но в Останкинском парке, а последний – в кладовке на Дробильном заводе, где она обнимала белобрысого паренька-подмастерья на мешках пакли, который на следующий день куда-то уволился.

Не ломая головы, она и этих записала Гедиминовичами.

Однако мы заговорились, совершенно упустив, что на нашей улице уже заработала землеройная машина. Правильнее ее по нынешнему времени было бы назвать «роторный канавокопатель».

Машина рыла узкую канаву. Производила она это быстро и аккуратно. Когда она копала, по обе стороны канавы шли, понутив головы, как бурлаки, наши поселяне и делали критические замечания насчет проделанной работы. Больше всего было нареканий насчет неровностей дна. С каждым замеченным дефектом заметивший обращался к прорабу, а тот тихо матерился и вслух говорил: «Щас милицию позову за препятствование». Канава, как и предполагали, уткнулась в свалку, и пророчившие это ликовали, говоря всем и каждому: «Я же предупреждал!»; «А как же могло быть иначе?»; «Надо было заранее думать!»

Сперва что-то с машиной случилось, и она дней пять плюс воскресенье не работала, а наши дети, как раз разошедшиеся на каникулы и поэтому имевшие массу свободного времени, использовали вырытую канаву в качестве окопа для активных военных действий. А поскольку из-за детского своего роста им было затруднительно наблюдать из траншеи за полем боя, они подсыпали на дно из отваленной на сторону земли довольно большие этой земли количества, за что прораб пообещал их всех поубивать, что стало причиной детских перевооружений – в траншее появилась куча больших булыжников и несколько куч «булыжников» для метания в прорабовы подразделения. Кроме того, в качестве диверсии были глубоко заполнены отверстия привезенных газовых труб, так что прорабу пришлось прокачивать их насосами. Но это оказалось напрасно. Насосы были обезврежены детишками изъятием из сальников прокладок, и тогда беспомощный теперь прораб сломался и в мертвую запил, так что землеройная машина находилась сейчас в глухом и бессрочном простое.

Прекратилось это безобразие, когда в канаву упал полесский мудрец. Маленький и старенький, он простоял там до ночи, глядя на вышедшие звезды, и молился, а его облаивали наши уличные собаки. Причем взлаивали они, когда в молитвословии следовало произнести «аминь». По собакам его и нашли. Старичок очень озяб, поэтому, когда его из канавы вынули, сказал, дрожа: «Я передумал, я сделаю большой огонечекл...»

А подальше в канаве лежал и спал какой-то посторонний человек, которого было не добудиться, и его оставили в покое, мол, встанет с первыми лучами солнца, причем Святодух совершенно точно сообщил, когда оно завтра взойдет на нашей широте.

Между тем подошло время делать отводы во дворы. Некоторые наши люди настаивали на том, чтобы им обеспечили по два отвода, мол, если один засорится и т. д. Или если появится еще какой-нибудь – не саратовский, скажем, газ, – чтобы его подсоединить, если саратовский станет кончаться.

На нашей улице, на маленькой, в общем-то, нашей улице было три коровы. Им хватало травы, плюс сюда же сена, которое прикупали владельцы, плюс сюда же брюква и турнепс. Предполагаемое раскапывание улицы под газ беспокоило многих обитателей и, как ни странно, меньше всего коровьих хозяев, хотя к какому-то времени, тоже взбудораженные слухами, они задумались и забеспокоились.

Корова существо безмятежное, привычное к спокойному травяному пребыванию. Угодить ногой в канаву, прорытую земельной машиной, ей ничего не стоит. Временами она полеживает и жует жвачку. Земля, вылетающая из сопла землеройной машины, может ее засыпать, и тогда надо будет корову мыть, потому что земляная крошка может попасть в белое молоко. Привычная к окрикам и матерным остросткам хозяина, она наверняка переучится, вслушиваясь в то, что будут выкрикивать работяги-землеройщики, и тогда с ней не поладишь. А коли так, то даже пригодного коровьего говна от нее не будет.

Поэтому среди анонимок, какие с появлением первоначальных слухов о газификации пошли поступать в разные инстанции, были наверняка епistolы наших волопасов тоже. Вот, скажем, сберегаемая нами бумага с обоснованием никакого газа не проводить.

В райком партии от возмущенных жителей нашего проезда для выяснения и принятия решений.

Уважаемые Товарищи! Мы, жители нашего проезда очень обеспокоены и коренным образом не согласны с проведением газа в нашу жизнь и быт. И удойность немногочисленного нашего крупного рогатого скота плюс сюда же дойные козы мы тогда освоим и сбережем.

Да! У нас еще много недостатков. Кое-кто из прописанных преступно жарит пойманных ежей. Кое-кто распространяет небылицы про царскую армию. Но за Осоавиахим и МОПР почти всеми упрочено, а также подписываемся на заем.

Почему нам не надо газ? Потому что, если загорится хоть один дом, вспыхнет все что попало. Во-первых, сарай, во-вторых сарай, в третьих снова сарай. А сарай это важно! Вспомните грозные военные годы и студеные зимы тогда. Если бы не было сараев, которыми хорошо топились, мы бы все померзли, и беспощадный враг овладел бы Москвой навсегда в том числе и на нынешний год.

Это в первую очередь.

Второе наше мнение. Давайте сбережем полезное ископаемое! И пускай американцы не дождутся, что мы останемся без газа, которым газифицирована наша Родина!

Сколько стального трубопровода зароем, а на что? Чтобы многонациональное население нашего проезда пекло пироги, картофельные блины-тируны и мацу. Нет и нет.

Протестуем и не одобряем, зато одобряем наоборот – газ не проводить, канаву не рыть, употреблять дрова и донецкий стахановский уголек.

Прописанные в Нашем проезде

А вот еще одна бумага. Называется она «О переносе березы, которая была посажена в день рождения товарища Шверника».

Мы с соседним двором соседа проживаем давно по соседски согласно. Даже береза, которая по научному береза бородавчатая, хотя растет криво – стволом малость в моем дворе, а листьями к соседу, но одна ветка все же у меня, наличествует на двоих. И вот теперь нужно рыть газовый отвод. Удобнее всего предлагаю обрыть березу по двору соседа, и неважно, что по его морковной грядке, потому что морковка растение скоропортящееся, а береза, которая названа мною в честь товарища Шверника это символ растительной родимой природы и должна белеть корой для нашей русской души и сердца, хотя можно было бы, конечно, подрить под корнями, но это уже дело Метростроя и т. д.

В ночь перед включением газа было полнолуние. Большая ясная луна занимала своим светом половину небес, и никто не спал. То и дело жители наши выходили на свои крыльца и делали вид, что глядят на луну, и удивлялись ей, и негодовали, когда что-то мелькающее в воздухе круглую серебряную богиню на какой-то миг заслоняло. А это были прилетающие в теплые ночи из Останкинского парка совы ловить отъевшихся наших на сытной крупе мышей.

Нет, не могли уснуть наши жители, якобы выходившие смотреть одной рукой на луну. Кому-то мерещился блин, который они съедят со сметаной, кому-то почему-то какие-то козы, летавшие по небу. Но сколько можно на нее смотреть?! Поэтому каждый думал про свое. Куда девать керосинки? И керогаз совсем еще новый.

А давно позабытые примусы – взрывоопасная утварь с повадкой дореволюционных бомбистов и эсеров – оттого, что теперь не надраенные стояли в темных сараях, злорадствовали, мол, приходит конец недавно модным керогазам и заодно высоким с низкими керосинкам. «Сик транзит, – радовались они, – сик транзит»...

Много было еще всякого прочего – забавного и запутанного.

Святодух то и дело гордо появлялся из-за какого-нибудь угла в пугающем противогазе. Правда, противогазный хобот бывал отвинчен от защитного цвета коробки, в которую была насыпана разная толченая химическая крупа, призванная очищать зараженный воздух. О, если бы это было только так! Плохо уже то, что сквозь коробку вообще почти не поступало никакого останкинского воздуха, а Святодуху, помимо того чтобы пофикстулить в противогазе, необходимо еще и для продления своей жизни было дышать. Рожа его после неотвинченного противогазного хобота делалась от натуги багровой, и он выглядел взрослей, чем был.

Несмотря на просветительские лекции и предостережения, кое-кто из наших жителей не отказался гасить конфорки, дуя на голубые язычки пламени, а потом, снова открывши конфорочные ручки, надолго уходил искать куда-то запропавшие спички.

В конце состоялся всеобщий апофеоз приготовления пищи. Сколько же всего подгорело, убежало и выкипело. Над улицей стоял чад, как будто под Москвой горят торфяники. Чего только не сожглось! Сколько выкипело супу с клецками! Сколько недоварилось картошек в мундире! Сколько слиплось драников! Даже яичница из трех яиц пересохла!

Словом, на какое-то время на нашу улицу перестали залетать не переносившие запаха подгорелой пищи, смешанного с саратовским газом, привычные ко многому наши птицы, откочевали комары, и можно было увидеть какого-нибудь старого воробья, следившего со свалки, не поредел ли чад над улицей, где прошли его детство и юность.

После того как газ был включен и через какое-то время все страсти забылись, а канава гладенько была засыпана, осталась извлеченная землеройкой земля, которую сгребли в большую кучу, видом настоящий курган, и долгие годы дети играли на нем в «Царя горы», беспощадно сталкивая друг друга к подножию. Хрустели кости повергаемых, расквашивались носы спихиваемых, стоял шум и гам. Особенно усердствовали Гедиминовичи.

Многие персонажи этого текста, конечно, поумирали. Умер, например, Самуил Акибович, и Святодух сразу стал подбираться к его сарайному сатуратору.

Между прочим, Святодух таки освоил добычу золота из медных пятак с помощью открытого им философского камня, но мать его, расвирепев, за то, что не таскает воду для поливки огорода, все реторты его лаборатории изломала и растоптала, а полученное уже золото куда-то выбросила, и его было не обнаружить даже специальным магнитом.

На окраинном кладбище Москвы был сообща похоронен провидец из Полесья, доживший до своих ста двадцати лет, а впрочем, никто не знал до скольких. На его могиле вырос цикорий, но некому было догадаться, что это за цветы, и сопоставить их с вождленным когда-то зажженным газом, проведенным в наши дома, которых уже тоже не было. Только некий наш уроженец, увидав эти цветы, увлеченный как раз одним своим походом, написал:

*Мелеют, мелеют отмели,
Белеют пески золоченые,
Мы нашу удачу отбыли –
Денечки наши свяченые,
**Âðàì ý ñ àã çàñò àæéàì è,
Ï àðòðì àðí ùì è ñ òæèñòýì è,
Âí-áí ùèàì è-ì àò ðàøéàì è,
Âùì óæèñòýì è, íéðàíèñòýì è.
È ïîèï íáíðáí íá
Èç òàéíã íàèè-èý-
Ñí àøí íá àáððàññáí íá
Â æáí ðá èíñ ïýçí-èý...***

Āīēōāīā ōēēīdēy
Ā īīēā ā dāēēē āāīāīā
Āēōī āy āīāī ēñō īdēy
Dāāīñōē yōē dāīāīā
Ādāīñōīīā ēāī ēōāīīīā
Āōēīīīā āōēīīīā
Ā ò ū - ī īā ēāōī ēdāīīīā
Ā y - òāīā īāīī nēīāā..

Радости и вправду оказались разовые...

Да! Чуть не забыл. Не все, не все согласились тогда газифицироваться.

Не согласились проводить газ Маховы-цыгане. Он почему-то их смешил. Если им откуда-нибудь попадался в руки еж, они жарили его прямо у крыльца на открытом огне, а потом переругивались, подозревая друг дружку в несправедливом дележе сытной кочевой снеди.

Владелица коровы старуха Никитина газу не доверяла, а сам Никитин подозревал, что расковырянный из-под земли нестерпимый огонь происходит из бесовских угодий и жар от него – греховный, а поскольку, будучи раскольниками, они пекли хлеб в домашней печи, то отвыкать от нее не хотели, и старик Никитин по-прежнему сажал на деревянной лопате хлеб в староверское печное устье.

Отказались проводить газ польские муж и жена, тихие, гулявшие по вечерам под руку, незаметные беженцы-евреи, проживавшие на углу. Эти неясно почему.

Во всяком случае, какие-то свои соображения у них, безусловно, были

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

ШКЛОВ

צאײַ אײַ ןײַאָװ

Залман Шнеур (настоящая фамилия Залкинд; 1887, Шклов Могилевской губернии, – 1959, Нью-Йорк) по году рождения принадлежит к поколению еврейского авангарда, а по манере – к предыдущему поколению модернистов. И дело не только в том, что он писал и на иврите, и на идише, что было уже не очень характерно для еврейских писателей XX века. Просто Залман Шнеур начал публиковаться так рано, что успел «попасть» в предыдущее литературное поколение.

Залман Шнеур, родня хабадских цадииков Шнеерсонов (отсюда его псевдоним – переставленные местами имена рабби Шнеура-Залмана из Ляд, основателя Хабада), родился в Шклове, тогда богатом торговом городе, бывшем и центром Хаскалы, и, позднее, одним из центров Хабада. Будущий писатель получил традиционное еврейское образование и одновременно посещал русскую школу. В 1900 году он переехал в Одессу, где талантливого подростка учили и опекали Х.-Н. Бялик и И.-Х. Равницкий. Уже в 15 лет, т. е. в 1902-м, он опубликовал первые стихотворения на иврите, сразу ставшие известными, тогда же начал работать в редакциях различных ивритских журналов. С 1906 года жил в Париже, слушал лекции в Сорбонне, затем в Берлине. Таким образом, он рано покинул Россию, и революция, столь важный рубеж в творчестве других еврейских писателей, прошла мимо него. Также для него остались малозначимыми социальные мотивы, игравшие большую роль в еврейской литературе начала XX века.

В 1924 году Залман Шнеур переселился из Берлина в Париж, во время войны жил в США, с 1951 года – в Израиле, затем снова в Европе и в США, где умер в 1959 году.

Как поэт Залман Шнеур начал в рядах символистов, однако постепенно его поэзия стала тяготеть к экспрессионизму.

Залман Шнеур также был плодовитым прозаиком. Его перу принадлежит ряд романов, прежде всего историческая эпопея «Раввин и царь». Большинство своих написанных на идише прозаических сочинений писатель сам перевел на иврит.

В 1929 году вышла в свет книга рассказов «Шкловские евреи». Эти рассказы о родном городе писателя проникнуты мягкой иронией и ностальгией. Кроме того, в них есть скрытая полемика с Шолом-Алейхемом, певцом украинских местечек. Залман Шнеур старается показать белорусское местечко в его культурном своеобразии, подчеркнуть местные особенности. Лирический портрет местечка в книге «Шкловские евреи» – несомненно, один из лучших в еврейской литературе.

Я знаю одно местечко в Белоруссии на Днепре. Называется оно Шклов[1]. Я там родился и ходил в хедер, потому-то и знаю его так хорошо.

Пламя жизни горит там ровно. Никто его чересчур не подкручивает. Экономят как керосин. Оно, не вспыхивая и не чадя, светит как неугасимая лампада в Холодной синагоге[2].

Часы там есть не у всех. Утром на Днепре раздается пароходный гудок – значит, десять. А вечером, когда пароход сипло спрашивает «В-в-ву?»[3], значит, пора ужинать. Полвосьмого.

Там крутятся двое русских десятских[4] в потертых фуражках, никто не ведает для чего и почему. Это местечко – «святая община»[5], так что кто ж их звал и, вообще, на что они тут сдались? Если они все-таки цепляются, им подносят рюмку водки с куском халы, и они исчезают, только их и видели.

В тех краях еврейские девушки в теплых платках, накинутых на худенькие плечи, не пользуются духами. Потому и пахнут природными ароматами: сеном, свежеепеченным тминным хлебом, земляникой. Вечерами сидят они на зеленых крылечках и тихонько поют. Так они тоскуют о суженом. А когда выходят замуж, другие девушки сидят на их месте и жужжат, тоскуя, как заблудившиеся пчелки.

В бане по углам, в густом, темном пару там до сих пор ставят «резные» банки[6]. Их ставит Клунизм-длинный при красноватых отблесках плетеного фитиля. По бритым загривкам течет еврейская кровь, но никто не возмущается... А после выходит такой вот измученный, или, как он сам говорит, «освеженный», еврей на улицу и слышит, как ветер гудит в телеграфных проводах. Средневековье и современность заключили там соглашение и чувствуют себя совсем неплохо в соседстве друг с другом.

Окружено местечко стеной соснового бора, кое-где пробитой распахнутыми зелеными воротами. Это лесные дороги, которые ведут в Полесье. Буднями по ним ползут мужики с маленькими лошаденками, запряженными в большие возы с дровами и сеном, а по субботам там гуляют молодые евреи со своими невестами и рвут чернику... ртом. Непростое дело! Но ведь руками-то нельзя[7].

Кроме Днепра там есть еще и разлив. Милый, широкий разлив. Он был создан еще до потопа, чтобы вращать страшное колесо большой водяной мельницы, которая стоит на узкой полоске суши между разливом и Днепром. Когда евреи, объевшись чолнта[8], глядят на это водяное колесо, им становится нехорошо. Они говорят, что лучше не смотреть, но тем не менее смотрят.

Там в камышах живет нечто-то вроде жабы. На закате оно начинает вздыхать, как неуспокоенная душа: «У-ху, у-ху!» Это, говорят, жалуется «водяной бык»[9]. Рыбаки, говорят, не раз ловили его в сети и сразу выпускали, потому что его, говорят, лучше не трогать, не то...

Не то что? И как он выглядит? Этого никто не знает.

По той стороне разлива, который поблескивает между серыми домишками и полем, коровы идут с выгона. Если первой бежит рыжая – завтра будет ведро. А если черная, значит, завтра пойдет дождь. Это дело проверенное.

Если кто порежет палец, прикладывают паутину. Чем она более пыльная, тем лучше лечит. Иногда палец проходит, иногда начинает нарывать. Но сомневаться в этом добром, общедоступном средстве ни у кого не достанет дерзости.

Сладкий чай там не пьют, разве только больные или банкроты. Сахар колют на кусочки и берут понемногу во время чаепития. Берут со счетом и с умом. Извозчики по сей день пьют чай с леденцами. Они и экономней, и не пачкают карманов ватных штанов. Как-то Вове-мельник запутался в долгах, и у него описали мебель; так до сих пор об этом деле говорят попросту:

– Сладкий чаек хлебали как свињи!

Теперь о блюдах! Знаете ли вы о клецках из толченой конопли с солеными огурцами? Нет, вы не знаете. А о горячей жареной плотве с холодным щавелем знаете? Нет, вы не знаете. А о молочном крупнике[10] с зелеными бобами и грибочками знаете? Нет, вы не знаете. А о шкварках с луковой шелухой и тертым хреном знаете? Нет, вы не знаете. Так о чем же вы вообще знаете в этой жизни?

Я в Шклове однажды слышал, как некий старичок с козлиной бородкой и глазенками навывкате причитал над своим внуком:

– Сирота! – так причитал он, потрясенный до глубины души. – Вы только послушайте! Ему дают на завтрак квашеную капусту, посыпанную сахарным песком, а он не хочет! Эдакий озорник! Ведь, кажется, что может быть вкусней, чем квашеная капуста с сахарным песком!

И действительно, между нами говоря, есть ли на свете что-нибудь вкусней, чем квашеная капуста с сахарным песком? Сами скажите!

В тамошних лесах растет одна трава, такая жесткая, глянцевая; она выглядит как длинные, темно-зеленые волосы... только без головы. Ее называют «зубровка». Если ее растереть в руках, остро запахнет корицей. Мужики собирают ее в длинные пучки, как свиную щетину. Евреи покупают ту траву и делают на ней настойку, которая полезна для желудка...

Как бы я хотел растянуться в этой траве, раскинуть ноги ножницами, руки – под голову и отдохнуть после двадцати лет скитальческой жизни.

Да, там ведь есть и танахник; такой невысокий человечек с грустными голубыми глазами. К нему бегут все, у кого тяжело на сердце, чтоб он им погадал. Засидевшиеся в девках служанки, кутаясь стыдливо в платок, приходят к нему под вечер спросить: когда же их свадьба? Человечек берет, тоже стыдась, пяточок, вставляет костяную указку между листов Танаха и ищет ею. И где указка найдет, там он и будет читать, там и будет гадание, там и сказано, что было и что будет. И еще не случалось, чтобы для клиентов-мужчин выпал женский недельный раздел, например «Хаей Соре», и, наоборот, для женщин – мужской, например «Лех-лехо»[11].

Я все мечтаю попасть к тому танахнику, чтобы он рассказал мне о моей будущей судьбе в чужих землях.

И уже много лет хочется мне выпить немножко водки с тамошними евреями, потому что, когда тамошние евреи выпивают немножко водки в штибле[12] по какому-нибудь радостному поводу, то выпивают они ее не просто так. Каждая рюмка колыхается на волнах словечек, вздохов, улыбок, взглядов, подмигиваний, которые вроде как не клеятся друг с другом, но в этом-то и заключен глубокий смысл. Например:

– Закон такой, евреи, по капельке!

– Полагаю...

– Хе-хе.

– Ну да.

- Понятно.
- То есть закусь...
- Вот.
- Люди, эй...
- Нет, и закусь тоже.
- Нет муки, нет и Горы, хе-хе.
- Да, но...
- Вы же умный человек, так ведь.
- То есть вот это...
- Это, это, это...
- Это эти...
- И вы еще спрашиваете: что-что?
- Да-да...
- Это, что ли, ответ, это, что ли...
- Это главное.
- Под...
- Точки под «гей»!
- Вот-вот-вот.
- Малость.
- Хи-хи!
- Капелька.
- Вот-вот-вот.
- Крошечка.
- Ай-яй.
- Крохотулечка.
- Хи-хи-хи.

- Ай, если б была эта малость.
- Едва-едва.
- Послушайте историю!
- Все было бы совсем по-другому.
- Тсс...
- Мы должны надеяться, что, что, что...
- Угу!
- И весь Израиль!
- Именно.
- Если на то будет воля Б-жья.
- Лехаим![\[13\]](#)
- Должно, должно, должно...
- Как сказано в Писании...
- Миропорядок...
- Чем?
- Властью...
- Хи-хи-хи!
- Властью Всевышнего!
- Вот.
- Вот-вот-вот!

Так рюмка поднимается со ступени на ступень, пальцы воздымают ее, бороды качают ее, как серые волны. Слова окрыляют ее, блестящие и смеющиеся глаза провожают ее. Так она возносится высоко, совсем высоко, до «Шхинто беголусо», до «Зейр анпин»[\[14\]](#)... Попробуй удержи эту рюмку!.. Еще чуть-чуть!.. Ее уже не удержать. Она уже слишком высоко! Головы кружатся, глаза смыкаются. И тут только она, эта рюмка, опрокидывается, со вздохом и с «Шеакол нихъе»[\[15\]](#); проливается из горних миров обратно в плотский, укрепляет обмершее еврейское сердце, а окружающие с закрытыми глазами отвечают:

- Ам-минь!

Но оказывается, я напрасно надеялся.

Недавно оказался у меня человек из тех мест, эмигрант, и он рассказал очень странные вещи. Во всех тридцати бейс мидрашах[16] местечка были, одна за другой, одержаны победы над Всевышним и над Его заповедями. Над Йом Кипуром, Пейсахом, субботой. Вместо пиютов[17] поют только «Интернационал». Свитки Торы лежат как березовые поленья у старого габая[18], а серебряные короны и наверхия[19] забрали в «казну».

Еврейские девушки стали бесстыдницами. Они курят папиросы и стучат на пишущих машинках в Госторге, Лесторге и прочих подобных рошетеивес[20]. В их свадьбы, в их разводы по понедельникам и четвергам[21] не вмешиваются ни раввин, ни родители. А если и захотят вмешаться, у них все равно ничего не получится.

Окрестные леса вырубил взбунтовавшиеся мужики еще при Керенском. За зубровкой и земляникой надобно теперь идти много-много верст, пока найдешь.

Большая водяная мельница, ради которой был сотворен разлив, сгорела, осталось только страшное колесо. Оно больше не вертится и пропадает в зеленой тине. Вода из разлива утекла в Днепр, и больше не слышно, как кричит «водяной бык». Должно быть, сдох.

Нет ни обывателей, ни обывательского стада. Коровы не бегут с выгона, ни рыжая, ни черная... Так что теперь непонятно, что будет завтра: то ли ведро, то ли дождь.

Танахник давно уже помер с голоду, и где теперь его Танах – неизвестно. Говорят, что он выставлен в Москве, в музее, на экспозиции «Предрассудки и суеверия».

Мягкосердечных десятских в потертых фуражках больше не видно. Вместо них крутятся бывшие уличные парни в лихо заломленных кепках гэпэушников. Хаце Бужаный[22], болячку бы на его обезьянью рожу, Пейшкеле Третий Бык (его деда звали Хоне Первый Бык) и Мендл Гой[23] – они устраивают строгие ревизии, чтобы евреи, не дай Б-г, не занимались торговлей и тем, не дай Б-г, не нанесли бы убытка государству.

Если евреи и выпивают, то очень редко, тихо и по-быстрому. А что и кому они желают в это время, о том совсем нельзя рассказывать...

Я несколько дней ходил с тяжелым чувством, а потом решил поставить надгробие над тем, что было и прошло.

И вот – написал книжку!

יְדִיעוּת לְעַם אֲשֶׁר עָלְמוּ אֶת הַיָּם

יְדִיעוּת לְעַם אֲשֶׁר עָלְמוּ אֶת הַיָּם לְעַם אֲשֶׁר עָלְמוּ אֶת הַיָּם

[1] Ныне город Могилевской обл., Белоруссия. В конце XIX века население составляло 7 тыс. человек, из них 5,5 тыс. – евреи.

[2] Так часто называли большую каменную синагогу.

[3] Где? (идиш)

[\[4\]](#) Сельский полицейский, выборное должностное лицо из крестьян. Назывался так потому, что избирался от десяти дворов.

[\[5\]](#) Традиционное обозначение города с большой долей еврейского населения.

[\[6\]](#) Кровососные банки, которые ставили на надрез на коже; распространенный способ кровопускания, которое считалось надежным способом не только лечения, но и профилактики заболеваний.

[\[7\]](#) В субботу нельзя собирать плоды, однако если рвать чернику ртом, то как бы не собираешь, а только ешь.

[\[8\]](#) Горячее субботнее блюдо, тушеное мясо с картофелем, бобами и т. д. С вечера пятницы чолнт ставили в русскую печь, плотно закрыв заслонку. Назавтра, ко второй субботней трапезе, блюдо оставалось горячим.

[\[9\]](#) Выпь.

[\[10\]](#) Крупяная похлебка.

[\[11\]](#) Раздел «Хаей Сара» («Жизнь Сары») начинается со смерти Сары, а раздел «Лех-леха» («Иди себе») – с того, что Всевышний обращается к Аврааму.

[\[12\]](#) Букв. «домик» (идиш), здесь: небольшой молитвенный дом.

[\[13\]](#) Букв. «За жизнь» (ивр.). Традиционный тост.

[\[14\]](#) «Б-жественное присутствие в изгнании» и «Древний днями» (арамейск.). Термины, обозначающие различные ипостаси Всевышнего в каббалистической книге «Зоар» («Сияние»).

[\[15\]](#) Букв. «Все сущее» (ивр.). Название благословения, произносимого перед употреблением различных продуктов, в том числе водки.

[\[16\]](#) Букв. «дом толкования» (ивр.) – молитвенный дом.

[\[17\]](#) Литургические гимны.

[\[18\]](#) Староста религиозной общины.

[\[19\]](#) Украшения свитка Торы.

[\[20\]](#) Аббревиатура в священных текстах. Здесь автор употребляет этот термин иронически.

[\[21\]](#) В Талмуде (Ктубот, 1:1) говорится о том, что бейт дин (раввинский суд) заседает по понедельникам и четвергам. В компетенцию раввинского суда входит также развод. Здесь автор упоминает об этом иронически, уподобляя ЗАГС раввинскому суду.

[\[22\]](#) От белорусск. «бужила» – дурень.

[\[23\]](#) Нееврей, мужик.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

ТЯЖКО НА СЕРДЦЕ

יִשְׂרָאֵל אֵלֶיךָ אֲדָוָה

Голуби теснятся на подоконнике – спасаются от дождя. Изморось только что перешла в ливень, и голуби взлетели с Бостон-Коммон[1]. Оттаптывают друг другу лапки, чтобы удержаться на узком, сантиметров в пять шириной, подоконнике. Те, кто оступается, не падают с высоты шестого этажа, не обагрят кровью мостовую, а повисают на полпути – потрепыхавши мокрым ворохом черных перьев, снова опускаются на подоконник и, чтобы обсохнуть, отплясывают там бешеный тустеп.

Звонит телефон, я оборачиваюсь, опасаясь, что вошел мой начальник, смахиваю со стола на колени кое-какие бумаги – за порученную мне работу они никак не могут сойти, – хватаю карандаш и вполне профессионально заношу его над чистым листом. Опомнившись, снимаю трубку.

– Подождите, пожалуйста, – говорит оператор, и до меня из Майами доносится мамин голос.

- Мама! – кричу я.
- Джанет, детка, как ты?
- Что случилось?

Междугородные звонки неизменно пугают меня. Моя семья и не такая богатая, и не такая продвинутая, чтобы звонить из другого города, если просто-напросто тянет поболтать. Без серьезной причины не звонят. Последний раз мне позвонили из дому, потому что маме сказали, будто на Бостон надвигается ураган, и она настаивала, чтобы мы с Данни на это время перебрались из нашей хлипкой мансарды в гостиницу солидной постройки.

Мама медлит с ответом, и я говорю:

– У вас с папой ничего не случилось? А у Кэрол?

– Все хорошо, – говорит она. – А как ты? Как Данни?

– Все хорошо, – говорю я. – Что нового?

– Какая у вас там, на Северном полюсе, погода? Я-то думала, у вас весна, а вчера было минус семь.

Мама следит за перепадами температуры в Бостоне и в каждом письме сообщает, насколько лучше нам было бы в Майами. Ей невдомек, чем плох Майамский университет, чего ради Данни предпочел оканчивать аспирантуру в Гарварде.

– Вчера вечером у нас был сильный град, – сообщаю я невпопад.

– А как у тебя на работе?

– Все хорошо.

Я жду и – вот оно:

– Джанет, папа сегодня летит в Нью-Йорк. У дяди Бенни был сердечный приступ.

– Какой ужас, – говорю я. – Бедная Силия.

Силия – моя двоюродная сестра, она моложе меня на четыре дня и похожа на Элизабет Тейлор. Ей предстоит со дня на день родить. Я говорю об этом маме.

– Не со дня на день, а сегодня, – говорит мама, – бедная девочка.

– У дяди это серьезно?

– Детка, он умер. Дядя Бенни умер.

Я молчу, осмысливаю новость. Дядя Бенни – старший брат папы. Они с папой похожи друг на друга как две капли воды (я меж тем ничуть не похожа на Элизабет Тейлор), он богат, живет на Парк-авеню в Манхэттене. Из всех моих дядьев я больше всего люблю его, однако чуть не все родственники недолюбливают его: уж слишком он богат. Меня он всегда отличал, по-моему, потому что я так похожа на него.

– Как папа? – спрашиваю я.

За окном голуби ходят друг у друга по головам.

Мама говорит, что папа, учитывая все, держится хорошо, меня тем временем осеняет: я поеду в Нью-Йорк и повидаюсь с отцом – вот уж год, как мы не виделись. Я сообщаю маме о своем решении, а она говорит, что мне вовсе не нужно ехать, а я говорю, что непременно поеду, и она передает трубку отцу: пусть он меня отговорит, и я – с чего бы это? – брякаю Б-г знает что. Говорю отцу, что хочу поехать потому, что никогда не была на похоронах и хочу посмотреть, что это такое.

Он, я чувствую, рассердился на меня. Наверняка думает: ты что себе вообразила, по-твоему, похороны – это спектакль? А я – работает самозащита – думаю: вот вы, когда я училась в колледже, скрыли, что бабушка умерла, и сообщили мне о ее смерти только после похорон, поэтому мне и по сю пору – раз я не была на ее похоронах – не верится, что она умерла, это что – хорошо? Я не видела ни одного покойника, а мне уже двадцать два года, и я хочу побывать на похоронах сейчас, и ни днем позже.

Но у папы голова занята другим, он не сердится. Только говорит, что на похоронах смотреть особо не на что, и сам он, сразу после похорон, вернется в Майами, а всего через два месяца, в июне, они с мамой и Кэрл приедут в Бостон повидаться с нами, так что никакой надобности ехать, причем в такую погоду, у меня нет. Однако говорит он не слишком убедительно и строго, и это странно, потому что, как правило, он и убедителен, и строг.

В конце концов я говорю: «Ты разоришься» – так в нашей семье обычно прекращают междугородные переговоры, и трубку берет мама, она наказывает мне одеться теплее, и тут я вспоминаю, что тетя Бет, мать Силии, умерла меньше года назад, и спрашиваю:

– А дядя Бенни не от горя умер?

– На Парк-авеню, – говорит мама, – сердечный приступ и передозировка снотворных действуют не хуже, – мама заканчивает разговор, и я остаюсь одна во власти горестных мыслей.

Я высовываюсь в окно – поглядеть на Коммон, бумаги соскальзывают с колен на пол. Я подбираю их, кладу обратно на стол. Это стихи для поздравительных открыток, по два доллара за строчку. Если мне удастся продать один стишок в восемь строк в день, я смогу уйти с этой работы, которая мне опостылела, сидеть дома и не ездить каждый день в мерзком метро. На деньги, вырученные за стишки, Данни окончил бы аспирантуру ничуть не хуже, чем на мое жалованье в издательстве.

Сегодня я корпела над «Утратами». За последнюю неделю я написала много открыток с поздравлениями ко дню рождения, ко Дню матери, к юбилею свадьбы, с прибавлением семейства, пожеланием доброго здоровья, а также валентинок.

Сегодняшний наводящий тоску апрельский денек как нельзя лучше подходит для «Утрат». Я думаю о дяде Бенни и читаю стишок, который накропала нынче утром:

Ōyæéî í à ñðááá, í áááæí à í éî òü

Í î í áðò áüî í âá:éàì ñîîéîéíî:

Î í éð í áí áññó í á:áòñý Á-ñî í áüü

È í ðéí éî ááò áññó í éíî.

Стишок явно не годится. «Утешением в дни утрат», как обещает его заголовок, он служить не может. Оно и понятно, никаких утрат я пока еще не понесла и проникновенно писать о них не могу.

Я решаю, пусть родители и против, поехать в Нью-Йорк. И прямо сейчас, не мешкая, уйти из издательства: оставаться здесь ни минутой дольше я не в силах. Сую стишки в сумку, спускаюсь в холл – сказать мистеру Кауперу, что мне необходимо поехать в Нью-Йорк на похороны, и выпаливаю это в таком темпе и так скорбно, что он не иначе как решает: у меня умер не дядя, а отец.

Доезжаю в метро до Гарвардской площади^[2], оттуда иду домой пешком. У Данни включен проигрыватель, он опять слушает минорные песни Шуберта – дождь и его угнетает, – поднимаюсь на третий этаж, стучу в дверь. Данни открывает, и я, отводя глаза, говорю:

– Мне необходимо поехать в Нью-Йорк, повидать отца. Умер дядя Бенни, и отец сегодня улетает в Нью-Йорк.

– Что-что? – говорит Данни, и я, к своему ужасу, чувствую, что не могу сдержать улыбки.

Данни ничего не замечает. Он помогает мне снять плащ, бросает его на спинку стула. Выключает проигрыватель, закрывает книгу, от чтения которой его оторвал мой приход.

– Надо позвонить на автобусную станцию, узнать, когда отходит автобус, – говорю я и не успеваю закончить фразу, как Данни говорит:

– День для такой долгой поездки не лучший, но, если ехать медленно, думается, мы доберемся благополучно.

Я ошарашена. Никак не ожидала, что Данни увяжется со мной. Дело это, на мой взгляд, сугубо семейное. Данни «не родственник», и мои родственники ему вряд ли понравятся. Они не из тех, с кем мы могли бы свести дружбу, но во мне они порой пробуждают чувство сродни любви, оттого я отношусь к ним снисходительно, тогда как у Данни нет никаких оснований (кроме разве того, что я его жена) смотреть на их неотесанность и невежество сквозь пальцы. Я опасаясь, что Данни поначалу будет раздражаться, потом обижаться, потом сердиться и в конце концов настаивать, чтобы я уехала с ним, а я откажусь. Мне хочется видеть все до конца, пусть даже и наперекор Данни.

Тем не менее объяснить это невозможно. А Данни уже говорит, что ему придется пропустить очень серьезный семинар, но моя поездка в Нью-Йорк куда важнее.

Собираемся мы меньше чем за двадцать минут. В мансарде полный кавардак – постель не застелена, под кухонным столом крошки. К часу дня мы на массачусетской автомагистрали. Когда мы въезжаем в Коннектикут, дождь сменяется снегом, и нам приходится сбросить скорость с шестидесяти пяти до пятидесяти километров в час.

Что-то случилось, я еще не успеваю этого осознать, а Данни уже рывком остановил машину и вытаскивает бумажник. И тут же в окно с моей стороны заглядывает патрульный.

– Открой окно! – только что не кричит на меня Данни.

Патрульный берет у Данни права, читает.

– Вы что, на пожар едете? – спрашивает он.

Я ожидаю, что Данни скажет ему, куда мы едем, но он ничего не говорит. Он, по-видимому, заехал не на свою полосу. Патрульный говорит с Данни через мою голову. Он совсем молодой. Мокрые снежинки липнут к его шапке, к кончику носа. Он поучает Данни: мол, нельзя так неосторожно водить машину, а я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сказать ему: «Пожалуйста, не кричите на нас – такой сегодня снегопад, и мой дядя Бенни умер, и папе придется совершить перелет в две тысячи километров, чтобы попрощаться с умершим братом, и моя сестра носит ребенка – у нее в любую минуту могут начаться роды».

Патрульный выписывает штраф и спрашивает Данни, не студент ли он. Патрульный все говорит и говорит, а я готова удавить Данни: ну почему он не сказал, что мы едем на похороны. Мне хочется оповестить всех-всех: умер человек, которого я любила. Это такое потрясение – ну как можно выписывать нам штраф?

Но вот мы едем, едем с черепашьей скоростью. Данни отчитали. Рот у него крепко сжат, его бьет дрожь, и я молчу.

В Нью-Йорк мы попадаем к половине девятого, обзвонив кое-кого из родственников, узнаем, где папа. Он в похоронном бюро Лейквью, куда отвезли дядю Бенни. Еще час Данни ищет бюро. Хотя как он, так и я родились в Бруклине, Манхэттен мы знаем плохо. На подходе к бюро я на несколько шагов опережаю Данни. Сердце у меня колотится. В вестибюле, смахивающем на гостиничный, служитель за конторкой осведомляется, кого мы пришли «проводить».

– Гольдмана, – говорю я, и мы с Данни переглядываемся.

Данни видел моего дядю Бенни всего раз вскоре после смерти тети Бет. В медовый месяц мы останавливались в Нью-Йорке, и он пригласил нас на обед. На обеде были его дети – Силия и Фред, а также муж Силии, Глен, и жена Фреда, Мелисса. Мелисса была беременна, Силия тоже, но этого мы не знали. У тети Бет всегда было слабое сердце, и в гроб ее, как считают родственники, свел Фред своей женитьбой на католичке.

В тот вечер дядя Бенни был тихий и грустный. Он сказал, что держится – старается чем-то заниматься, дети раз в неделю приходят к нему обедать, и со временем он привыкнет жить один. После ужина он отвел нас в сторону и сказал:

– Послушайте, дети, если вам что-нибудь нужно – деньги, что угодно, – дайте только знать. Всего-то и надо позвонить мне, а звонок я оплачу. Прошу вас не забывать об этом. И не стесняйтесь, меня стесняться не надо. – Одной рукой он обнял меня, другую положил на плечо Данни. – Пока я могу помочь, вам не о чем беспокоиться.

Данни поблагодарил его, я поцеловала – а он неожиданно прикрыл глаза рукой. Тут к нам подошел Фред, он хотел показать фотографии своей свадьбы. Свадьба была несказанно пышная, говорили, что дядя Бенни перебрал, плакал, и почти на каждой фотографии в центре кадра была тетя Бет – крупная дама с точеным прямым носом и собранными в пучок волосами. Никого из братьев и сестер дяди Бенни на свадьбу не пригласили. Такой чести удостоились лишь его друзья с Парк-авеню. Младший из трех братьев, дядя Сол, сказал:

– Бенни не хотел приглашать бедных бруклинских родственников. Г-сподь его за это покарает.

И вот кара настигла дядю Бенни, и мы с Данни идем по ковру, в котором утопает нога, к лифту, поднимаемся на четвертый этаж. Из дальнего конца вестибюля доносится шум. Мы пересекаем вестибюль, входим в переднюю, тут стоит вешалка. Я заглядываю в зал – дверь в него открыта, – у меня такое впечатление, что у всех в руках бокалы. Мой взгляд различает в группе людей отца – рослый, такой родной, он чуть сутулится, руки скрещены на груди, точно ему холодно, говорит с каким-то незнакомым человеком. Я отвожу глаза, делаю вид, что не заметила папу, Данни принимает мое пальто и относит на вешалку. Я стою, смотрю на свои туфли, и тут откуда ни возьмись папа, он обнимает меня, его пиджак колет мне щеку. Я целую его, отворачиваюсь, чувствую – вот-вот заплачу, но беру себя в руки. Гляжу на него и говорю: «Ой, папа!» Он снова обнимает меня, спохватывается, отстраняет меня, жмет руку Данни. Данни явно не в своей тарелке, но тут уж ничего не поделаешь. Надо думать о другом. Я забываю о Данни и чуть позже вижу: он сидит в одиночестве в дальнем углу зала, оперся подбородком на руку, смотрит в пустоту.

Папа крепко держит меня за руку и не пеняет мне, что я приехала. Я понимаю, что он мне рад. Мы пробираемся между сбившимися в группки провожающими, в руках у них, конечно же, нет бокалов, но это впечатление не оставляет меня. Я узнаю теток, дядьев, двоюродных сестер и братьев – все они живут в Бруклине по соседству, и все они собрались вместе в первый раз лет за тридцать, не меньше. Большинство из них не видели меня с тех пор, как я была «вот такусенькой». Нас то и дело останавливают, чтобы поделиться со мной этим соображением и подивиться, что я уже замужем.

– Где же муж? – спрашивают они. Я указываю на Данни, он забился в угол – его легко принять за сына дяди Бенни: он сидит неподвижно, скорбно уставившись на ковер.

– Подумать только! – говорят они. – Уже замужем!

Как они постарели – вот чему они, в основном, удивляются. Смерть подвигает их на философские раздумья. Во всех группках говорят о смерти. Ведь дяде Бенни было только пятьдесят четыре – все под Б-гом ходим.

Нас перехватывает тетя Ида. Она вдовец. Последние шесть лет дядя Бенни содержал ее и ее дочку Шарлотту девяти лет.

– Джанет, детка, – говорит она. – Костюмчик просто потрясающий!

У меня глаза лезут на лоб. Ее брат умер, а она замечает, какой на мне костюмчик. И тут я холодею от ужаса – я надела костюм, перешедший ко мне от Силии. Все эти годы, с самого нашего детства, тетя Бет раз в несколько месяцев собирала для меня одежду, из которой вырастала Силия, и посылала маме. Последний раз она собрала посылку год назад. В ней и был тот костюмчик, который на мне. Одежду Фреда она отправляла Биллу, сыну дяди Сола. И хотя оба, папа и дядя Сол, живут теперь в Майами, для тети Бет они, очевидно, по-прежнему остались бедными бруклинскими родичами.

Впрочем, тетя Ида быстро переходит к другой группе, и папа, крепко держа меня за руку, ведет дальше по залу.

– Видела дядю Бена? – спрашивает он меня шепотом.

– Нет, – говорю я. – А где он? – И понимаю: он в этом самом зале.

Папа кладет обе руки мне на плечи, легонько поворачивает, и вот он, покойник, – передо мной.

То, что я, войдя в комнату, приняла за гору цветов, вовсе не цветы, во всяком случае, не только цветы. В грудях дорогущих цветов утопает прекрасной работы гроб. Верхняя часть крышки снята, нижняя закрыта и устлана розами. В гробу покоится мой дядя Бен в темно-синем костюме. При галстукке. В кармане пиджака – платок с инициалами «Б. Г.». Я не могу заставить себя посмотреть на его лицо. Чувствую: то ли кровь стынет, то ли озноб пробирает – такого со мной еще никогда не было. Папа стоит рядом, но я знаю: если посмотреть на лицо покойного, я, хотя в гробу лежит дядя Бен, увижу лицо отца. Я смотрю на лицо дяди Бена. Это не папино лицо. И не дядино. А лицо человека, которого здесь нет. Абрис лица у него дядин, нос – точь-в-точь такой, как у меня, но жизнь из него ушла. Его нет среди нас, он ушел – это ощущение так же реально, как биение моего сердца.

Но куда он ушел? К моим глазам подкатывают слезы, и я подаюсь к отцу.

Отец поддерживает меня, уводит в вестибюль. У лифта – здесь не так многолюдно – он усаживает меня на скамейку.

– Джанет, – говорит он.

Я не могу сдерживаться – такой это ужас. Мой дорогой папа, его плоть, его рука, которой я касаюсь, бранны – он уйдет. И мама уйдет. И Данни, и моя сестра Кэрол. И я! Это уж слишком, это невозможно объяснить! И я рыдаю, прижавшись к папиному рукаву. Данни – он вышел в вестибюль вслед за нами – держит меня за руку, и я целую его пальцы, целую папин рукав, потом набираю в грудь воздух и встаю.

Мы возвращаемся в битком набитый зал. Все смотрят на меня. Не иначе как думают: она-то что так убивается? Не ее же отца хоронят.

Я ни с кем не заговариваю, и постепенно меня выносит к Силии. Она сидит в глубоком кресле, на ней черное платье для беременных, живот так раздался, что кажется чем-то чужеродным. В лице ни кровинки, но губы подмазаны, модная прическа. У меня такое чувство, точно она на двадцать лет меня старше. Она похоронила отца, мать, понесла – и все за один год. Мне не довелось пережить ничего подобного. Я теряюсь, не знаю, что сказать.

А Силия говорит:

– Я так рада за тебя. Ты повидалась с отцом – как это хорошо.

– Ну что ты такое говоришь! – прерываю я ее, но Силия продолжает:

– Хорошо, что это дало вам возможность повидаться. Пусть хоть кто-то получит радость.

Она проявляет учтивость, выказывает хорошее воспитание, – но что бы она хотела этим сказать? В пансионе ей не объяснили, что не стоит во имя учтивости с такой легкостью говорить о смерти отца.

Я выдавливаю из себя:

– Силия, я сочувствую.

И она мне улыбается. Хороша собой она необыкновенно.

Я отхожу от нее и направляюсь к Данни – он весь вечер так и просидел в углу. Сажусь рядом с ним, вижу, что папа снова подошел ко гробу, стоит у него, понурился головой. О чем он думает? Что вспоминает? Что чувствует?

– Данни, – говорю я. – Я не в силах это выносить. Не в силах понять.

– Ш-ш, – Данни сжимает мою руку – ничем больше он помочь не может.

И вот тут в зале появляется седенький старичок. Паралично подрагивая, он объявляет:

– Просим близких, если они желают еще раз проститься с покойным, подойти ко гробу: через полчаса гроб будет закрыт и завтра перед похоронами открыт не будет.

И удаляется так же внезапно, как появился, а папа отступает от гроба – последние полчаса принадлежат Силии и Фреду.

Фред подходит ко гробу, заглядывает в него и тут же, крепко зажмурив глаза, отходит: такое впечатление, что у него невыносимо болит голова. Силия и ее муж идут ко гробу, взявшись за руки, долго стоят перед ним. Силия обняла мужа за талию, я вижу, как она сжимает руку и жалко, беспомощно бьет мужа по спине кулаком. Мне стыдно за свои слезы. Силия куда мужественнее меня.

Параличный старичок возвращается в зал, Силия и Фред отодвигаются от гроба. Силии не видно, а с моего места видно, как старичок вынимает из нагрудного кармана расческу и, свесившись в гроб, зачесывает дяде Бенни волосы назад. Затем опускает верхнюю половину крышки – и дядя Бен скрыт от нас навеки.

Прощающиеся разбирают пальто. Вопрос, где нам с Данни переночевать, решить не так-то просто. Папа остановился у тети Перл и дяди Карла в Бруклине. Дядя Сол, он прилетел вместе с отцом из Майами, и тетя Ида, ей далеко добираться до ее Лонг-Бич, тоже остановились у них. Тетя Перл и дядя Карл уговаривают и нас поехать к ним, но я знаю: у них двухкомнатная квартира и уложить нас всех им негде. Как-нибудь

устроимся, говорят они, но Данни колеблется. Он предпочел бы остановиться в гостинице. Я не могу объяснить ему, что мы не можем остановиться в гостинице – в такое время семье нельзя быть врозь. Зря он поехал со мной, если не может вести себя соответственно.

К нам подходит Фред, он говорит, почему бы нам не переночевать в квартире дяди Бенни. Там три большие спальни (так он объясняет, что спать в кровати, на которой умер дядя Бенни, нам не придется), они пустуют.

Данни уже было соглашается, но папа не хочет расставаться со мной. Я тоже не хочу с ним расставаться.

– Я уже год как ее не видел, – растолковывает он Фреду. – Как-нибудь да устроимся.

Мы с Данни и папой садимся в нашу машину и следом за машиной дяди Карла едем обратно в Бруклин. Завтра в одиннадцать утра все сойдутся в синагоге.

В квартире, где две односпальные кровати, предстоит разместиться семерым: нам с Данни, папе, дяде Солу, тете Иде, тете Перл и дяде Карлу. Тетя Перл пытается устроить спанье для всех. Вопрос щекотливый. Мы с Данни молодожены, вот в чем щекотливость. Нам положено спать вместе, в то же время отвести нам отдельную комнату нет возможности. Уж не думает ли старшее поколение, что молодежь предастся любви и накануне похорон? Судя по тому, как они шушукаются и пререкаются, так оно и есть. Из этого вывод: никуда не денешься, похороны есть похороны со всеми вытекающими последствиями. В итоге Данни и мне отводят одну из кроватей, тете Перл и тете Иде – они сестры – другую, у изножья нашей кровати расставляют шезлонг – он предназначается дяде Карлу. Дядя Сол будет спать на диване в гостиной, папа – там же, на шезлонге.

Данни раздражен до крайности: он не желает спать в комнате, где полно чужих людей, не желает соответствовать их диким понятиям, не желает быть объектом их смехотворных измышлений, но он молчит: не хочет меня расстраивать, я и так расстроена, и я ему безмерно благодарна.

Пора спать. Чтобы покончить с этой тяготиной, Данни быстро раздевается и ложится первым. За ним и я. Мы делаем вид, что тут же заснули. В спальне невыносимая жара. На мне фланелевая глухая под горло рубашка, я взяла ее с собой, потому что в Бостоне холодина. В спальне не меньше сорока градусов. Тетя Ида забирается на вторую

кровать – от нее меньше полуметра до нашей. Испускает глубокий вздох. И говорит, ни к кому в частности не обращаясь:

– Как быстро засыпают молодые – ну не чудо ли это?

Дядя Карл – в нем килограммов сто с гаком – опасливо опускается на шезлонг, шезлонг трещит.

– Господи Б-же ты мой, – стонет дядя Карл.

Тетя Ида повернула голову в мою сторону, дышит мне в лицо. Мне не хватает воздуха. А пошевелинуться я не могу: считается, что я сплю. Данни, похоже, и впрямь заснул. В такой несуровой ситуации ничего лучше не придумать.

Некоторое время слышны лишь треск да вздохи. Дядя Сол и папа, наверное, уже спят. Обсуждение, где и как кому спать, вконец сконфузило папу – мы даже не пожелали друг другу спокойной ночи. Тетя Перл – свет уже потушен – входит в спальню, садится на край кровати, где спит тетя Ида. Неожиданно потолок освещает луч фонаря.

– Перл, Б-га ради, что ты делаешь? – доносится с шезлонга голос дяди Карла.

– Ш-ш-ш, – говорит тетя Перл. – Я укладываю волосы.

На потолке гигантским штопором мечется кудря.

– Да будет тебе, – говорит дядя Карл. – Перл, давай спать. Без чего-то три.

– Помолчи, – шипит она. – Я буду Б-г знает на кого похожа: столько я плакала. – Слышно, как щелкают заколки. – Ну как мог Бенни убить себя? – непонятно, к кому она адресуется в погруженной в темноту комнате.

– Кто такое сказал? – спрашивает дядя Карл. – Горничная нашла его в постели – он был мертвый. Сердечный приступ.

– О чем ты говоришь? – отвечает тетя Перл. – После смерти Бет он был ну прямо живой труп. Сердце его было разбито. Он был разбитый человек.

– При его-то миллионах!

– Ой, да помолчи ты. Деньги – еще не все.

– Ты разбудишь детей.

– Не такие они и дети. Они уже женаты.

Я вижу, как гигантский штопор на потолке сворачивают в кольцо. Тетя Перл, должно быть, держит фонарик на коленях: его свет пробивается сквозь волосы.

– А я один раз ему сказала: «Чтоб ты сдох!» – говорит тетя Перл. – Г-споди, прости меня, мне тогда восемнадцать исполнилось, и я хотела пойти на каток в «Грикс» покататься на роликах. Папа уже умер, и Бен был за старшего. А он меня не пустил, говорит: туда всякий сброд ходит, и он не хочет, чтобы я хороводилась с тамошной

шпаной. А я ему: очень жаль, только я все равно туда пойду, а он меня – хватать, положил на коленку и отшлепал. Вот тогда я и сказала ему: «Чтоб ты сдох!» А он, прости меня, Г-споди, умер!

– Да, тридцать лет спустя, – говорит дядя Карл. – Слушай, Перл, ложись-ка ты спать. Не мучай себя.

– «Мучай, мучай», – говорит тетя Перл. – Жить – оно и значит мучиться. – Она плачет.

Шезлонг скрипит, на потолке маячит тень дядиной головы. Потом фонарь гаснет.

– Карли, Карли, – шепчет тетя Перл. – Хорошо бы нам уйти вместе. Хорошо бы Г-сподь смилостивился над нами. Я без тебя не могу – хорошо бы нам уйти враз.

Дядя Карл что-то шепчет, тетя Перл всхлипывает, и я в конце концов, слава Б-гу, засыпаю.

Когда я просыпаюсь, утро еще не наступило. Вокруг все спят, я слышу, как они дышат. Из гостиной доносится чей-то тяжелый храп. Уж не папин ли? Когда я жила дома, он еще не храпел. Только когда ж это было – еще до моего отъезда в колледж. Мне в спину упирается Даннино колено, а повернуться я не могу – свалюсь с постели. Я откидываю одеяло, спускаю ноги на пол. Иду на цыпочках в ванную, мою глаза – в них резь – холодной водой, расчесываю волосы чьей-то зеленой гребенкой. Что делать дальше – не знаю. Вернуться в тесную, душную постель не могу, но и оставить Данни одного тоже не могу. Что, если он проснется и увидит: меня нет, а вокруг сопят мои родственники?

И все же я выйду, пусть и совсем ненадолго. В гостиной, кое-как втиснувшись в узкий шезлонг, спит папа. Он храпит. Я стою над ним, мне хочется поцеловать его.

– Папа, – шепчу я, но он не просыпается.

В конце концов я накидываю пальто поверх ночной рубашки и выхожу. По улице гуляет ветер, небо затянуто тучами, но уже начинает проясняться. Квартира дяди Карла всего в двух кварталах от дома, где прошло мое детство, и я иду туда. Вдруг там я найду объяснение тому, куда уходит время?..

На поверку дом оказывается и меньше, и обшарпаннее, и безобразнее, чем мне представлялось. Садик перед ним всего-навсего пяти метров длиной, а мне он помнился огромным. Я озябла, вид у меня нелепый: из-под пальто выглядывает ночная рубашка. Я возвращаюсь, заползаю в постель к Данни. Какой он теплый, я благодарно прижимаюсь к нему: меня бьет озноб. Когда я просыпаюсь в следующий раз, уже рассвело.

В гостиной наконец-то переходят к тому, что у всех на уме: к завещанию. Дядя Сол возвещает:

– Ида, я надеюсь, ты будешь обеспечена.

Тетя Ида только что не обрывает его:

- Беспокоиться не о чем.

Последние шесть лет тетю Иду содержал дядя Бен, и ей явно не хочется делать это предметом обсуждения. Она сидит на диване между дядей Солом и моим отцом, ерошит короткие черные волосы. Голову она моет не чаще раза в месяц. Волосы пылесосит. С помощью насадки для чистки мягкой мебели от старого «Электролюкса» – она считает, что это стимулирует мозг. После смерти дяди Джорджа она стала чрезвычайно суеверной: приступ случился в полнолуние, и тетя Ида считает, что на дядю Джорджа навели порчу. Она клянется, что перед смертью он ощерился на нее – ну волк и волк. Для нее тем не менее он не «потерян»: она чувствует, что его жизненная сила переходит к ней, и не сомневается, что сможет жить и вырастить их ребенка – ведь в ней не одна, а две жизненные силы. Последние два года у нее заскок по части здоровья. В сумке у нее как минимум десяток пузырьков с пилюлями.

Дядя Сол меж тем продолжает:

- Ида, мы не беспокоимся, мы надеемся, что Бен составил завещание – в дальновидности ему не откажешь.

Братья Гольдман бегут от завещаний и страховок. Стоит составить завещание, заключить страховку – и накликаешь, так они считают, беду.

- Такому человеку, как Бен, – говорит дядя Сол – ход его мыслей диктует отчаяние, – человеку с такой деловой хваткой, кому и быть дальновидным, как не ему, – дядя Сол откидывается на спинку дивана, лоб его собирается морщинами.

Дядя Бен – это всем известно, – чтобы уменьшить налоги, перевел одну из своих корпораций на имя дяди Сола. За это дядя Бен ежегодно платил налоги дяди Сола и, сверх того, назначил ему символическое жалование – пятьдесят пять долларов в неделю. А сыну дяди Сола, моему двоюродному брату Биллу, дядя Бен обещал подарить на восемнадцатилетие машину. Сейчас Биллу семнадцать. Дяде Солу на те мизерные доходы, что приносит его магазин тканей, новую машину не купить. Не сможет он на эти доходы, если у него не будет никаких других заработков, и содержать семью. Дядя Сол вздыхает.

- Да, дела, – говорит он.

- Хотел бы я знать, – говорит грузный дядя Карл – он примостился на краю шезлонга, на котором спал папа, – позаботился ли он об этой бумажной волоките, ну там бухгалтерях, юристах и всем прочем.

- Еще бы не позаботился, – говорит тетя Перл. – Такой человек, как Бен, не хранит деньги в свинке-копилке.

- Надо надеяться, он поручил своему юристу или кому-то там, чтобы в случае чего об Иде позаботились.

- Беспокоиться не о чем, – говорит тетя Ида.

Тетя Перл говорит:

- Карл, сходи купи чего-нибудь на завтрак. Бублики, копченую лососину.

Карл встает. Папа подходит к нему, сует в руку деньги.

– На покупки, – говорит он.

– Тоже мне богач нашелся, – дядя Карл отводит папину руку. – У меня хватает денег.

Денег дяде Карлу как раз не хватает. Пять лет назад он послал тетю Перл попросить у брата денег в долг. Дядя Бен дал им пять тысяч долларов – открыть химчистку. Химчистка прогорела. Дядя Карл теперь работает закройщиком на швейной фабрике. Понятно, что сейчас в мыслях у него одно: порвал дядя Бен его долговую расписку или бухгалтеры откопали ее и потребуют с него долг. Он уходит за бубликами и лососиной.

– А ты что скажешь, Абрам? – говорит Сол.

– О чем? – спрашивает папа.

– Что ты думаешь о завещании?

– Думаю, нам не следует беспокоиться из-за завещания. Сегодня следует думать о другом.

Дядя Сол, хочешь не хочешь, вынужден замолчать. И он, и папа уткнулись глазами в колени.

Тетя Перл удаляется на кухню – готовить завтрак. И чуть не сразу зовет сестру:

– Ида, иди сюда, поможешь мне.

Тетя Ида со вздохом поднимается с дивана, уходит в кухню. Вскоре дядя Карл возвращается с двумя бумажными пакетами. Он оставляет их в кухне, раздвигает в гостиной два карточных стола. Тетя Ида приносит из кухни пустую тарелку. Ставит ее посреди одного из карточных столиков и снова усаживается на диван между братьями. Из кухни доносится крик:

– Чтоб ей пусто было! – Тетя Перл заходится плачем.

Карл бежит на кухню.

– Перл! Что случилось?

– Моя сестра, чтоб ей, – рыдает Перл – она пришла в гостиную, прислонилась к стене, тычет в Иду пальцем. – Я прошу ее помочь, а она, чтоб ей, приносит одну тарелку. Я за ночь ни разу не сомкнула глаз, готовлю на всех, мой муж в своем собственном доме спит на шезлонге, а ей свою толстую задницу лень поднять.

– Перл, – папа встает, подходит к ней. – В такой день нельзя ссориться. У всех у нас горе. Постарайся успокоиться.

– Да заткнись ты! – визжит Перл. – Кто ты такой, чтобы мне указывать, ты думаешь – ты старший братец Бен?

– Прекрати! – говорит папа. – Прекрати сейчас же!

– Совсем как в прежние времена, – бушует тетя Перл, – Иде все сходит с рук, а грязную работу взваливают на меня. Где была Ида, когда мама умирала? Вот ты, ты знаешь, где она была? На вечеринке! Вот где была наша самоотверженная доченька Ида!

– Перл, Перл! – взывает к ней дядя Сол. – Зачем ты так?

Тетя Ида – она и не подумала встать с дивана – то сплетает, то расплетает пальцы.

– Кто бы говорил! – тетя Перл перешла в наступление. – Кто, по-твоему, убил маму? Ты, Сол, с твоей шиксой, вот кто: ведь еще бы чуть-чуть, и ты на ней женился бы.

– ДОВОЛЬНО! – Папа – он теперь старший брат, глава семьи, – сурово призывает их к порядку, в жизни не слышала, чтобы он говорил таким тоном. – СЛЫШАТЬ ЭТОГО БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ!

Все примолкают.

Чуть погода молчание нарушает дядя Карл:

– Поговорили, и будет. Пойдем завтракать.

Мало-помалу напряжение спадает, мы усаживаемся за стол. Из спальни выходит Данни – он успел одеться и побриться. Ему явно не по себе: он слышал всю склоку.

– Доброе утро, – говорит он.

Тетя Ида одаряет его улыбкой. Она сосредоточенно выстраивает на столе бесчисленные пузырьки с пилюлями. Предлагает пилюли всем по очереди.

– Сол? Абрам? Джанет? – Мы отказываемся. Она кротко осведомляется: – А ты, Перл? – Снова отказ. После чего нерешительно спрашивает: – А ты, Данни?

Данни берет пилюлю. Тетя Ида расплывается в улыбке. Высыпает на его ладонь пилюли самого разного цвета, формы и величины. Эта – чтобы кровь была хорошей, эта – для кровообращения, эта – для печени. А у одной назначение таинственное – она для жизненной силы. Данни с серьезным видом глотает одну пилюлю за другой и не морщится. Тетя Ида в восторге. Она улыбается папе: «Твоя дочь вышла за хорошего мальчика». Улыбается мне: «У тебя хороший муж». У всех отлегло от сердца.

На столе луковые булочки, бублики, ржаной хлеб. Есть и масло, и творог. И треска, и копченая лососина, и сметана, и бананы, и маринованная селедка. Кофе, сливки, сахар.

Все в один голос говорят о том, какой дядя Бен был хороший. А уж щедрый какой – всем помогал. А если он и не приглашал их на семейные торжества, что ж, его тоже надо понять. В конце концов, друзья его из другого круга. Бет из другого круга. Но семью Бен никогда не забывал. Никто из них не знал нужды. Для Бена не было ничего дороже семейных уз.

Дядя Сол больше не в силах сдерживаться:

– Но почему только его одного отправили в колледж? Почему, интересно, всех нас послали работать на швейную фабрику? Почему только ему одному устроили бар мицву? Несправедливо это. – Он только что не плачет.

На свет выволакиваются старые обиды. Бену дали всё – им ничего. Бену дали образование, машину, шанс. У них шанса не было. Вот почему они – неудачники.

Папа кивает. Он согласен, да, он – неудачник. А я не могу встать и сказать им прямо в лицо, что никакой папа не неудачник. Я его люблю. Он дал все – и мне, и маме, и Кэрол. Работал как каторжный на десяти разных работах, чтобы я могла окончить колледж; Кэрол он тоже отправит в колледж. Он научил нас думать, научил преодолевать боль и страх, быть честными и справедливыми.

Тетя Перл – она притихла после свары – говорит:

– Подумайте, какую шутку сыграла судьба. Не завидуйте Бену. Он умер, наш брат, хоть ему и дали всё. И его Бет умерла, и дети его остались сиротами, и внуков своих ему уже не увидеть. И это называется счастье, и это называется везенье?

Они замолкают, задумываются. И впрямь Перл перевернула их соображения вверх ногами. Они сидят себе в Бруклине, поедают бублики с копченой лососиной, а Бена в гробу везут в синагогу.

– Да почиет он в мире, – говорит папа. – И хватит разговоров.

Уже поздно, пора собираться. Служба назначена на одиннадцать. Со стола убирают без свар и склок.

Папа говорит, чтобы я оделась потеплее. Дует ветер, моросит дождь. Хуже погоды для погребения не придумать. И снова это странное ощущение – то ли кровь у меня стынет, то ли озноб пробирает.

Мы проезжаем Бруклин, Проспект-парк, центр и через Ист-Ривер^[3] попадаем в Манхэттен. Посреди самой запруженной дороги у нас спускает колесо. Только этого не хватало: мы и так опаздываем.

– Не волнуйтесь, – говорит дядя Карл. – Без нас не начнут. Подождут. – Он, наверное, думает, что Бенни тоже подождет, но вслух этого не говорит.

Папа выходит из машины, встает на колени прямо посреди дороги. Лицо его, когда он снимает колесо, багровеет от натуги.

– Данни! – воплю я. – Да помоги же ему!

Папа моложе дяди Бенни всего на два года.

Колесо заменено, мы едем дальше. Нам напомнили, как непрочен мир.

В синагоге у меня кружится голова, подкашиваются ноги – я не выпалась. Женский туалет внизу. Тетя Перл уже там: припудривает круги под глазами.

– Джанет, – говорит она, – жизнь куда хуже, чем ты думаешь, – и уходит.

А я остаюсь: мой живот бунтует. Никогда не видела, как плачет папа, но сегодня, боюсь, этого не миновать.

Я поднимаюсь вверх по лестнице, но в дверях меня останавливает служитель – говорит, что я опоздала и мне придется подождать за дверьми.

– За дверьми? – я кидаюсь в плач.

– Вы в родстве с усопшим? – спрашивает он.

– Я его племянница, – говорю я и, отстранив служителя, прохожу вперед. Я имею, по меньшей мере, такое же право присутствовать на службе, как друзья дяди Бенни с Уолл-стрит. Меня не задержат. Меня ждет папа.

Родственники выстроились длинной вереницей в конце зала. Первые три ряда пустуют, но остальные ряды заполнены. Там разместились прихожане Парк-авеню. Богатые друзья дяди Бенни. Мы идем по проходу. Папа держит меня за руку, как на моей свадьбе. Данни идет за нами, один. Наша вереница усаживается в первом ряду. Последнее место занимает папа, рядом с ним места нет. Мне приходится сесть во второй ряд, наискосок от него.

Силия тоже сидит в первом ряду, по-видимому, она совсем не спала. На ней черная шляпка с вуалеткой, прикрывающей глаза.

Раввин держит речь. Когда я вижу, что гроб всего в двух шагах от папы, прямо под возвышением, на котором стоит раввин, меня передергивает. Верх гроба скрывают груды роз. Гроб такой роскошный, стенки его так отполированы, что прихожане могли бы глядеться в них.

Раввин рассказывает о том, каким хорошим человеком был дядя Бен, о том, что останки в такие священные стены вносят лишь в исключительных случаях – это, как вы знаете, большая честь. О том, что этот хороший человек был президентом мужского клуба. Как бы он ни был занят, в пятницу вечером он неизменно посещал службу. Религиозный, набожный, достойный – вот какой он был. В будни он нередко поутру приходил в синагогу один, садился в последнем ряду и смотрел на ковчег Завета. Бен Гольдман был прекрасным человеком. Бен Гольдман любил всех своих детей.

Говоря это, он устремляет глаза на первый ряд – туда, где сидят Мелисса и Фред, и повторяет: «Всех своих детей». Включая невестку-католичку. Верх великодушия, этот раввин.

А вот о чем раввин умалчивает – это, пожалуй, о главном успехе дяди Бена – о большой статье в новой книге под названием «Стяжатели», в этой книге о нем написано больше, чем о ком-либо другом. О нем написали как о самом прозорливом деятеле химической отрасли в Америке. На фотографии в книге дядя Бен смотрит на ленту с биржевыми котировками, и выражение лица у него отнюдь не благочестивое.

Раввин говорит: «А теперь этот добрый человек ушел, чтобы соединиться со своей любимой Бет», и я вижу, как папа закрывает глаза рукой, и у меня к горлу подступают слезы.

Данни берет мою руку, но я захожусь плачем, сотрясаюсь так, что трудно дышать.

Вперед выступают мужчины – они поднимают гроб. Медленно-медленно выносят его, под ноги им сыплются розовые лепестки. Папа идет за гробом первым. Он отворачивается от меня, я слышу, как в груди у него что-то клокочет, и понимаю: он не плакал уже лет сорок – так плачут те, кто плакать не привык.

Мы выходим на улицу, на ветру папа овладевает собой. У синагоги выстроились семь черных лимузинов – в них провожающих отвезут на кладбище. Папа открывает дверь третьего лимузина.

– Садись. Не хочу, чтобы ты простудилась.

– А ты куда сядешь?

Он указывает на второй лимузин.

– Я хочу с тобой, – говорю я.

– Мне положено ехать с братьями и сестрами.

Моих возражений он не слушает. Я сажусь в третий лимузин. Во втором – братья и сестры, в первом – Фред с Мелиссой и Силия с мужем, впереди – катафалк, где под грудами роз покоится дядя Бен.

Данни устраивается на одном из откидных сидений, самом неудобном в этой машине. С нами едут еще шестеро – нам они незнакомы. Шофер – неказистый малый с изъеденной оспой, землистой кожей. Рядом с ним поместилась супружеская пара, на лицах у них написана скука. Позади нас сидят две пожилые тетki и глубокая старуха.

Машина медленно отъезжает от обочины. Хотя еще светло, в лимузинах уже зажгли фары. Рябой шофер ловко лавирует между заполнившими дорогу машинами. Для него это работа как работа.

Одна из пожилых теток наклоняется и трогает меня за плечо.

– Ты родственница Бенни? – спрашивает она – у нее скрипучий, совершенно мужской голос.

– Я его племянница, – говорю я.

– Ты дочка Аби?

– Да.

– Так я и думала. Ты похожа на него. Я жила в Бенсонхерсте по соседству с твоим папой. Я его первая любовь. Меня зовут Мики.

Гадость какая. Папа чуть не променял маму на эту вульгарную тетку.

– Раньше у меня был совсем другой голос, – объясняет она. – Мне удалили голосовую связку. Рак.

Старушонка в свою очередь трогает меня за плечо.

– Хочешь, я покажу тебе фотокарточки моих внуков? Я тетя твоего папы, тетя Сэди.

Так вот она какая, эта тетя Сэди, ее из всех своих теток папа не любит больше всего. Почему – я толком не знаю, знаю только, что у ее мужа был склад готового платья, и он нанял папу – ему тогда шел двенадцатый год – ночным сторожем. Папа просиживал ночи напролет в крошечной тьме, дрожа от холода, слушал, как по полу снуют крысы, а воображение рисовало ему несусветные ужасы. Платили ему двадцать центов за ночь, а Бенни тот же дядя отправил в ивритскую школу.

Старушонка показывает мне фотокарточки.

– Вот это Руты, у нее было родимое пятно величиной с яблоко, его удалил самый лучший доктор в Нью-Йорке, так что теперь она – красавица и не скажешь, что родилась с таким изъяном.

Я киваю головой – устала я от них.

– Семья меня не признает, – говорит она. – Прошлой зимой я была на Майами-Бич, позвонила твоему отцу, пригласила к себе в гостиницу повидаться, как бы не так – он не пришел. И Сол не пришел. Я думаю, их жены не пустили. Твою мать я никогда не любила.

– Послушайте, – говорю я. – Мы едем на похороны. Давайте посидим тихо.

Она откидывается на сиденье, примолкает.

Наконец мы выезжаем из города. Кладбище, надо надеяться, уже недалеко. Семейная пара на переднем сиденье закуривает. Закуривает и рябой шофер. Вдоль дороги тянутся поля. Старушонка снова трогает меня за плечо.

– Возьми, – говорит она. И вкладывает мне в руку какую-то бумажку. – Это ведь твой муж рядом с тобой? У тебя была свадьба, я знаю. Меня и не подумали на нее

пригласить, но я не держу на вас зла. Пригласили – не пригласили, подарок я могу сделать.

Это пятидолларовая купюра.

– Послушайте, тетя Сэди, – говорю я. – Мне не нужны никакие подарки. К чему это?

– Против тебя я ничего не имею, – говорит она. – Это твоя мать не захотела меня пригласить. Купи себе что-нибудь.

Мы въезжаем на кладбище. Сердце у меня колотится, в глазах темнеет.

Могила тети Бет выглядит как еще не затянувшаяся рана, меж тем рядом с ней уже зияет новая могила. Гроб выкатывают из катафалка, несут к могиле. Яму накрывают зеленым ковром, через ковер перекидывают доски, гроб ставят на доски. Прodelывается все очень быстро: провожающие даже не успевают выйти из машин.

Над обеими могилами натянут тент. На могиле тети Бет еще нет надгробия: с ее смерти не прошло и года. Для Силии приносят стул. Она кивком головы показывает, чтобы его унесли.

Тент треплет ветер, раввин проходит под тент, в руке у него свернутый черный зонт. Родственники подтягиваются к тенту, откуда ни возьмись снова появляется седенький параличный похоронщик – раздает красные розы на длинных стеблях, каждому по одной. Лицо у него совершенно бесстрастное – можно подумать, он сдает карты.

Я всматриваюсь в лицо Силии, пытаюсь понять, что она думает. Что, если бы в гробу затворили папу? Что, если бы его лицо скрылось от меня навсегда? Затем, вопреки всему, что знаю, задаю себе вопрос: откуда известно, что мертвые умерли? Что, если дядя Бен еще сегодня откроет глаза и потребует, чтобы его высвободили? А вдруг тетя Бет, лежа вот здесь, под землей, слушает нас? Вдруг она думает: Бен, наконец-то тебе удалось уснуть.

По-моему, бесчеловечно погребать тех, кому от рождения дарован свет и воздух. Почему бы не хоронить мертвых на шумящих зеленой листвой деревьях, посреди

лесных полян? И разве не лучше муравьи и букашки, чем запаянный водо- и воздухо непроницаемый гроб красного дерева в тысячу долларов ценой?

Голова у меня раскалывается – так мучительна мне моя неспособность понять происходящее. Дядя Бен умер – что это означает для него?

Раввин проводит службу на иврите. Что он говорит, я не понимаю. По окончании службы раввин подает Силии и Фреду знак выйти вперед. Силия делает слишком размашистый шаг, ступает на зеленый ковер там, где он не накрыт досками, и едва не проваливается в разверстую могилу. Папа и Фред успевают подхватить ее, Фред поддерживает ее, пока она приходит в себя. И вот уже Фред берет ее за руку, и они читают кадиш: «Исгадал ве-искадаш шмей рабо бе-олмо...»^[4] Читают без запинки – им уже не раз доводилось читать кадиш по матери. И я – на какой-то миг – верю молитве, верю, что Б-г есть, что это Его язык. Б-г есть, а значит, дяде Бену хорошо. Но как только Силия с посеревшим от горя лицом отступает, едва при этом не упав, от могилы, неверие тут как тут.

– Бросайте розы, – говорит раввин.

Силия кидает розу на гроб. За ней Фред. Мы с размаху кидаем розы вперед – точь-в-точь так метают кольца, – и на этом все кончено. Силию быстро – в ее положении простудиться ни к чему – усаживают в лимузин: дует пронизывающий ветер.

Нет, не вполне кончено. Братья и сестры дяди Бена остаются на кладбище. Все четверо – каждый из них повернулся лицом к одной из четырех сторон света и спиной к остальным – плачут, но в глубине души они примирились со смертью брата. По-видимому, им совестно смотреть друг на друга, потому что, даже когда они совладают с тем, что бы у них – у каждого свое – ни было на сердце, им все равно не сплотиться.

Мы набиваемся в машины в том же порядке, что и прежде.

Ну вот, я видела похороны от начала до конца – и что? Я так ничего и не поняла.

На обратной дороге в Манхэттен все хранят молчание. Мы едем в квартиру дяди Бена, его цветная горничная, та, что нашла его, подаст нам бутерброды с мясом и картофельный салат.

Нас оповещают, что семья будет сидеть шиву в двух местах: братья и сестры – у тети Перл, дети – у Силии. Но дают понять, что Силия и Фред сидеть, как положено, неделю, на полу разувшись, он не побрившись, она не накрапившись, занавесив зеркала, не станут. Они люди современные: ей надо рожать, ему входить в курс дела. А шиву пусть сидят старики.

Под тем предлогом, что Силия устала, муж уводит ее. С ними уходят Мелисса и Фред. Уходят все, кроме родственников, и в доме дяди Бена остаемся мы одни.

– Завещания он не оставил, – говорит дядя Сол. – Мне Фред сказал.

Вот так вот. Все деньги ойдут к детям. Никакой тебе машины для сына дяди Сола, никакой тебе ренты для тети Иды. Что такое – неужели и я самую чуточку обманулась в своих ожиданиях?

Все это несущественно. Мне все опостылело. Я хочу домой, в нашу хлипкую мансарду, где, вставая с постели, непременно стучаешься головой о потолок. Хочу в свой тесный кабинет – смотреть, как у выходящего на Коммон окна расхаживают голуби. Мне много – так много – надо сделать, и я понимаю: другого ответа на вопросы, которыми я задавалась, нет.

Ī adāāā nāi āēēēā ēādēēi āāā āēēāē

[1] Большой сквер, место многих исторических событий. – Здесь и далее примеч. перев.

[2] Площадь в Кембридже (пригород Бостона), центр студенческой жизни Гарвардского университета.

[3] Под судоходным проливом Ист-Ривер, отделяющим Манхэттен и Бронкс от Бруклина и Куинса, проходит автомобильный туннель.

[4] Да возвысится и святится в мире Его великое имя (ивр.).

НАША ЕВРЕЙСКАЯ ХИЖИНА

И םוֹכְלִים אֶת־הַמִּשְׁכָּנוֹת

Вы знаете, что такое Суккот? Это такой еврейский праздник. Выйдя из Египта, евреи сорок лет жили в пустыне. Кочевали с одного места на другое. И конечно, никаких домов в пустыне и в помине не было. Какие дома?! Сегодня здесь – завтра там.

Поставили палатки.

Пожили в палатках.

Собрали палатки.

Отправились дальше.

И так все сорок лет.

Слово «Суккот» означает «палатки». А сук и кот, о которых вы только что подумали, здесь совершенно ни при чем.

Суккот – праздник палаток, палаточный праздник.

В праздник Суккот вспоминают вольное житье в пустыне.

На работу не ходили.

В магазин тоже не ходили.

Еда падала с неба.

Вкусная и полезная.

Хорошее было время – приятно вспомнить.

Все, кто хочет и может, строят к празднику Суккот «палатки» и в течение недели там едят, а в жарких странах просто туда переселяются.

На самом деле это все-таки не палатки, а, скорее уж, хижины.

Данькин папа решил построить свою хижину во дворе.

Все составные части такой праздничной хижины можно купить в магазине в готовом виде, а потом просто ее около дома собрать. Тогда будет стандартная хижина – как у всех.

Но папа этого не хотел. Папа решил все сделать сам. Чтобы такой хижины, как у него, ни у кого не было. Вместе с дедушкой папа придумал, какой она должна быть: какая у нее будет длина, ширина и высота, где будет дверь, а где окна, какие для этого нужны материалы.

Папа, Данька и дедушка поехали вечером в магазин и купили все необходимое.

Чтобы построить хижину – такую хижину, которую придумал папа, – нужны были большие листы фанеры. Папа их купил. Купить просто. Но вот как их домой довести? У папы же не грузовик, а обыкновенная машина. В багажник они, конечно, не влезали.

Папа и дедушка положили фанеру на крышу машины.

Открыли двери. Привязали фанеру к машине.

Закрыли двери – двери не закрываются: веревка мешает.

Могли бы и сразу сообразить.

Отвязали веревку. Открыли в машине окна. Закрыли двери.

Привязали фанеру к машине через открытые окна.

Все. Теперь можно ехать.

Стали садиться в машину – двери не открываются.

Из-за веревок.

Привязанной оказалась не только фанера, но и двери.

Никто об этом не подумал, когда завязывали.

А если бы даже и подумали?

То ничего бы и не придумали: либо двери не открываются, либо двери не закрываются.

– Ну и как же туда войти? – спросил папа.

– Войти никак, – сказал дедушка. – Влезть можно.

– Ага, – сказал папа, – понял.

И они полезли в окно.

Сначала Данька.

Данька легко залез. Он же маленький.

А папа с дедушкой залезли с некоторыми трудностями.

Особенно дедушка.

Дедушка никак не мог втянуть в машину ноги – они болтались за окном.

– Да ты не напрягайся, – сказал папа, – не залезают и не надо: поехали так.

Дедушка засмеялся и втянул ноги.

Но когда дедушка втягивал ноги, кроссовка зацепилась за машину и упала с ноги на асфальт.

Дедушка представил себе, как будет теперь ходить в одной кроссовке.

Дедушке это совсем не понравилось.

Данька представил себе, как теперь дедушка будет ходить в одной кроссовке.

Даньке показалось это очень смешно, и Данька засмеялся.

– Ладно, – сказал дедушка, – надо спасти кроссовку. Ей тут одной скучно будет и одиноко. Придержи меня за ноги, пожалуйста, – сказал дедушка папе.

И полез в окно вниз головой.

– погоди, – сказал папа дедушке. – Выручим дедушку? – спросил папа Даньку.

– Обязательно выручим! – сказал Данька.

Папа опустил Даньку через окно на землю.

Данька поднял кроссовку и отдал дедушке.

Папа высунулся из окна, поднял Даньку, и Данька залез в машину.

– Спасибо, – сказал дедушка.

– Пожалуйста, – сказал Данька.

Хорошо еще, что был вечер. Темно было. На стоянке мало было машин, а народу совсем никого.

А то бы наверняка кто-нибудь вызвал полицию.

Представляете, три человека лезут в машину через окно!

Что тут можно подумать?

Дедушка рассказал такую историю.

– Когда-то давно я поехал с приятелем поплавать на байдарке по бурной горной реке. На берегу реки мы надули резиновую байдарку, перенесли в байдарку рюкзаки, упаковав их в большие пластиковые пакеты. Это потому что в байдарку может попасть вода. Я снял кроссовки: чтобы спустить байдарку на воду и сесть в байдарку, надо войти в реку. Кроме того, я ведь тоже люблю ходить босым – не только твой папа.

– Я тоже люблю, – сказал Данька. – Я бы тоже кроссовки снял.

– А вода в этой реке просто бурлила. Камни, водовороты, течение стремительное. Горная река, веселая – мы такую и хотели. Мы сели в байдарку, сделали пару взмахов веслами, нас закрутил водоворот, байдарка перевернулась. Мы едва успели выловить из реки байдарку и рюкзаки. Одну кроссовку я успел поймать, другую не успел – ее унесло течение. Уплыла моя кроссовка. И топор утонул.

– И что потом? – спросил Данька.

– Потом вынесли все на берег, вылили воду из байдарки, загрузили в нее вещи и опять поплыли. И больше уже ни разу не перевернулись. Но только топора теперь не было и кроссовки.

– А зачем топор? – спросил Данька.

– Топор – дрова для костра готовить. Без топора плохо, но мы справились: у нас ножи были. И целую неделю я ходил: одна нога в кроссовке, другая – босая.

– Как это ходил? – спросил Данька. – Вы же на байдарке плыли.

– Мы останавливались пообедать, переночевать, и надо было ходить по лесу – ставить палатку, заготавливать дрова для костра. Очень было, Данька, в одной кроссовке неудобно.

– И ты в Москву с одной кроссовкой приехал?

– Нет, я в конце путешествия себе новые кроссовки купил.

– А почему только в конце? Почему ты сразу не купил?

– Да где же я мог купить? Вокруг были одни горные леса да луга, и никаких магазинов не было.

Пока дедушка рассказывал эту историю, машина выехала на хайвей. Хайвей – это скоростное шоссе. Машин на хайвее много, и все едут очень быстро. Ехать медленно на хайвее невозможно.

От быстрой езды фанера стала по крыше ерзать.

Веревки уже не так крепко ее держали.

Наконец веревки не выдержали.

Огромные листы фанеры веером разлетелись по хайвею – навстречу идущим сзади машинам.

Несколько машин столкнулись.

На них налетели другие машины.

На них упал полицейский вертолет.

Полицейский вертолет взорвался.

Полицейский вертолет упал, взорвался и разрушил мост через хайвей.

С разрушенного моста посыпались на хайвей машины.

Прилетел вертолет с врачами из больницы и тоже, конечно, упал и взорвался.

За компанию.

Приехали журналисты с телевидения. Стали весь этот ужас снимать.

Знаете, что с ними случилось?

Правильно: они тоже взорвались.

Самая большая автомобильная катастрофа за всю историю Америки.

Папу, Даньку и дедушку арестовала полиция.

Лучше бы их арестовали, когда они лезли в окно машины.

Папу, Даньку и дедушку судили.

Папу, Даньку и дедушку посадили в тюрьму на двадцать лет.

Мама плакала все двадцать лет, не переставая.

Мама все двадцать лет носила им в тюрьму фаршированную рыбу и жареную картошку с грибами.

Мама ничего не солила, потому что она поливала еду своими горячими слезами, а ее горячие слезы были соленые. Однажды, когда ее горячих слез было особенно много, она даже засолила баночку огурцов.

Дедушке и Даньке мамина еда нравилось, они ели и нахваливали: вкус был от маминых слез оригинальный.

Дедушка говорил: «Пальчики оближешь!»

Данька говорил: «Раньше так вкусно не было».

А папа все двадцать лет ворчал, папа говорил: «Да что же это мама такое делает?! Куда столько соли?! Соль вредна! Соль – белый враг!»

Поди, угоди такому привереде!

Хорошо еще, что все это случилось с другой машиной, с другой фанерой, с другим папой, с другим Данькой, с другим дедушкой и в совершенно другом месте. И совершенно другая мама поливала фаршированную рыбу слезами.

А вы что, думаете, на всем белом свете есть только один мальчик Данька, один папа и один дедушка?

Или что только одна мама на всем белом свете умеет готовить фаршированную рыбу?

Да ничего подобного!

Конечно, другого Даньку, другого папу и другого дедушку тоже жалко. И другую маму тоже жалко: ведь она плакала двадцать лет. Двадцать лет, не переставая. Ее подушка всегда была мокрая.

Но все-таки, согласитесь, хорошо, что это случилось не с нашим папой, Данькой и дедушкой.

А ведь все это могло бы случиться с нашим папой, с нашим Данькой и с нашим дедушкой.

Очень даже легко и просто.

Но не случилось.

Папа, дедушка и Данька благополучно доехали до дому, разгрузили машину и стали строить нашу еврейскую хижину.

Осталось совсем чуть-чуть.

Но времени совсем не осталось: вечером по закону праздника надо было садиться в нашу еврейскую хижину пировать, а наша еврейская хижина была чуть-чуть не доделана.

Но «чуть-чуть» не считается.

Или работа сделана.

Или работа не сделана.

А папе надо идти на работу.

Папа, Данька и дедушка встали рано утром и начали работать.

Надо было просверлить последние дырки и завернуть последние шурупы, чтобы поставить последнюю фанерную стенку.

Папа включил электродрель.

Из соседнего дома раздался гневный женский крик.

– Все, – сказал дедушка. – Конец нам пришел. Сейчас она выйдет с ружьем и всех нас перестреляет.

Данька перепугался:

– Дедушка, ты не шутишь? За что?

– За дело. Перестреляет, и любой суд ее оправдает. Потому что не нужно будить добрых людей ни свет ни заря. Потому что если будить добрых людей ни свет ни заря, добрые люди могут стать очень недобрыми.

Из соседнего дома раздался еще один женский крик, громче прежнего, просто ужасный раздался женский крик из соседнего дома.

– Ну что я говорил, – сказал дедушка, – сейчас точно пальнет. Я и по голосу слышу: очень решительная женщина. Данька, прячься за дерево.

Данька спрятался за дерево.

Папа, дедушка и Данька прислушались. Женщина кричала: «Я кому говорю! С тобой с ума сойти можно! Ты меня слушаешь или ты меня не слушаешь?! А я тебе говорю, ты не пойдешь в школу непричесанная!»

Папа, дедушка и Данька засмеялись и достроили хижину.

Но достроили ее все-таки не до конца, потому что у нашей еврейской хижины не было еще крыши. Пока папа и мама были на работе, Данька с дедушкой нарезали лозы и покрыли ими хижину. В Израиле и в других жарких странах сверху кладут пальмовые ветви, в России – еловые ветки, а Данька с дедушкой взяли то, что росло прямо около дома: длинные гибкие ветки кустов.

Эти ветки, из которых делается крыша, – они называются «схак». Без схака наша еврейская хижина, как бы она хороша ни была, для праздника не годится.

Дедушка сочинил такой стишок:

Рабинович, хасид с Потомака,

Сделал хижину нашу без схака.

– Рабинович, чудак, как же так, где же схак?

– Сгинул схак под волной Потомака.

Хасид Рабинович – дедушкин друг. Дедушка каждый день писал про него стишок. Дедушка считал, что, если он не напишет новый стишок про хасида Рабиновича, день прожит зря. Дедушка называл такие стишки непонятным словом «лимерики». Дедушкин друг хасид Рабинович жил в разных городах и странах, и с ним случались разные странные вещи.

– Дедушка, – спросил Данька, – что такое Потомак?

– Потомак, – объяснил дедушка, – это река, на которой стоит столица Америки – древний город Вашингтон.

– Дедушка, – спросил Данька, – ведь схак – это ветки?

– Ветки, – согласился дедушка.

– Дедушка, – спросил Данька, – но раз это ветки, как же они утонули? Может быть, они все-таки не утонули, а уплыли?

– Как-то я об этом не подумал, – сказал дедушка, – наверно, действительно уплыли, но это неважно – важно, что бедный Рабинович остался без схака. Даже и не знаю, что он теперь будет делать. Знаешь что, Данька, давай-ка мы с тобой украсим сейчас нашу еврейскую хижину.

Данька с дедушкой украсили хижину и принесли в нее из дома стол, стулья, развесили разноцветные электрические лампочки, поставили на стол свечи.

А вечером, когда мама и папа вернулись с работы, все сели пировать в нашу еврейскую хижину.

И пировали каждый вечер всю неделю.

Хижина была замечательная – просто загляденье.

Ни у кого такой не было.

Даже и разбирать ее после Суккот было жалко.

Вот папа ее и не разбирал.

Мама каждый день говорила папе:

– Да когда же ты ее наконец разберешь?

Папа каждый день говорил маме:

– Завтра я ее немедленно разберу.

Но не разбирал.

И только весной, когда пора уже было покупать мацу, мама сказала папе, что, если папа немедленно не разберет нашу еврейскую хижину, мама с папой немедленно разведется, – и тогда папа нашу еврейскую хижину немедленно разобрал.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

«ЯРУСАРИМ, ТЫ ВСЯ, ТЫ ВЕСЬ»

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יָשׁוּב

Гали-Дана Зингер родилась и выросла в Ленинграде, с 1988 года живет и работает в Иерусалиме. Автор трех поэтических книг на иврите и пяти – на русском языке, лауреат крупнейших литературных премий Израиля.

**Locus standi: портрет Гали-Даны Зингер.
Некод Зингер.**

1996 год

Биографически Гали-Дана Зингер разделила себя между Россией и Израилем. В ее стихах Петербург получил прописку в Иерусалиме, Иерусалим в Венеции, и сама поэтесса настаивает на том, что бессмысленно в поэтике, предмет которой есть время, проводить водоразделы и наводить мосты. Есть цельность смысла, и нам только остается ей следовать – как маяку.

Стихи Зингер кристально-прозрачны в языковом – смысловом, стилистическом и просодическом – отношении. В них присутствует сдержанность, следствие не холодности, но высоких манер, которые требуют от искренности быть выверенной вкусом. Авторская сдержанность передается читателю, вызывая в нем подтянутость чувства – особое напряжение, с которым воспринимаются строчки.

Кристальность – причина автономности этих стихов. Они могут быть сложны и нетривиальны, однако при этом ничуть не темны.

Í á çíæè yòí àðàì ý àíéííé è çèì íé òíæá
Í á çíæè yòí àðàì ý. áóáü àððè-
í ðíéó áí ðíáü áóáü í ñò í ðíæí à
í ðè áíáí ðá í í ðáááéáí è é á í àò ðè àððáèüí áéóáé
èç áí àððèé

Стихи Зингер – точнее, слагаемая из них душа героя-героини – столь же зорки, сколь и умны, столь же беззащитны, сокрыты, сколь и дерзки, напористы, полны необычайной свежести и разверстости, открытости – подобны распустившимся всем нутром или, напротив, еще скрытым бутонной формой цветам. Если присмотреться, то эволюция многих ее стихов идет именно по траектории от приглушенности, скромности к роскошному, но опять-таки сдержанному – полноценному, но не развинченному перезрелостью – расцвету:

Í àñ áíæáíò áí ñí í ðíáíæááàò í áéíí,
Ñí àððà áéóáéçí í ð í ááí ñáá,
Í í òíí í áéá: í í-ñðíé è ááçáðáéííé
Ñòáðíé, í ðíí çáí í íé áðúçáü è çàðí èö,
Í: àðí áü è áí éóáá è éðáñ ò íé,
Ðíæááí í íé èç í ðíí áðáçà è íéö
Í àñ í í áððáð ò áé í ðáá áéóáéí í ð ò íé.

И разумеется, авангард, понимаемый как смесь эксперимента и классического начала, – вот что занимает Зингер, если говорить о взаимоотношении ее стихов с тем пластом русской поэзии, куда они ложатся, который формируют. Авангард ответственен за формирование языка будущего – того языка, на котором будет говорить будущее время,

онтологически им, этим языком, осуществляясь. Это и есть капля – росы, нектара вечности, добытая пчелой-поэтом из цветка-стихотворения.

Цикл «Памяти» обращен в основном к цветам – наиболее ярким символам слитности жизни и смерти: вечно живыми цветы могут быть, только умерев. В этом цикле явственно открываются отношения поэта со временем. Он отдает себе отчет, что время есть продукт языка, и, акцентируя настоящее время произнесения, обращает стрелу элегического времени в наделы авангарда, производя время будущее – время памяти, то есть вечности.

И, обученный автором ощущать исток времени, читатель не удивляется, встретив предельно четкую формулировку авторского экзистенциального кредо, выполненную с яростной сдержанностью и холодной беспощадностью:

Òàé í à ñàò á ÷ àdí òí

Í á í àéääòú ò ù àíàé

× ò í áú cì ú ò ù, àà í ñéí ðàé,

Ý ò ó äó äíàé

Далее в этих заметках нас будет интересовать образ Иерусалима – во всей многосмысленности категории прозрачности, которая является читателю в стихотворении «Миргороду» из недавно изданной – и уже цитированной выше – книги Гали-Даны Зингер «Хождение за назначенную черту»[\[1\]](#), где собраны стихи из пяти книг, охватывающие период с 1985 по 2009 год. «Миргород» изначально относится к книге «Осажденный Юрусарим» (1993–2002). Для его понимания мы прибегнем к медленному чтению, когда поэтический смысл как бы увеличивается и подчиняет себе мышление, становясь его источником.

Òàé àññ í áðàùáí à ò óüà,

÷ ò í çäññí èàé áú í í àí èäò ñééè áú

ññé í ò áú ààò ò ðüáí ááí ù..

С первых строк поэт задает полярную диспозицию присутствия/отсутствия, определяющую все стихотворение. Образ прозрачности – одновременного наличия и исчезновения – пронизывает эти строки и сам Иерусалим – предмет поэтического наблюдения. Поэт весь обращен в зрение (внутреннее или внешнее – неважно, ибо поэтическое – пророческое – зрение есть крепчайшая смесь этих двух: смесь фигур опыта и интуиции, взаимно обуславливающих свое существование) и в то же время дистанцируется от объекта наблюдения. По сути любой акт наблюдения делает субъекта прозрачным, ибо при должной интенсивности взглядывания человек отождествляется с собственным глазом, с единственной частью тела, не наблюдаемой естественным путем. Теоретически любой участок тела доступен глазу, кроме самого глаза. Итак, мы имеем дело с поэтическим хрусталиком, отбывающим в физическом мире свой светодень:

á ò òí éáí ùè í ðàáááí à ò ðüáí

àpèðàp ùà í íáí èáñ, äéóáéá

ãî ãçãîîî ãîãî è íãîéîî ùõ

Томленье – естественно для нелегкого и легкого одновременно труда поэта. Труд нелегок потому, что дан избранному, и внутренней работой оказаться под стать выбору – в этом тяжесть. И в то же время труд этот легок, ибо награда за него велика. Потому как что есть счастье? Счастье очень близко к состоянию хорошо оплачиваемой интересной работы. А гонорар за поэтический труд огромен – смысл. Томленье же берется из недр вынужденной праздности, то есть терпенья.

И вот труд преподносит первый результат наблюдения за городом: это взвесь воды и насекомых. Необыкновенное видение, потому что насекомые льнут к растениям, и, чтобы растения обернулись водой, они должны оказаться прозрачны...

íî÷òè íõîçòà:íîã ñòéîíà

Íîãõóíîé õÿæãîèè è íæéîíà

íáðà:áíà - íîæè ãîçãáí ù -

æéîèò è òíî÷:áòîñÿ òíéîíà

ã ñòæéèã ãîçãõóíîã òæãéîíà

«Стекло воздушного флакона» уточняет саму категорию прозрачности. Она не так уж просто формулируется. У Эрнста Юнгера можно прочесть о стеклянных пчелах, которые видны только тогда, когда блестят под солнцем: «Их большой размер был менее поразительным, чем можно было бы предположить, потому что они были совершенно прозрачны. В действительности мое представление о них в основном порождалось блеском их движений, видимым на солнце». Искусная прозрачность стекла делает видимой изваянную из него форму или существо только благодаря слепящему блеску движения на солнце. Таким образом, прозрачность единится с ослеплением. С другой стороны, ночь есть стеклянная сущность – соединение недоступности и видимости.

Итак, Иерусалим предстает в видении поэта воздушным столпом, в котором, помимо таинственных пока насекомых, замешаны день и ночь, зрение и слепота. В яростном, солнцем и Б-гом раскаленном добела городе сетчатка залита светом и негативом одновременно. И результатом всего этого становится прозрачность.

*Áâæáí èáì ÷áñòèò áéáéíí á,
òíê÷:àòíŷ íéáí íáŷ ðáá,
áéŷ á èèì áèù ñòáí íáðèì úõ,
ááí ŷ íáéíí è æáñòŷ, Òŷ
áíñéááèá áñçí áŷ áŷáá,
Bðááðèì, òáí í èöà í íðá*

«Пленная руда» (кровь, душа) одновременно и оживлена, и заключена в стенах незримых – прославляет Г-спода город. Что известно русской поэзии о руде, о веществе? «Океан без окна, вещество», – сформулировал Мандельштам свой вариант, которому вторит «темница мира». Что должно произойти, чтобы вещество стало человеческим, вышло на свет? Оно должно для начала стать взвесью, подъятой одушевленностью.

Что знает Мандельштам о руде? Как отличается она от вещества? «Преодолев затверженность природы, / Голуботвердый глаз проник в ее закон. / В земной коре юродствуют породы, / И как руда из груди рвется стон...» – поразительно, что голуботвердый глаз поэта проникает не только небесный свод, но и земной.

*Á í ðí á è ðéá èç-í í á áàèèáí èá
ñèðáá çáí èò í óèéí úõ éðúé
í í áí óúð æáñòŷ í í é ðèò é í á,
ðíçáí ÷:èé íò íñè ñí áñòŷ
í áéááí. Ðíçó òí áéü ñéðúé
áâæáí èáì ÷:áñòèò ñèèèéí úí.
Áí áðŷŷñí í á áñðá, í í áí èá
í í ÷:òè ñèŷðùóð áçáñí
í áí í áðáí í úõ éðúé ñ áí áíð.*

Что есть метафора как не плодотворящий акт, что есть метафора как не насекомое – шмель, бабочка-психея, пчела, – опыляющее цветы словесности по траекториям сравнений? Метафора – один из первейших способов познания мира: с помощью уже известного опыта субъект распространяет себя вовне через принцип подобия. Опыление есть акт творения, творительное действие, которое, будучи замешано в волшебный парадоксально дневной и ночной одновременно воздух Иерусалима, в метафизическую субстанцию прозрачности, создает словесный рой Творения – города как столпа небес – столицы – зеницы и темницы мира. Такой величины образ.

Сюда же мы прибавим в качестве смыслового расширения Мандельштама: «Мы прошли разряды насекомых / С наливными рюмочками глаз», – где вновь мы имеем дело

со стеклянными насекомыми, и – «О Б-же, как жирны и синеглазы / Стрекозы смерти, как лазурь черна», – здесь тот же эйдос прозрачности – и ослепления при попытке ее, прозрачность, распознать. К тому же у Мандельштама есть резюмирующее эти положения стихотворение – об уголке слепоты среди полдня: «И в лазури почуяли мы / Ассирийские крылья стрекоз, / Переборы коленчатой тьмы. <...> Есть в лазури слепой уголок, / И в блаженные полдни всегда, / Как стужившейся ночи нарек, / Роковая трепещет звезда».

И конечно: «Я видел озеро, стоявшее отвесно, – / С разрезанною розой в колесе / Играли рыбы, дом построив пресный. / Лиса и лев боролись в челноке. <...> И, влагой напоен, восстал песчаник честный, / И среди ремесленного города-сверчка / Мальчишка-океан встает из речки пресной / И чашками воды швыряет в облака», – вот это и есть долгожданное подтверждение категории вертикали, состава вертикального города, сердечного столпа, укрепленного песчаником.

Βούρδεϊ, οὐ αἴϋ, οὐ αἴϋ

ἦ ἀὶὸ ἐεἴϋ ἀεαἴ ἰὸ ἰῆ.

Возникающая здесь вновь асимметрия города – именно влево от оси – не только потому, что Наш Город – Западный. Само по себе эксцентрическое вращение говорит о многом. Весь Иерусалим – и «наш», и «не наш» – вращается вокруг кристаллической оси метафизического своего предназначения, целостный в своей метафизике – и именно благодаря такому волнообразному вращению видится единым и полупрозрачным – ведь вращение эксцентрическое делает вещь полупрозрачной, размешивает ее с прозрачностью. Это очень иерусалимская черта – взвинчивать вещи, размешивать их с прозрачностью, подвергая исследованию в разносторонних ракурсах. Город и вещи в нем постоянно нужно собирать на грани баланса, ибо известно: самое продуктивное равновесие – неустойчивое. Как при езде на коньках или велосипеде, как даже при ходьбе: чтобы быть устремленным, чтобы двигаться вперед, нужно постоянно терять равновесие, продвигаться, заполнять пустоты.

Как именно поэт видит эту асимметрию города, раскаленного Б-гом до прозрачности? Топографически? Оптически? Экзистенциально? Или здесь собраны все способы вместе? Или сюда еще важно добавить и политическую левизну, и сторону сердца? И не менее существенно, что, по мнению талмудистов, левая сторона – сторона Суда (в отличие от правой, которая – сторона милосердия)?

Ἄ ἰ δῖα εὐδέο εϋ-ἰ ἰᾶ ἀεεαἴεα -

οἰ αἴϋ (ἰῆ ἰ :-αεὶ) ε εδῖεῦ.οεε

ἀαὶὸ ἰ ὀὶ ἰ ἀαῖα:-ἰ ὑὸ, ὀοεἴαἴ ἰ ὑῆ ἰε,

ἦεἰ ἰ α-αεαἴ ἰε,

ἀῦα δῖαἴ :-εε ε αεεὶ ὀῦ αἴαἴε.

Ἄεῦ ἰ δῖαααἴ εῦ ἰεῆ ἰ ἀεἰ αἴ ὀ ἰ

αἴ ἰεἴ ἰ αἴῆὸ ἀὸ ἰ :-ἰ ἰ εϋεἴαεαἴ ἰ ὑὸ ὀεἴαεε,

ἀῦα ἰ ἰ ἰ αἴ ἰ αῦ ἰ αἴεἴεῦεἴ ἰ αἴ:-εἴ ἰε

èëüéàì áøéîâ

ääââ íá îîçàáüèà È äñî áçáíëò àòüü

Í üñòüâ òðáíî:éá ñò áéëüí í íé

çàéíí äñòí í íéè è éðáñî òü äñîí ïðíé

äññò íðæáñò áñò.

Òü æá áüüáøüçðè ò äéü

И наконец мы добрались до творительной алхимии. Сердечный столбик валидола в детстве использовался в качестве гильзы, которая набивалась различными видами быстрогорящих материалов – от целлулоида и спичечной серы до селитры – и подкладывалась в костер в качестве первой и последней ступени детской ракеты. В стихотворении он используется в качестве реторты, где выращивается кристалл гармонии, сотканный вполне алхимическими летающими изумрудами (вспомнить допотопную теорию зарождения мушек из ничего – под лабораторным колпаком). Ну и, конечно, добавить твердь земную – руду грудного вздоха – песчинки, камушки – вот это забыть никак нельзя.

Таким великолепным столпом предстает перед нами Ярусарим – Иерусалим. Он – источник творительной смеси, источник жизни простой и поэтической, источник просодического дыхания и человеческой руды, источник и цель метафорической субстанции, стоящей в основе, в центре – в зенице и темнице мира...

Гали-Дана Зингер – тотально русский поэт и потому не поддающийся переводу. Однако равным образом ее стихи живут и на английском, и на иврите, ибо поэт пишет на этих языках. То есть перевод – более высокого порядка – осуществим прозрачно, но в сознании самого автора. Такова эпоха: не теряя самобытности, поэт открыт мировому смыслу. Такова эсхатология, если угодно, – диктуемая самим Языком, языками, и внутренние наши интенции здесь не вполне принимаются в расчет.

¹¹ Книга вышла в 2009 году в издательстве «Новое литературное обозрение» с предисловием Натальи Горбаневской.

МЕНЯЕТСЯ НАПРАВЛЕНИЕ ВЕТРА?

Àéáà Ðèì íí

Современная израильская поэзия переживает кризис. «Вакансия поэта» – в смысле, национального поэта, такого, какими были в свое время Хаим-Нахман Бялик и Натан Альтерман, – пуста. Модернистский поэтический истеблишмент (Натан Зах, Йеуда Амихай, Далия Равикович, Йона Волах и т. д.) приучил читателей к мысли, что «национальное» – чуть ли не ругательное слово.

Руководитель журнала «Мешив а-руах» Элиаз Коен

В этом контексте кризиса исполнилось пятнадцать лет поэтическому журналу «Мешив а-руах»^[1] – и вдруг все заметили, что вот надо же, в израильской поэзии, оказывается, существует оригинальное течение. Ну, «все» – это, наверное, преувеличение. Но появились, например, толковые публикации в газетах «Маарив» и «А-арец», от которых, казалось, трудно было ожидать благосклонного внимания к такому явлению – по причинам, которые я изложу ниже.

Подзаголовок «Мешив а-руах»: «журнал еврейской израильской поэзии» («шира йеудит исраэлит»). Внимательный читатель различит здесь необычное словоупотребление: речь идет не о ивритской поэзии («шира иврит»), а именно о еврейской – то есть о поэзии, связанной с еврейской традицией. В двух последних поколениях эта связь обмелела: в стихах упоминавшихся выше Амихая и Заха встречаются переключки с Танахом, иногда со средневековой еврейской поэзией, но почти нет того живого контакта с необъятной сокровищницей текстов Устной Торы, с Талмудом и мидрашами, который отличал ивритскую поэзию еще в XIX веке, а в XX-м стал

достоянием обособленного круга студентов ешив, весьма мало интересующихся современной литературой.

История ивритской литературы складывалась так, что с самого начала Нового времени она оказалась в оппозиции традиционному еврейскому укладу жизни и образования. Сложившийся со времен Хаскалы «имидж» еврейского поэта: светский человек, который то бунтует против традиционной культуры, то тоскует по ней, то вообще ничего о ней не знает, но, во всяком случае, не живет в ней, то есть она не является для него источником жизненных сил, фантазии и вдохновения. «Мешив а-руах» (а это название можно перевести и как «изменяющий направление ветра») как раз идет наперекор такому положению вещей. Почти все его участники – выпускники или преподаватели ешив и колледжей национально-религиозного направления, жители поселений Иудеи и Самарии.

В какой мере их религиозное мировоззрение может сочетаться с интересом к современной поэзии, театру, живописи и скульптуре? Этот нерешенный вопрос как раз и составляет направление журнала, его «нерв». Один из редакторов «Мешив а-руах», Шмуэль Кляйн, в полемике с оппонентами объяснил, что для него границы приемлемого одновременно эстетические и этические: журнал не публикует не только слабые в поэтическом отношении, но также нескромные и оскорбляющие еврейские религиозные и национальные чувства тексты. И того и другого в современной ивритской поэзии предостаточно, так что принцип «скромности» в «Мешив а-руах» выглядит весьма свежо и «молодо». В этом отношении, мне кажется, «Мешив а-руах» постепенно превращается из журнала во что-то вроде молодежного движения, которое вырабатывает собственный стиль во всем, включая манеру одеваться и вести себя. С каждым годом их фестивали, вечера, поэтические студии становятся все более популярными.

Среди авторов журнала – известные поэты Йосеф Озер, Таня-Ривка Гадар, Хава Пинхас-Коен, Хамуталь Бар-Йосеф, Мирон Изаксон, Элиаз Коен, а также совсем молодые Ба-Коль Ольман, Йорам Нисиневич, Наама Шакед, Сиван Хаар-Шефи, Шор Энтеббе. Все они совершенно разные поэты, с разным поэтическим темпераментом, с разной интонацией. Тем не менее у журнала «Мешив а-руах» есть свой особенный голос – голос, в который вплетаются интонации Талмуда, ежедневной и праздничной литургии, пиютов и хасидских комментариев. Авторы этих текстов для поэтов «Мешив а-руах» обладают, кажется, не меньшей реальностью и актуальностью, чем друзья или родственники. Прямой и искренний диалог с еврейскими источниками – одна из основных особенностей этого журнала. Уже поэтому он совершенно не вписывается в израильский «политически корректный» мейнстрим. Другая характерная черта «Мешив а-руах» заключается в том, что публикуемые здесь стихи зачастую очень живо откликаются на современную израильскую историю (один из самых интересных выпусков журнала был посвящен реакции на трагедию разрушения поселений в Гуш-Катиф в 2005 году).

Трудно говорить о поэзии, не приводя примеры, – но на русский язык никого из поэтов «Мешив а-руах» пока не переводили. Попробую сделать это сама.

Первая разлука

יָיָאָרְאָה־בְּ יִי עֵי אִיעֵ אוֹי־אוֹי יִדְוִיאֵוֹ

וְעַמִּי אֶוִּיִּי וְעַיִן אֲוֹדָאוֹ

אַעֲאֹנִי יִ אִי יָאוֹנִי וְאֶ־אוֹ עֲאוֹעֹ

äöä æèäÿ òèä ìéíäé
 ŷ íäðäèàè èì ŷ òí ò ÷ òí öíäèò
 òèìí äèíí òèä äáððàò
 ÷èðèäáò äááò ðú÷èò ííàò
 äöä æèäÿ éíðíä äáááü
 ŷ íäçúäèè íí èì áí è òí ÷ òí ííèò è íäèäáò
 òèìí äèíí òèä äáððàò
 á äá öíò àò íèèäè á äá äöüÿ ò í íéíéí
 äöä æèäÿ äèöáè äíðéúò
 íðííäèò öéáò äáò ääèæáòíŷ èàé
 äíííí èíáí èá
 öéáò äáò íò ääÿäòíŷ èàé í ò èüà íò çàì èè
 äá í á öáò äáò ííà ò öò íéüò úäáò éíðí èò
 öíäèò èàé äàèà èàé í ò áí äö
 äíèäò äáò èç í íäé äöüí íé èéàò èè
 öäèÿäòíŷ è ŷ çí äç

- Èáí à

Nèäáí Öáàð-Öáòè

Это стихотворение – современный мидраш на тему сотворения человека. Сказано в книге Берешит, что человек, как только был создан, получил от Всевышнего задание – дать имена всем живым существам в Райском саду. Так возник язык. Возникновение языка было связано с некоторой нехваткой и проблемой: «И сказал Б-г: Нехорошо человеку быть одному. Сделаю ему помощника, соответственного ему» (Берешит, 2:18). Но среди всех существ, названных им по имени, Адам не нашел «помощника, соответственного ему» (Берешит, 2:20). Раши со ссылкой на трактат Йевамот (а также многие другие источники) утверждает, что первый человек был двуполым существом, андрогинном, но после «первой серии» дарования имен Всевышний разделил это первозданное существо пополам и развернул половинки лицом друг к другу. Так появилась первая женщина, чему Адам очень обрадовался (в отличие, кстати сказать, от несчастных платоновских андрогиннов). Прочитированное стихотворение молодой поэтессы Сиван Хаар-Шефи как раз об этом, о том, что разлука – это условие встречи. Чтобы назвать человека по имени, нужно от него отделиться и повернуться к нему лицом.

Красота несовершенного

*יְדַאֲנֹאֲאִיוֹ אִנְיָאָאֵי נֹוֹי־יֵעֵ
עִוֹיֹתֵי אֲאִוֹ יֹוֹדֵאֵי עֵי אֲאִוֹיֹאֵי
וֹיֹאֵ עֹוֹי יֹאֲאֹוֹיִי יֹדֵעֵי יֵעֹ עִיֵאֵי
יֹדֵיֹאֲאִוֹ אִנֹוֹ אֵי עֵ אִנֹוֹ אֵי יֹוֹדֵאֵי עֵי
אֲאִוֹ יֵעֹוֹיֹתֵי יֹאֲאֹוֹ נֹוֹדֵי עֵיִי יִי אִיֹאֵ
נֵאֲאִוֹ עֵ יוֹי
יִיִיִי יֹוֹדֵי יֹאֲאִוֹ עֵ אֵיֹאֵ עֵיֹאֵ
־וֹי יֹוֹיֹאֵ נֵאֲאִוֹיֹ?
יֵי עֵוֹיֹאֵ עֵיִיִי עֵ נֵאֲאִוֹ
יִי עֵרֵאֵיֹוֹ אֵיֹאֵ
יִיִיֹאֲאִוֹ עֵיִיִי עֵ אִיֹאֵ
עֵ נֹוֹ אֲאִוֹ, ־וֹי יֹאֵיֹתֵי*

עִיֹוֹ יֹאֲאִוֹ

^[1] «Мешив а-руах у-морид а-гешем» («Посылающий ветер и низвергающий дождь») – обращение к Всевышнему в центральной молитве еврейской литургии «Восемнадцать благословений». Эту молитвенную формулу произносят в период дождей – начиная с последнего дня Суккота и до Песаха – в качестве признания власти Всевышнего, оживляющего землю.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

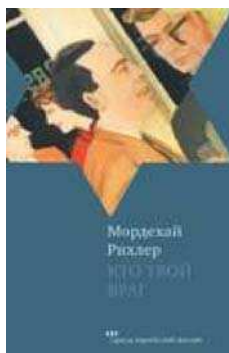
ТШУВА НА ОБА ВАШИ ДОМА

Ī ḥōāāāē Deōēād

Ēōī òāīē āāā

Ī āā ḥāīāē. Ē. Āāāāēīāīē

Ī : Ōāēō; Ēīēāīēēē, 2010 – 384 ḥ (ḥāāēy «Ī ḥīā āāāēīēīē āēēīē».)

Ḥīē Ōāēēād

Ī āāāīēāōū

Ī āā ḥāīāē. Ā. Īēāōēīē

Ī.: Ōāīōīī Ī āāī 2010 – 416 ḥ

Прежде всего надо уяснить, что «Кто твой враг» – очень-очень старая книга. По-английски она вышла в 1957 году, когда Мордехай Рихлер был еще не классиком канадской литературы, а начинающим и сравнительно малоизвестным прозаиком. По-настоящему знаменитым он станет два года спустя, после выхода своего следующего – четвертого – романа «Ученичество Дуди Кравица». А главный его шедевр, «Версия

Барни», один из лучших романов конца века (см. Лехаим. 2008. № 12), будет закончен лишь в 1997 году, за четыре года до смерти писателя.

«Кто твой враг» не слишком напоминает того Рихлера, которого мы знаем по его позднейшим произведениям. Сарказм, социальная сатира, парадоксы, герой в душевном раздоре – все компоненты фирменного рихлеровского коктейля вроде бы в наличии, но видно, что прозаик еще не вполне нашел те пропорции, в которых эта смесь начинает по-настоящему действовать.

В центре повествования – группа голливудских сценаристов, продюсеров и режиссеров, перебравшихся в начале 50-х в Лондон, подальше от сенатора Маккарти и его Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Описание нравов этой компании наводит на мысль, что в маккартизме, страшно сказать, было какое-никакое рациональное зерно. Богемные вольности изгнанников не мешают их парткомовской нетерпимости, а главным развлечением, помимо адюльтеров и сплетен, становится пристальная проверка окружающих на верность левым идеалам в ортодоксально-советском варианте.

Главный герой, Норман Прайс, убежденный социалист и ветеран испанской войны, – плоть от плоти этого кружка и знаком со всеми его членами с незапамятных времен. Но он не чужд рефлексии, лишен сектантской узости, не сверяет свои суждения с последней передовицей в коммунистической газете, утверждает, что процесс Сланского ничем не лучше суда над Розенбергами, – этого оказывается вполне достаточно, чтобы стать в глазах старых друзей стукачом и заодно плагиатором. Через несколько месяцев в Союзе начнется «оттепель», и члены кружка будут рыдать, узнав о гибели Фефера и Квитко. Но ни на их взглядах, ни на репутации Прайса это никак не отразится.

Кто-то из канадских рецензентов написал, что Прайс только идейно близок ко всем этим людям, а антропологически абсолютно им чужд. Это не вполне так. Он чувствует свое внутреннее родство с лондонско-голливудской тусовкой, это его круг, другого у него нет, оттого он так растерян, когда обнаруживает себя вне его. Просто Прайс чуть серьезнее, чем окружающие, относится к себе и к миру, пытается испытывать себя и свои убеждения на прочность. Ну и плюс кризис среднего возраста, заставляющий заострять углы, вместо того чтобы сглаживать их.

В итоге, оказавшись перед необходимостью заново выбирать себе друзей и врагов (дословный перевод оригинального названия «A Choice of Enemies» – «Выбор врагов»), Прайс обнаруживает, что беженец из Германии с мелкоуголовными наклонностями, да к тому же бывший член гитлерюгенда ему интереснее и даже, пожалуй, симпатичнее старых приятелей. Но когда выясняется, что Эрнст перед бегством из Германии убил любимого брата Нормана, служившего в американских оккупационных войсках, да к тому же к нему уходит девушка, которой Прайс собирался сделать предложение, мир героя окончательно рушится.

В чем леволибералам не откажешь – это в постоянстве. Действие в прологе романа англо-американской писательницы и журналистки Зои Хеллер «Правдолюбцы» (оригинальное название опять же несколько иное – «The Believers», то есть «Верующие») начинается в том же Лондоне почти десять лет спустя, в 1962-м, – но леваки следующего поколения, годящиеся героям Рихлера в сыновья, по-прежнему обсуждают советское вторжение в Венгрию и роль Поля Робсона в коммунистическом движении. (Еще через два десятилетия Этторе Скола снимет знаменитый фильм «Терраса», и там итальянские

интеллектуалы конца 70-х будут говорить все о том же, и Жан-Луи Трентиньян сыграет точно такого же усомнившегося сталиниста.)

Основное место действия «Правдолюбцев» – Нью-Йорк 2002-го. Год назад рухнули башни-близнецы, и теперь прогрессивный адвокат Джоел Литвинов вкладывает всю свою еврейскую страстность в защиту арабских террористов и их пособников. Впрочем, он в самом начале романа переносит insult и впадает в кому, так что главными героями оказываются его жена Одри и их дети: дочери Карла и Роза и приемный сын Ленни...

Известность Зои Хеллер принес предыдущий роман, «Хроника одного скандала», попавший в букеровский шорт-лист и вскоре ставший фильмом «Скандальный дневник» с двумя главными звездами английского интеллектуального кино Джудит Денч и Кейт Бланшетт. Особенности писательского почерка Хеллер в «Хронике» проявились вполне отчетливо, и «Правдолюбцы» (они, кстати, вошли в короткий список не менее престижной Дублинской премии) только подтвердили ее верность раз избранному пути. Хеллер интересуется прежде всего определенный социальный срез, ее романы – это очерки нравов, ее герои, говоря языком русской критики позапрошлого века, – не столько характеры, сколько типы. Индивидуальная психология, как правило, подчинена в них типическому началу, они лишены способности к самостоятельному развитию и исполняют авторскую волю для более выпуклой демонстрации той или иной актуальной проблемы.

Живой человек в «Правдолюбцах» один – Одри, бывшая простушка с лондонской окраины, дочь еврейских эмигрантов из Польши, сорок лет назад вышедшая замуж за Джоела и привезенная им в Америку. Резко сменив среду и круг общения, она привыкла маскировать застенчивость дерзостью («В ту пору окружающим нравился ее острый язык, выходки Одри поощряли, ими восторгались. Она даже приобрела своего рода известность: симпатичная англичаночка с характером и умением ругаться, как грузчик в порту») и не заметила, как маска приросла к лицу: «Как старуха упорно пользуется той же яркой помадой, которая так ее красила в прежние славные деньки, так и Одри еще долго счастливо верила, что ее девический задор по-прежнему находит добродушный отклик у окружающих. А когда она опомнилась и обнаружила, что люди за ее спиной брезгливо морщатся и что она уже не молодая привлекательная женщина, очаровательно взрывная и не по годам воинственная, – было поздно». За годы жизни с Джоелом она прошла полный курс марксистской теории и в последние годы даже муж казался ей недостаточно радикальным (впрочем, Джоелу «нравилось, когда в доме веяло старомодным экстремизмом: так он чувствовал себя моложе»). Но теперь Джоел в коме, а «старомодная экстремистка», не способная «выйти из роли ведьмы» и без устали тиранившая ближних и дальних, вынуждена учиться жить без него, да еще как-то осмыслить тот факт, что у мужа внезапно обнаруживается маленький ребенок на стороне.

Собственные дети ей в этом не помощники, скорее наоборот. Ленни, единственный любимец Одри, – безработный наркоман, выклянчивающий деньги у родителей. Карла годами безуспешно борется с избыточным весом, то и дело заедая булочками отчаяние по поводу лишних килограммов и невозможности забеременеть. Наконец, Роза, долгое время бывшая единственной настоящей наследницей идеалов семьи Литвиновых, наносит родителям самый коварный удар, начав посещать синагогу. По сути, образы Ленни, Карлы и Розы – это функции, схемы, изображающие три возможных пути отхода детей радикалов-шестидесятников от родительских стереотипов. В конце концов Карла уходит от мужа – профсоюзного активиста и обретает счастье с толстым, жизнерадостным и аполитичным египтянином; Ленни после недолгой завязки

возвращается к белому порошку; а Роза, поколебавшись из-за невозможности совместить микву и феминизм, совершает-таки окончательную тшуву и уезжает учиться в иерусалимскую ешиву.

Если в литературном плане путь от Рихлера к Хеллер трудно назвать прогрессом, то зафиксированная двумя романистами смена политических вех все же внушает сдержанный оптимизм. Для рихлеровского Нормана Прайса, человека, казалось бы, мужественного и самодостаточного, изгнание из круга левых интеллектуалов стало крахом. В финале романа Хеллер в растерянности пребывает как раз Одри – героический живой памятник покойному мужу и умирающей идее. Она еще слушает выступления Сьюзен Сарандон на антивоенных митингах, но это выглядит уже откровенным анахронизмом и данью традиции; дети разбрелись кто куда, каждый со своей верой и своим представлением о счастье. Конечно, героинового наркомана – тоже тот еще герой нашего времени. Но вольно же ему ширяться, когда есть миква и толстый египтянин!

Ī èōāèë Yāāüüō ò áéí

DONUM

Āāð è èōāñò.

Ī āi yòè Ī àòāéüë Òðāóáāðā

ÑĪ á: Èçāàòāéüñòāī Èāāī à Èèì áāòā, 2010 – 440 ñ

Наталья Леонидовна Трауберг (1928–2009) несомненно принадлежала к мировой духовной элите. Всю жизнь она выстраивала мост между Россией и Западом и в каком-то смысле сама была этим мостом. Она ввела в русскую литературу Честертона, возлюбленного ныне кинематографом Клайва Льюиса, Вудхауза. Она переводила Дороти Сэйерс, Грэма Грина, Гэлликю, Пиранделло, Лорку, Селу, Льюсу, Анну Марию Матуте, Кортасара, Астуриаса, Ионеско и др. Целые миры. Она знала много языков и, что не менее важно, переводила не только с английского, итальянского, французского, испанского, португальского – она переводила с языка европейской культуры, в чем читатель, отделенный от мира железным занавесом, нуждался, – нуждается и поныне.

Книга двучастна: «In memoriam» и «Donum philologiae». Первая часть, в свою очередь, тоже двучастна: воспоминания о Наталье Трауберг («О ней») и воспоминания о людях, входивших в ее жизненную орбиту («Вокруг нее»); об Аверинцеве, к примеру, – наполненный улыбкой рассказ Ольги Седаковой («Две встречи»). «Donum philologiae» – такое дружеское приношение от своих: собрание тематически разнообразных

академических, главным образом филологических, штудий, которые могла бы с интересом прочесть Наташа (как она обыкновенно представлялась), а может – почему нет? – прочла, если сохранила интерес и возможность в том мире, в котором теперь пребывает.

Главным образом филологических, но не только. «Психиатрические подходы к мистическим и религиозным психозам» Иосифа Зислина очевидным образом расположены за границей philologiae, что, к удовольствию читателей, вовсе не смущает устроителей мемориального мира. В этой статье есть любопытное наблюдение: мусульмане мало подвержены иерусалимскому синдрому, поскольку Иерусалим в их культурных стереотипах слабо представлен. Много слабей, чем в политической риторике, – добавлю от себя. И в части мессианских психозов мусульмане сильно уступают евреям, поскольку культ Махди по своей значимости не идет ни в какое сравнение с местом Машиаха в системе еврейских религиозных представлений. Зато в том, что касается психоза одержимости, мусульмане далеко впереди – и все из-за деятельных джиннов. Хотя и мы с нашим дибуком (автор проходит мимо, и совершенно напрасно) не лыком шиты.

Никакого специального еврейского сюжета в книге нет. Тем более интересно, когда он возникает спонтанно, сам по себе. Как, например, мемориальная доска в честь Теодора Герцля, заглянувшего в виленский ВААД, дибук, не замеченный рассеянным Иосифом Зислиным, тоже, понятно, виленский – где она, Вильна? – мемуар Пранаса Маркуса с затейливым литературным названием «По ту сторону корчмы на литовской границе», ничего не значащие и необязательные частности на обочине. Ничего не значащие? Однако же демонстрирующие включенность еврейской истории и культуры в литовский поток – во всяком случае, в сознании элитарного литовского интеллигента.

Упомянем вскользь пассаж из статьи Томаса Венцлова «Иосиф Бродский – переводчик Циприана Норвида». Бродский считал Норвида лучшим поэтом XIX века («Лучше Бодлера, лучше Вордсворта, лучше Гете», «обогнал эпоху на несколько порядков»). Венцлова пишет о стихотворении «Моя родина», переведенном, кажется, году в семидесятом:

Особенно близка Бродскому – с его неоднозначным отношением к народу, империи, а также Ветхому Завету и христианству – должна была быть четвертая (и наиболее точно переведенная) строфа стихотворения:

«I ěai ai ě i aò, ÷ ò í a i ðeçí aë ě i ò aãdã öë.

Áa-í înoü aëoñë i ðæãã aieà

Áieîñ aî i í a ěëp ÷ Áaãeãî a î ò aãdçí öë,

Ðeî - ÷ aëîããeà».

Конечно, эти слова, повторенные Бродским вслед за Норвидом, – большая европейская хартия, утверждающая единые основы европейской культуры: Библию и античность. Конечно, это хартия поэта, утверждающего приоритет голоса. Важно, что Библия представлена именно Давидом – поэтом. Причем поэтом, связывающим землю с небом. И да, Венцлова прав: личная вовлеченность и «неоднозначное отношение». Бродский повторяет слова Норвида, те же слова, но (тема Борхеса) в них возникают новые оттенки смысла, связанные с жизненными обстоятельствами (еврейским происхождением

и советской неволей), а также жизненным выбором переводчика, равно как и выбором многих евреев, ставших европейскими интеллигентами. В черном бархате советской ночи слова Норвида о ключе Давида и Риме приобретали дополнительную остроту.

Звезды на небосклоне Норвида и Бродского – Давид и Рим. На небосклоне других героев этой книги – двух молодых евреев, приехавших, один из Одессы, другой из Киева, покорять Ленинград, – иные звезды.

«Похождения Октябрины» Натальи Нусиновой – статья о первом (1924) фильме Григория Козинцева и Леонида Трауберга (отца Натальи Трауберг). Нет Рима, нет Давида – пространство истории и культуры редуцируется до плоскости американского кино и «Окон РОСТА». Энергия нового, фантазия, игра, фиговый идеологический листок не в состоянии скрыть буйства скрываемого. Санкт-Петербург, великий имперский город, великий град русской культуры, сменив имя, становится всего лишь съемочной площадкой, большой декорацией, техническим подспорьем для рискованных, ловких трюков и фантазий двух провинциальных, взявшихся как бы из ниоткуда, веселых евреев, творящих из ничего прекрасный (brave) новый мир.

И тут же, рядом, – живем контрастами – новый комментированный перевод книги Рут. Одно из концептуальных решений – перевод значащих имен: Рут – Полная Чаша (вот сейчас позвоню теще моего старшего сына, Руфь Ханоновне, имя-отчество не слишком популярное в нашем поколении, даже и экзотическое, пусть удивится), Наоми – Услава, сыновья ее Махлон и Кильон – Больной и Нежилец, при таких-то именах как им жить, вот они и померли. Ежели позволительно неспециализированному, но заинтересованному читателю внести свой скромный *donum*, я бы попытался воспроизвести связывающую в оригинале имена двух несчастных братьев рифму, скажем так: Хилец и Нежилец.

Филологическое обоснование, само собой, прилагается. Анна Шмаина-Великанова, учившаяся филологии в Иерусалимском университете и учащая ныне студентов в РГГУ, знает, какое слово под каким камешком лежит. Комментарий не только филологический: сюжет рассматривается, в том числе, с точки зрения алахи и мидрашей.

Представляя Наталью Трауберг сторонним читателям, ибо своим – тем, кому в первую очередь адресована мемориальная книга, – и так все хорошо известно, ее дочь, Мария Чепайтите, говорит о более чем пятистах переведенных Трауберг произведениях, приводит ряд громких имен, завершая его стандартным для таких случаев оператором: «и других» – и других тоже в изобилии переводила. Раскрою один из пунктов этих «других». Дочери он мог показаться не столь уж важным, да ведь у читателя могут быть свои собственные предпочтения. В конце семидесятых или в начале восьмидесятых, темные века, перевела в глуши литовских лесов и блат (колоритная, хотя и ни для чего в нашем контексте не нужная деталь – само собой, для самиздата) «Портреты хасидских учителей» Эли Визеля – яркий вклад в вольную неподцензурную литературу, и еврейскую, и русскую: была уверена, что иудаизму есть что сказать не только евреям, но и христианам.

«Áàð è èðáñò». Donum amoris

Áî çäóó éóëüò óðü.

Áî çäóó ñáí áí áü.

Óëü áéà á í îñéáéóñèè.

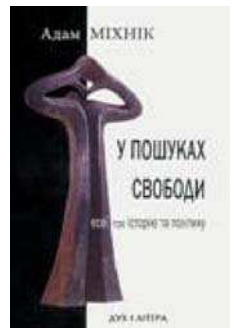
Польша. С евреями и без

Āăăĭ Ī èõĭĕĕ

Ó ĩĭəóəăö ñăĭáĭăĕ. Āñĭĭ ĭđĭ ĩñòĭđĭp òà ĩĭĕĭòĕĕó

(Ā ĩĭĕĭĕăö ñăĭáĭăú. Ēăĭđĭĕĕ ĩñă ĭá ĕñòĭđĕĕ ĕ ĩĭĕĕòĕĕă)

Ēĕăĕ Āóó^s ĕ^sđăđă, 2009 - 552 ĩ

Адам Михник – фигура для современной Польши, как модно говорить, знаковая. Экс-диссидент, идеолог «Солидарности», с 1989 года – бессменный главред «Газеты Выборчей», до недавнего времени самой тиражной в стране. И плюс ко всему – еврей, точнее, как он сам себя определяет, поляк еврейского происхождения.

Возможно, поэтому один из разделов сборника посвящен еврейско-польским отношениям – их истории, полной взаимных обид и обвинений, и нынешнему состоянию (так уж случилось: евреев почти нет, а отношения есть).

Многие тезисы Михника удивят читателя, привыкшего оперировать (в зависимости от точки зрения) двумя стереотипами – о еврейской (светской, либеральной, коммунистической – подставь нужное) пятой колонне в Речи Посполитой и о тотальном польском антисемитизме, впитанном с молоком матери.

Итак, первый парадокс. В оккупированной Польше можно было быть одновременно антисемитом и участником акций по спасению евреев. Известно обращение Фронта национального освобождения, составленное католической писательницей Зофьей Коссак-Щуцкой в 1942-м. Под строками о том, что резня миллионов беззащитных евреев происходит в зловещем молчании («кто молчит, видя убийство, – тот соучастник убийства, кто не осуждает – тот позволяет»), и сегодня мог бы подписаться любой гуманист. И здесь же: «Наши чувства по отношению к евреям не изменились. Мы не перестали считать их политическими, экономическими и идейными врагами Польши»...

Анализируя погром в Едвабно (где в июле 1941-го поляки заживо сожгли несколько сот евреев), Михник подчеркивает, что тот, кто на этом основании пытается

обобщать и утверждать, что так поступали лишь поляки и все поляки, врет так же подло, как и те, кто много лет врал об этом преступлении, сваливая его на немецких карателей.

Не меньшей травмой для истории новой Польши стал послевоенный погром в Кельце, стоивший жизни сорока евреям. По Михнику, этот «инцидент» стал венцом Шoa и означал уничтожение фундамента польской аксиологии. Автор приводит две интерпретации тех событий. Первая изложена в отчете келецкого епископа Чеслава Качмарека: «Евреев не любят, а скорее, ненавидят на всей территории Польши», так как они «являются главными популяризаторами коммунистического строя, который <...> навязывается силой польскому народу». Слух о похищении христианских детей, который стал непосредственной причиной погрома, Качмарек тоже объявляет еврейских рук делом. «Этим решили воспользоваться коммунистические еврейские лидеры при содействии контролируемого ими Управления безопасности, чтобы спровоцировать погром, который можно было бы представить как доказательство необходимости эмиграции евреев в свое государство».

К счастью для Польши, в том же июле 1946-го прозвучал и другой пастырский голос. «...Ничто, абсолютно ничто не оправдывает Келецкого преступления <...> Любые утверждения о существовании ритуальных убийств являются ложью <...> Нам не известен ни один случай похищения христианского ребенка евреями». Это отрывки из обращения епископа Теодора Кубины, позицию которого епископат, однако, признал «неприемлемой» для большинства епископов. К сожалению, так оно и было... Долгие годы, вплоть до понтификата Иоанна Павла II, в католической Польше звучал лишь голос Качмарека.

И все же... Автор не прощает и еврейского эгоизма боли. Цитируя резкие слова, обращенные раввином Каханэ к польскому духовенству на похоронах жертв погрома, он удивляется: почему раввин, осознающий польские реалии, не обратился к еврейской общественности с призывом избегать сотрудничества с коммунистическим режимом и аппаратом госбезопасности? Не должен ли был он осудить попрание гражданских прав, бесчинства цензуры, преследование солдат Армии Крайовой? Это молчание, уверен Михник, тоже имело свои акценты.

У польско-еврейской истории и в самом деле много акцентов, поэтому одним разделом еврейская тема не ограничивается, так или иначе всплывая во многих эссе сборника. Например, в воспоминаниях об Антонии Слонимском, известном поэте и драматурге, секретарем у которого был молодой Михник. Дед Слонимского, Хаим-Зелиг, – видный еврейский издатель, один из зачинателей новой прессы на иврите, отец – известный врач, принявший католичество еще до рождения Антония. И тем не менее... Когда в 1940-м, эвакуируясь с остатками польской армии из Франции в Британию, Слонимский подошел к польскому капитану корабля, тот заявил, что матросы не хотят брать на борт еврея. Уже в Лондоне было опубликовано открытое письмо лидера национал-демократов Адама Добошинского: «Вы, пан Слонимский, не вернетесь в послевоенную Польшу, потому что там не будет места для евреев и либералов». Но он вернулся. Вернулся, потому что не мог без Родины (именно так, по-советски, с прописной), хотя и не заблуждался в отношении нового режима. Когда его спрашивали, что он думает о правлении коммунистов, отвечал: «Они как царь Мидас, только наоборот. Все, к чему прикасался Мидас, превращалось в золото; все, чего они коснутся, – превращается в говно».

За «жидолюбие» поплатился жизнью другой герой Михника – профессор Габриэль Нарутович, первый президент Польши, убитый на шестой день своего

президентства лишь за то, что его избрание было поддержано коалицией национальных меньшинств. Кампания ненависти, развернутая правыми, на фоне народных требований: «Долой Нарутовича, долой жида! Жиды не будут нами править!» привела к трагической развязке. Нарутович был поляком, просто время его Польши – интеллигентной, открытой, ягеллонской – еще не пришло.

Собственно, и «сухой погром» 1968 года был фактически погромом польской демократической интеллигенции под антисемитскими лозунгами. Именно тогда родился этот удивительный феномен антисемитизма в стране без евреев.

Остались, правда, поляки еврейского происхождения. «Я принадлежу к тем странным полякам, которые <...> не имея ни одной другой идентичности <...> когда слышат антисемитскую фразу, говорят: “я еврей”, – признается Михник. – Надеюсь, что у меня хватит решительности поступать так до самой смерти».

И мы, пан Адам, и мы...

Ĭ ēōāēē Āīēūū

Местами прояснения

Ĭ ēōāēē Bī īīēūūēē

«Nēāīqī òōīēēīā pōāēēī»: 20 ēēāā ī īāīī ðāāēēāī ī īñōē

Ĭ .: Ĭ īāīā ēē òāāòōōī īā īāīqāī ēā, 2010. – 688 ņ

Новая книга профессора Нью-Йоркского университета Михаила Ямпольского посвящена категориям неопределенного в культуре: «ничто», «хаос», «бесформенность», «случайность». Материалом для анализа становятся кинематограф и балет, философия и живопись, среди персонажей – Антониони и Ножинский, Вуди Аллен и Аристотель, Фридрих Шлегель и Велимир Хлебников.

Отдельная глава посвящена антисемитизму Розанова – теме, кажущейся поначалу неожиданной в рамках подобного исследования. Для автора важно, что Розанов идентифицировал Другого с «типом», «гештальтом», воспринимая при этом национальные типы как «непреодолимо Другое». Ключевой фигурой для розановского понимания Другого оказывается Гоголь, который, несмотря на создание «пустого гештальта» русского типа, был, по Ямпольскому, двойником Розанова. Розановская интимность парадоксальна. В принципе она нивелирует различие между Я и Другими, но Розанов пытается найти такую ее форму, чтобы Другой всегда оставался Чужим. Фантазм

подобной интимности у Розанова, с точки зрения Ямпольского, был связан с еврейством. Исследователь привлекает обширный материал, от соловьевской трактовки евреев как народа, не стремящегося слиться с Б-гом, до фрейдистского описания антисемитизма как формы страха кастрации и придуманной Батаем гетерологии, науки о «совершенно ином». Следуя типичным антисемитским шаблонам, например об особом обонянии у евреев или об инцесте как норме еврейской жизни, Розанов тем не менее остается живым, развивающимся мыслителем. Это хорошо видно на примере его поздней апологии собственного носа – части тела, столь важной в его описании еврейства.

Раздел о Розанове переходит в главу «Сообщество одиночек (Арендт, Беньямин, Шолем, Кафка)». Ямпольский начинает ее с размышлений о национальной идентичности, способных спровоцировать нешуточную дискуссию. Так, он утверждает, что значительное число современных евреев (к ним он относит и себя) «не в состоянии определить собственной идентичности иначе, чем отрицательно. Еврейство сплошь и рядом основывается не на религии или причастности сионизму и Израилю, но исключительно на ощущении своей исключенности из некоего этнического большинства, среди которого живет еврей. Он знает только, что он не часть большинства, которому он не принадлежит, несмотря на то что разделяет с ним язык и культуру. Принцип этой мистической исключенности чаще всего до конца непонятен, так как не укоренен ни в какое внятное физическое отличие. Идентичность современного еврея диаспоры – по существу, совершенно неопределенна». Вопрос о возможности выбрать свою идентичность (то есть не быть ее страдательным залогом) остается открытым.

Этот род неопределенности автор рассматривает на примере выдающегося философа и публициста Ханны Арендт. В 1943 году она опубликовала статью «Еврей как пария: скрытая традиция», где, развивая идеи Макса Вебера, утверждала, что контраст между чувством еврейской ничтожности, на которой настаивают антисемиты, и создаваемым ими же образом еврейского всемогущества может быть преодолен лишь позитивным утверждением еврея в качестве парии. Двадцать лет спустя, после выхода книги Арендт «Эйхман в Иерусалиме», она получила упрек от своего давнего знакомого, гебраиста Гершома Шолема: дескать, Арендт, как и многие выходцы из немецкой левой среды, не отмечена «любовью к еврейскому народу». Но речь идет о другом понимании этничности, которое в книге Ямпольского даже выделено курсивом: «Еврей как фигура современности характеризуется не принадлежностью какому бы то ни было сообществу, а утратой связи с любым сообществом, в том числе и с еврейским. Еврей теперь – это человек, который настолько радикализирует свою отверженность, что перестает быть связанным с собственным народом».

Основные типы парий для Арендт – Гейне, Бернар Лазар, Чарли Чаплин и Франц Кафка. При этом Ямпольский анализирует как тексты самой Арендт о Кафке, так и ее разбор работ Вальтера Беньямина, который сопоставлял отношение притч Кафки к европейской повествовательной традиции с отношениями между Агадой и Алахой. Беньямин обсуждал эту проблему в переписке с Шолемом, который в свое время перевел на немецкий эссе Бялика «Алаха и Агада» (Бялик отмечал «утрату в современном еврействе знания Алахи и безраздельное господство Агады»). В нью-йоркских лекциях о еврейском мистицизме, прочитанных в 1938 году, Шолем вообще заявил о неспособности еврейской философской традиции соотнести Агаду и Алаху...

Порой едва ли не раздавливаемый собственной энциклопедичностью, Ямпольский может себе позволить цитирование французских источников по английским переводам (хотя сам блестяще владеет французским). Раньше в академической науке подобное не поощрялось. Но даже краткое обозначение проблем, которые очерчивает

автор, показывает, насколько богата идеями его работа, заставляющая по-новому взглянуть на известные, казалось бы, вещи и открыть читателю принципиально новые перспективы зрения.

Àëàëíé Ì íëðíóíá

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

СТО ЛЕТ БЕЗВЕСТНОСТИ

Àááí èü Àðíáíëáü, Àòáí áíëé Ì àí ááíá

27 сентября в 19.00 в зале «Амфитеатра» Московского еврейского общинного центра стартует новый проект – «Мой еврейский мир». В рамках проекта будут устраиваться выставки художников. Самый яркий из участников по итогам конкурса получит возможность издать каталог своих работ. Проект, рассчитанный на два года, откроется выставкой старейшего художника России Исаака Давидовича Дризе.

Автопортрет.

1995 год

«Благодаря Исааку Давидовичу мы чуть ли не впервые на нашей площадке устраиваем выставку музейного уровня, – делится мыслями куратор проекта Юлия Генриевна Королькова. – Не только потому, что это очень талантливый художник, но еще и потому, что в его творчестве отразилась, как в капле воды, вся история советского искусства. От авангарда 20-х до перестроечного творчества без оглядки на цензуру».

Советское искусство во многом было и остается «terra incognita». При советской власти разговор о нем можно было вести только внутри жестких официальных рамок – и в силу этого обстоятельства очень многое было тогда не понято и не осмыслено. Когда эпоха закатилась, поначалу многое отправили на свалку истории, в запасники, но потом спохватились. Тут свою роль сыграли и ностальгия, и непрекращающаяся традиция русской живописной школы.

Многие художники, «не вписавшиеся» в советскую эпоху, не были востребованы и после того, как она завершилась, – время проехалось по ним дважды.

И только в последние годы «советское искусство» обретает свои контуры и историю. Наряду с интересом к живописи довоенной и послевоенной – сталинской – эпохи появился интерес зрителей и искусствоведов к живописи 60–70-х – той, которая была реалистична, но не официозна. Вновь возник спрос на «крепкую» живопись, на умение писать картины, а не рассуждать об отношениях социума и искусства. У коллекционеров все возрастающим спросом пользуется соцреализм – стиль, которому не суждено возродиться, что только повышает стоимость этих картин на рынке. Но сколько работ за это время ушло (хорошо бы с аукционов: там хоть «уход» документирован) в случайные руки?

Тех, кто плыл против течения в советские годы, сейчас признали и заметили. Но были и те, кто мужественно и спокойно, не изменяя призванию, делал свое дело. Художник Исаак Дризе, чья первая (!) персональная выставка будет проходить в МЕОЦе, – один из них.

Почти ровесник «века-волкодава» (родился в 1909 году), Дризе начал рисовать с четырех лет. Окончив школу, в восемнадцать поступил в училище при Академии художеств в Ленинграде, а с 1936 по 1939 год учился в Институте повышения квалификации при Московском художественном институте у Бориса Иогансона и Льва Крамаренко.

Родители.

1938 год

Художник-долгожитель, он успел поучиться у Роберта Фалька и воспринял от мэтра постимпрессионистское чувство цвета, отличавшее практически всех участников «Бубнового валета». Композиции, крепкому рисунку и безукоризненной технике письма его учил Борис Иогансон. Последний считался одним из столпов советской живописи – его вездесущий «Допрос коммуниста» изображался на вклейках в школьных учебниках по истории. Однако, несмотря на «советскую карму», Борис Владимирович был подлинным мастером. Тому порукой масса «профессиональных» анекдотов, ходивших о нем, среди которых были и академические, дореволюционной выдержки, специально перелицованные под Иогансона, как-то: сидит в ресторане Борис Владимирович, поджидает, когда официант принесет заказ, и в шутку тихонько рисует на скатерти муху – да так, что пришедший наконец официант принимается ее изгонять... То, что Иогансон в этом анекдоте подменяет Сурикова, в свое время заменившего с сибирской мухой великого Леонардо с его чудовищем, о многом говорит.

Когда Российская империя в одночасье прекратила свое существование, многие художники поверили, что на ее руинах зарождается новый мир. Достаточно вспомнить, с каким энтузиазмом Шагал воспринял свое назначение комиссаром по делам искусств Витебской губернии, а его учитель, Иегуда Пэн, прежде писавший евреев-книжников, принялся за портреты евреев-комсомольцев.

Впоследствии кто-то оставил живопись и стал работать оформителем в издательстве или декоратором при театре. Кто-то пытался писать «для себя» – но тогда становилось не на что жить, ибо к 30-м годам в СССР уже не было рынка художественных работ и продать свои картины стало невозможно.

Партия требовала от художников живописать «стройки социализма», создавать портреты стахановцев. Всплеск пейзажной живописи в советском искусстве первой половины 30-х годов – своеобразное бегство от требуемых властью агиток, способ «внутренней эмиграции», тихое несогласие.

Исаак Дризе тоже выбирал этот путь. Писал пейзажи, портреты не только партработников и героев труда, но и просто друзей, соседей, случайных знакомых и детей. Детская тема и тема материнства стали для художника-еврея той отдушиной, которая позволяла работать в полную силу. Исаак Дризе не выставлялся, не продавал и не дарил своих картин. Чтобы прокормиться, работал над заказами от Комбината художников.

Большую часть своей жизни Дризе так и работал – и «под заказ», и «для себя». Так работали многие, несмотря на то, что в роли единственно возможного покупателя художественных произведений выступало государство. Имелась даже соответствующая статья Уголовного кодекса, закрепляющая за государством это право.

Спящий ребенок.

1950 год

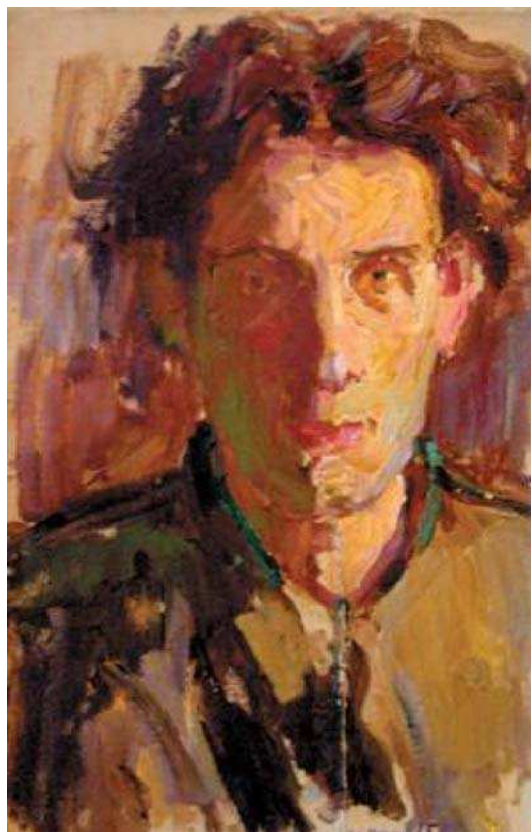
Исаак Давидович, возможно не вполне осознанно, избрал свой путь отношений с властью в согласии с еврейской традицией, ибо сказано в Торе: «Особенно же кровь вашей жизни взыщу я» (Берешит, 9:5). Еврей должен сделать все для того, чтобы выжить.

А чтобы выжить, нужно было молчать, оторваться от своих «корней». Так поступали многие поколения наших предков, вспомним насильно крещенных испанских евреев, тайно соблюдавших свои обычаи.

Исаак Давидович существовал в собственном измерении. Немудрено, что у него никогда не было персональной выставки, хотя он участвовал во многих групповых, проводимых МОСХом. Роберт Фальк советовал ему: «Вам надо уезжать из этой страны. Вы им никогда не понравитесь». И Дризе, запомнив эти слова на всю жизнь, все-таки остался и... сохранился, невзирая ни на что, как самобытный художник. Лишь в 2005 году в ЦДХ была представлена совместная экспозиция работ Дризе и художницы А. Софроновой, которая тоже никогда не была обласкана советской властью.

Как многие художники его поколения и как его учитель Фальк, он – поклонник Сезанна, и печать этого поклонения лежит на его творчестве.

Импрессионизм – сугубо индивидуальный способ отображения реальности – никак не подходил советской идеологии, его агрессивно не принимали. Чего стоит история с художником Аркадием Пластовым: в 1945 году он написал свой «Сенокос» в импрессионистической манере, после чего его буквально разгромила советская художественная критика.

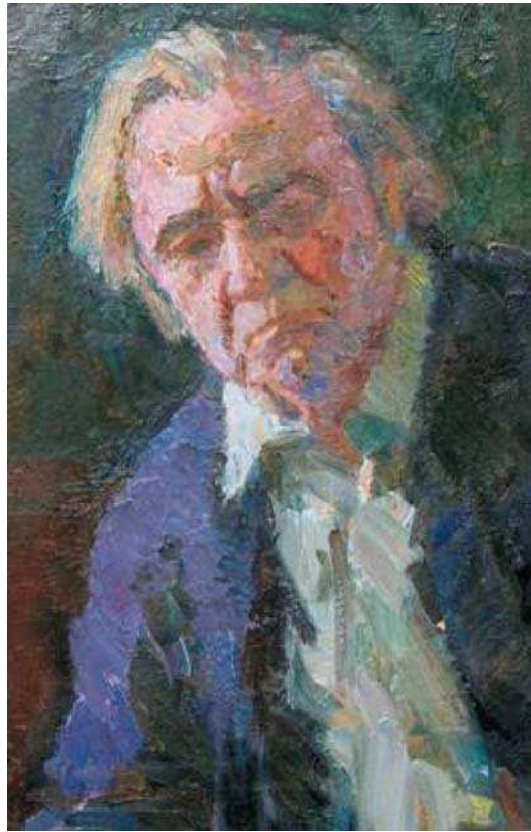
**Художник Александр Тихомиров.
1953 год**

В «казенном» искусстве спрос был даже на определенный тип лица: это могли быть представители рабочего класса, ударники производства, политические деятели, известные люди науки и герои советского мифа.

Целая когорта талантливых художников следовала заданным стандартам. Борис Пинхасович (близкий друг Исаака Давидовича), Александр Тихомиров, Моисей Фейгин и многие другие.

Тем не менее у Дризе есть много работ, которые заказывали на Комбинате, а потом не принимали: слишком самобытным было видение художника. Ему удачно удалось изобразить «эпоху в лицах». Это советские люди, «построившие» другое государство, без веры в Б-га, но с верой в партию. Интеллигенты, загнанные на кухни, девочки-пионерки, военные, уставшие женщины с младенцами.

В каждом портрете Дризе – история человека. При этом он умудряется писать с импрессионистической легкостью и насыщенностью.

Художник Борис Пинхасович (фрагмент).

1979 год

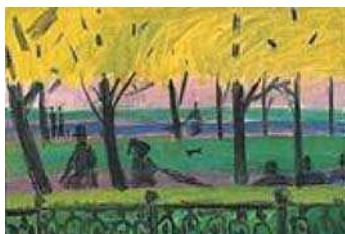
«Обычно галерист стремится найти уже состоявшихся художников для своих проектов, – продолжает Юлия Генриевна, – у нас иная задача – дать возможность художникам, по той или иной причине не попавшим в обойму, заявить о себе. Яркий пример – Исаак Дризе. На протяжении всей своей жизни, даже сейчас, в столь почтенном возрасте, он остается почти неизвестным художником.

Живет в квартире, полной картин, эскизов, этюдов, созданных почти за век непрерывной работы. Открыть их нашим современникам и есть задача проекта “Мой еврейский мир”».

Еще посмотрим

«Мы жили в Москве»

י תנעא, אעאדו «עיא-אא», ה'15 תאי ו'יאדו א' 17 תעו'יאדו

Леонид Зусман. На бульваре. 1964 год. Частное собрание, Москва

Вообще-то, «Мы жили в Москве» – это название мемуарной книги Раисы Орловой и Льва Копелева, рассказывающей о московской интеллигенции в 1956–1980 годах. Выставка посвящена искусству той поры, да и окружение Орловой и Копелева тоже представлено в залах на улице Немчинова в портретах Николая Дронникова. Дронников уехал в Париж, как и Михаил Рогинский, и многие другие авторы, ставшие эмигрантами, но и за границей продолжавшие писать Москву, ее бульвары и очереди, ландшафты, исчезнувшие с годами и сохранившиеся лишь в произведениях Зои Куликовой, Алексея Айзенмана, Николая Гришина, Михаила Иванова, Леонида Зусмана... Самые ранние работы в экспозиции относятся к военному времени, например цикл акварелей Александра Лабаса «Уезжают из Москвы». Показывают в «Ковчеге» и фотографии: так, Светлана Ланшакова и Андрей Волков запечатлели весьма специфическую по настроению Москву 1970-х. Но главное место отведено графике, в том числе выставляемой редко – например, большая часть наследия московского пейзажиста Эмиля Визина хранится в Израиле. Всего на выставке представлено около ста работ.

Турки в Вене. История еврейской общины

אאי א, אאאע'תעע י א'אע, א' 31 תעו'יאדו

Иоганн Непомук Геллер. Интерьер сепардской синагоги на венской Циркусгассе. Цветная гравюра из иллюстрированной газеты.

Германия.

1888 год

Хронология венской выставки начинается с 1492 года – года победы над арабами на Иберийском полуострове, изгнания из Испании евреев и открытия Колумбом Америки. Финал европейского Средневековья был ознаменован массовым переселением

евреев – сперва в Португалию, затем в Италию, Голландию, Северную Германию и на территорию Османской империи. Сефарды основали общины на Балканах, появилось гетто и в Нижнем Верде, что и положило начало отношениям между венцами и турецкими евреями. В начале XVIII века эти отношения обрели законную основу: габсбургская империя «легализовала» сефардов, бывших посредниками в отношениях между Западом и Востоком – не только в качестве купцов, но и культуртрегеров. Сефарды основали первую типографию в Константинополе, а их переводы из средневековой испанской поэзии, открытие для европейцев арабской философии и медицины – явления из числа знаковых, не говоря уже о появлении таких мыслителей сефардского происхождения, как Элиас Канетти. Да и визуально города менялись благодаря сефардской диаспоре – достаточно назвать синагогу в мавританском стиле, возведенную в 1887 году на венской Циркусгассе.

Мориц Даниэль Оппенгейм. Идеальные картины еврейской жизни

וְהָיָה עוֹשֵׁי, אֲדַמְיָנֵהֶם וְצִיָּה, אִי 3 יְעוֹיָאָדָּ

Мориц Даниэль Оппенгейм. Вечер пятницы. 1869 год

В 1866 году франкфуртское издательство по искусству Генриха Келлера выпустило в свет сборник фототипий «Сцены из староеврейской семейной жизни» Морица Даниэля Оппенгейма (1800–1882). Они запечатлели сцены шабата и еврейских праздников в конце XVIII века. Автор к тому времени уже был известен как хороший портретист, популярный в кругах крупной еврейской буржуазии. Но именно сборник авторских версий в стиле гризайль собственных картин принес Оппенгейму славу «первого среди еврейских художников». Рынок требовал все новых изданий, за 16 лет допечаток количество листов в сборнике увеличилось с 6 до 22. На франкфуртской выставке, камерной по составу, но не по содержанию, показывают восемь работ из издания 1869 года. По ним видно, насколько стремился автор идеализировать жизнь гетто, избегая противопоставления традиционного и современного еврейства, стремясь скорее синтезировать образы христианской и еврейской культур. Его интересуют проблемы толерантности, историческая точность не так важна художнику-идеологу.

Вверх тормашками. Опрокинутый мир Шагала

Ἰ ἐὸὸὰ, Ἰ ἀὸἐἰἰ ἀἸἰἰ ἰ ἐἰἰ Ἰ ἀδὲὰ Ὀἰἰἰἰ, ἀἰ 11 ἰ ἐὸἰἰἰ

Марк Шагал. Сани на снегу. 1944 год. Частная коллекция

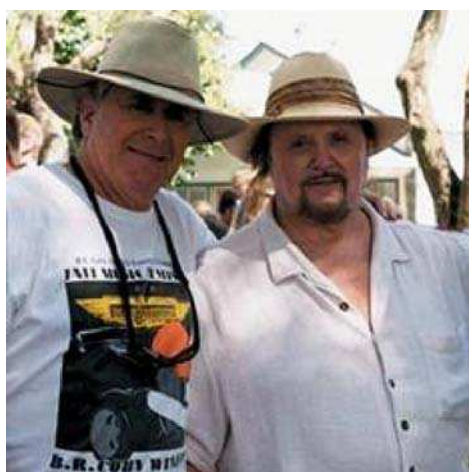
На выставке, приуроченной к 25-летию смерти художника, представлено 22 картины и 68 рисунков Марка Шагала, причем почти треть графических работ публике прежде была неизвестна. Но есть и вещи популярные – например, гуаши к «Басням» Лафонтена, выполненные в 1926–1927 годах по заказу Амбруаза Воллара. Ницца напоминает о новом тренде в западной музейной жизни: франкоязычный каталог «Вверх тормашками» с иллюстрациями можно свободно скачать в Интернете: <http://www.musee-chagall.fr/>.

Ἀἰἰἰἰἰ Ἰ ἰ ἐὸἰἰἰἰἰ

ОН СЧИТАЛ МЕЙНСТРИМ СМЕРТНОЙ СКУКОЙ

Айден Аадааи га

В марте в возрасте 78 лет в графстве Напа, что к северу от Сан-Франциско, закончил свои дни Херберт Коен, музыкальный менеджер, которому обязаны своими карьерами Тим Бакли, Фрэнк Заппа, Том Уэйтс и еще целый ряд артистов, олицетворяющих собой феномен калифорнийской сцены 1960–1970-х. Херба Коена, как и его самого известного подопечного Фрэнка Заппу, убил рак. У журналистов появился повод вспомнить человека, который делал коммерчески успешными самых радикальных и передовых артистов своего времени, который с прямолинейностью воина двигал вперед карьеры музыкантов, далеких от мейнстримовой шеренги. Наиболее распространенные эпитеты, употреблявшиеся применительно к Коену, – «жесткий» и «дотошный». Газета «Telegraph» написала в некрологе: «Херба Коена заочно любили все, но этого не скажешь о тех, с кем у него был бизнес».

Винодел Брюс Кон и Херб Коен на благотворительном фестивале-выставке классических автомобилей.

2009 год

Херберт Коен с детства мечтал о карьере военного, что, в общем-то, не слишком типично для мальчика из иммигрантской семьи, обитавшей в Южном Бронксе. Впрочем, семья тоже была не совсем типичная: некоторые источники характеризуют отца Херба Коена как «ветерана русской революции». Полноценная военная карьера у Херба Коена не сложилась, но авантюрная жилка не давала ему покоя с самого раннего возраста. Он записался в торговый флот Сан-Франциско, а в те восемь месяцев, что носил форму, успел познакомиться с ремеслом морского пехотинца и пожарного, вследствие чего за ним на всю жизнь закрепилось прозвище «бородатый гидрант».

В начале 1950-х Херб Коен прибыл в Лос-Анджелес и быстро освоился в местной клубно-ресторанной среде. За барной стойкой он чувствовал себя как дома, к тому же под ней всегда был спрятан пистолет. В Калифорнии только и разговоров было, что о новой фолк-сцене. Херб Коен оказался в самой ее сердцевине. Как сообщает Барри

Майлз в книге «Заппа», Коен жил с Одеттой Холмс, темнокожей фолк-певицей, на три года старше Коена. Впоследствии она стала одной из ведущих фигур американского фолка, ее называли «голосом движения за гражданские права» и считали источником вдохновения таких мастеров, как Боб Дилан, Джоан Баэз и Дженис Джоплин. Другие источники сообщают, что Херб Коен просто «водил с ней дружбу» и время от времени организовывал для нее концерты, а также для Пита Сигера и прочих героев фолка в таких до поры мало известных заведениях, как, например, «The Unicorn» («Единорог»). В этом кафе, расположенном на бульваре Сансет, Коен заправлял вместе с Виктором Мэймадесом, впоследствии многолетним верным «оруженосцем» Боба Дилана. Здесь играли музыку и читали стихи.

В другом клубе, которым управлял Херб Коен, «Purple Onion», он продюсировал концерты слепого блюзмена с Восточного побережья Сони Терри и его компаньона Брауни Макги. Там же можно было услышать Теодора Бикеля, бродвейского мюзиклового актера и исполнителя еврейских песен, который вместе с Питом Сигером и Джорджем Вейном был основателем знаменитого ежегодного Ньюпортского фолк-фестиваля, открывшего миру Боба Дилана. Бикель был первым певцом, исполнившим революционную для своего времени песню Дилана «Blowin' In The Wind» (после самого Дилана, конечно). Выходец из семьи писателя Шлойме Бикеля, Тео Бикель не только играл в кино и театре, но и исследовал еврейскую и русскую песни. В 1958 году он записал альбом «Песни русских цыган», а в 1972-м издал знаменитую пластинку «Не могу молчать: Подпольные советские еврейские песни», считавшуюся в СССР антисоветской и за перезапись которой вполне можно было схлопотать тюремный срок.

Благодаря вечеринкам Коена бывшие забегаловки перешли в категорию «must». Но начало промоутерской деятельности Херба Коена пришлось на эпоху маккартизма, и многие из артистов, которых он ангажировал, считались почти врагами народа. Понятие «фолк-песня» было тогда практически синонимом «песни протеста». Еще один известный кабак Коена, «Cosmo Alley», закрыли, как только продюсер имел неосторожность предоставить сцену комику-сквернослову Ленни Брюсу (тот произнес со сцены слово «fuck»). Херб Коен оспорил закрытие клуба в суде и выиграл процесс, но денег угробил столько, что не смог открыть клуб заново и взял большую паузу в ресторанном деле.

Три года путешествовал по миру; проехал Египет, Алжир, Ближний Восток. Навестил кипящую Кубу. Служил наемником в Южной Америке. Довольно сильно наследил в Конго. Коен бросил вызов ЦРУ, организовав поставки оружия демократическому премьер-министру бывшей бельгийской колонии Патрису Лумумбе. Но новый бизнес арт-менеджера потерпел крах. Любимого в СССР Лумумбу арестовал его же бывший сподвижник полковник Жозеф Мобуту, и пока демократического лидера пытали, Херб Коен ждал разрешения конфликта буквально у ворот Стэнливилля, вместе с четырьмя фурами, груженными оружием. Лумумбу забили до смерти, Коен счел такой бизнес несколько рискованным, однако еще некоторое время проворачивал подобные сделки, предпочитая, правда, руководить ими из офиса в Копенгагене.

Впрочем, Европа ему быстро наскучила. Коен попытался было освежить лос-анджелесские контакты. Однако в 1963 году его темпераменту не нашлось применения на Западном побережье, и он вернулся в родной Нью-Йорк, чтобы «перезагрузить» свою продюсерскую карьеру. Начало впечатляло: Коен занялся певицей Джуди Хенске, носившей громкое прозвище «Королева битников», и гавайской группой «Modern Folk Quartet». Но не прошло и двух лет, как Херб Коен все же снова двинул на запад. В Лос-Анджелесе ему предстояло встретить главного партнера своей жизни – Фрэнка Заппу.

Заппа говорил в интервью: «Херби Коен – маленький еврей, который не любит тех, кто носит нейлоновые рубашки. Он – вершина дурного вкуса, бьет обычно сразу головой в лицо, у него ужасная репутация везде, от одного побережья до другого. Да, наш менеджер – Херби!»

Первым делом Херб Коен заставил Фрэнка Заппу и музыкантов его группы «The Mothers» вступить в профсоюз. Вступительный взнос был для группы практически неподъемным, зато очень скоро выросли гонорары. Коен устроил группе первые концерты в клубе «Whiskey A Go-Go» и затащил на один из них продюсера Тома Уилсона, который тут же предложил Заппе первый контракт на выпуск альбома и аванс в размере 2500 долларов. В 1968 году Заппа уже выступал в лондонском «Royal Albert Hall». Тогда же Коен появился среди героев обложки диска Заппы «We're Only In It For The Money» («Мы заняты этим только из материальных соображений»), пародировавшей конверт битловского «Сержанта Пеппера». Коен оставался менеджером Заппы до 1975 года. В числе их совместных предприятий были звукозаписывающие компании «Straight», «Bizarre» и «DiscReet». Клиентами Коена были молодой романтический рокер Элис Купер, фолк-певец Тим Бакли, ранняя группа Теда Нюджента «Amboy Dukes», провозвестник шок-рока Скримин Джей Хоукинс, поп-певица Линда Ронстадт и джазмен Джордж Дюк. Каждый из них впоследствии прославился, но на этапе работы с Коеном это были алмазы, которым еще предстояло стать бриллиантами. Ювелир попался суровый.

«Казалось, Коен намеренно сопротивлялся контактам с артистами, чье творчество содержало хотя бы намек на коммерческий успех, – писала “Telegraph”, – мейнстрим он считал смертной скукой». Наряду с Капитаном Бифхартом и Тимом Бакли, которые теперь признаны классиками, у него на контракте были полоумный уличный певец Дикарь Фишер и группа «The GTOs», целиком собранная из фанаток, таскавших за музыкантами по гастролям.

«Херб Коен был не из тех продюсеров, которые нянчатся с артистами, – вспоминала Линда Ронстадт. – Он подписал со мной контракт, едва услышав на вечеринке самодеятельных певцов в лос-анджелесском фолк-клубе “Troubadour”. Не дал мне даже в примерку зайти, носик припудрить». Несмотря на то что имя Коена чаще всего упоминают в контексте биографии Фрэнка Заппы, его главным открытием критики считают Тома Уэйтса. Коен услышал его там же, в «Трубадуре». Точнее, внутрь продюсер не заходил – тусовался у входа и краем уха засек молодого фолк-певца, которому предстояло стать иконой альтернативной музыки. Впрочем, версия самого Херба Коена состоит в следующем: он решил все же зайти в клуб, так как ему срочно понадобилась уборная. На обратном пути Коен спросил Уэйтса: «Что подельываешь?» – «Ничего». Далее последовало подписание контракта. При содействии Коена Уэйтс заключил соглашение с компанией «Asylum», которая в 1972 году выпустила его первый диск. Финалом же их взаимоотношений был выигранный Уэйтсом процесс 1993 года об использовании его ранних песен в телерекламе.

Херб Коен продюсировал не только артистов, но и целые события. Например, организовал выездную версию джазового фестиваля в Монтре для Японии и США и устроил фестиваль в защиту Нельсона Манделы на стадионе «Уэмбли». Коену доверяли стартапы, даже не представляя заранее, чем закончится дело.

Херб Коен (крайний справа) перед «Royal Albert Hall» с музыкантами рок-группы Фрэнка Заппы «Mothers of Invention». 1 февраля 1971 года

Со всеми своими самыми известными клиентами – Фрэнком Заппой, Томом Уэйтсом и Линдой Ронстадт – Херб Коен расстался в результате судебных процессов. Он словно заранее рассматривал каждого из них как будущего оппонента в зале суда, или, как говорил один из его друзей, «для него каждый, кто встречался на пути, был обедом, и нож с вилкой всегда были наготове». В 2009 году, уже будучи больным, он продолжал сутяжничать – пытался доказать, что был оклеветан автором одной из биографий Тома Уэйтса. Самым экстравагантным судебным процессом с участием Херба Коена было дело о пластиковых копиях гениталий рок-звезд. Эти самые копии изготовила в 1960-х годах художница по имени Синтия Пластер Кастер. Уже в 1990-х эта госпожа обвинила Коена в краже из ее дома 25 произведений, среди которых был, например, пенис Джими Хендрикса. Коен заявил, что приобрел права на пенисы еще в 1970-х, а потом решил сделать их бронзовые и серебряные копии, в ходе работы над которыми оригиналы были утеряны.

Трудно найти в истории шоу-индустрии авантюриста, способного переплюнуть Херба Коена. Говорили, что он разъезжал по Лос-Анджелесу в машине, в которой постоянно находился ящик с боевыми гранатами. Рассказывали, как взвинченный триумфом Заппы в «Royal Albert Hall» Коен вылетел в Стамбул, где взял напрокат автомобиль и проехал на нем до Парижа, а когда вновь появился в Лондоне, в его кармане все еще были ключи от машины, но он не помнил, где ее припарковал. Машину так и не нашли, а гениталии рок-звезд, словно боевые трофеи, украшали кабинет продюсера до самой его смерти.

ИЗРАИЛЬСКОЕ КИНО ОТ А ДО Э

יֵבֹאֵם יֵאָעִיָא

На очередном Фестивале израильского кино в Москве зрителям предъявили шесть симпатичных вторичных лент. Вообще-то их было предъявлено семь, но о «Ливане» наш журнал уже писал (2010. № 2), поэтому дальше о нем не будем. В целом впечатления от увиденного можно назвать положительными: актеры играют на удивление хорошо, и даже с чувством юмора у сценаристов и режиссеров все в порядке (а уж это редкость из редкостей). Кстати, вот что интересно: практически во всех фильмах герои мечтают куда-то убежать от окружающих обстоятельств или от самих себя. И лишь в одном они с самого начала понимают: бежать им некуда.

Кадр из фильма «Аджами».

Режиссеры Ярон Шани и Скандар Кобти.

2005 год

Некуда бежать

Начать следует, конечно же, с «Аджами» Ярона Шани и Скандара Кобти: шорт-лист «оскаровской» номинации на лучший иностранный фильм и каннская «Золотая камера» обязывают. Да и с алфавитом тоже не поспоришь. Одно из режиссеров, Шани, организаторы, кстати, обещали предъявить московской публике живьем, но в итоге он до России так и не доехал. Кобти же и вовсе отказался представлять Израиль где бы то ни было, немедленно по окончании снятого на израильские деньги фильма вспомнив о своей до того дремавшей палестинской идентичности.

Аджами (с ударением на первом слоге) – это один из районов Яффо, населенный преимущественно арабами, которые, если верить фильму, проводят время в основном в пырании окружающих холодным оружием и продаже (реже потреблении) наркотиков. Израильская журналистка Евгения Кравчик, впрочем, уверяет, что Шани и Кобти переусердствовали с черным цветом: современный Аджам – это район роскошных парков и дорогих рыбных ресторанов, а цены на недвижимость там все последние годы стремительно летят вверх, особенно если речь идет о квартире с видом на море.

Сам фильм сделан по не единожды испытанным рецептам: будничная безвыходность криминала, фирменная тарантиновская нарезка, ума-турмановские крупноплановые передозы. Основные его достоинства – достоверная фактура (непрофессиональные актеры из числа местных жителей, множество импровизаций, псевдодокументальная манера съемки) и прихотливая композиция, нарезающая эту фактуру на кусочки и превращающая в подобие пазла, который окончательно сложится только в финальной сцене. Для пущей изысканности в той же финальной сцене авторы придумывают еще и фокус-перевертыш с рассказчиком, что, впрочем, выглядит уже откровенным излишеством. Еврейско-арабского противостояния в фильме почти нет, все вертится вокруг внутриарабских разборок: христиане против мусульман, бедуины против палестинцев.

На фестивале «Аджамии» приняли холодно: люди пришли посмотреть кино про евреев, а им злые люди про арабов подсунили. Прокатная судьба «Аджамии» в России (лента пошла по кинотеатрам сразу после фестиваля) тоже оказалась не слишком успешной. Отечественные зрители – даже кинокритики, даже женщины – напрочь отказались различать всех этих эмоциональных и вооруженных ближневосточных брюнетов, сливающихся в их глазах в одно темное жестикулирующее пятно. Почтенный кинообозреватель почтенного «Коммерсанта» Лидия Маслова, к примеру, решила, что ей показали фильм о разборках арабов с евреями, не особо смутившись тем фактом, что «евреев» почему-то зовут Омар и Насри. В общем, критики тоже люди, тоже могут перегреться.

В Париж, в Париж

«В пяти часах от Парижа» Леонида Прудовского (он, в отличие от Шани, в Москву таки прилетел и честно принял участие в дискуссии о любви в израильском кино^[1]) – редкий пример израильского фильма, лишенного всяких политических примет. Это история любви, случившейся как бы вне времени и пространства. Нет-нет, никакой условности, Израиль в картине вполне узнаваем, просто никакого влияния на сюжет он не оказывает.

Основных действующих лиц, как и положено в мелодраме с комедийными элементами, трое.

Игаль, таксист и франкофил, любит Адамо и Дассена, боится мышей и самолетов. Последнее сильно осложняет его жизнь – ведь ему нужно лететь в Париж, где будет проходить бар мицва его сына (тот живет с матерью и ее новым мужем). Поэтому весь фильм Игаль посещает психоаналитика и борется с собой, глядя на взлетающие самолеты.

Лина (главная роковая интеллектуалка израильского кино Елена Яралова), преподавательница музыки, из неудавшихся музыкантов (последнее обстоятельство дано с несколько чрезмерным нажимом). Любит классику, но и против Дассена ничего не имеет. Детей у нее нет и, видимо, не будет – возраст уже вышел. Профессиональная и личная нереализованность рождает в Лине тоску и смутные томления.

Наконец, ее муж, Гриша, врач-уролог, пребывающий первую половину фильма в Канаде, где он пытается сдать экзамен и устроиться на работу. К французской эстраде, а равно и к классике он равнодушен, зато любит и даже сам поет Окуджаву и Высоцкого. Ближе к середине ленты Гриша возвращается и начинает терзаться в ожидании канадской визы. Вскоре у него появляется еще один повод для терзаний: он догадывается, что за

время его отсутствия у Лины с Игалем случился роман, и торопится увезти жену подальше от романтического таксиста.

Фильм снят под старое французское кино (Прудовский честно называет в качестве источника инспирации «Мужчину и женщину» Лелюша) и в своем камерном роде производит вполне выдержанное впечатление. Не особо портит его и некоторое количество штампов, особенно заметных в изображении «русской» тусовки. Удачны комические эпизоды, даже на такую избитую тему, как «вернулся муж из командировки». Впрочем, лучшая сцена, решенная с хорошо дозированной иронией, – проводы Лины и Гриши в Канаду. Пьяноватый уролог поет на берегу моря «Лирическую» Высоцкого – «Украду, если кража тебе по душе», – вслед за чем немедленно появляется таксист и Лину действительно похищает. Финал остается открытым, равно как и «философия» ленты. Мне, например, показалось, что двум неудачникам – Лине и Игалю – просто оказался не нужен пробивной и целеустремленный Гриша.

В общем, картина, приятная во всех отношениях. Единственная категория зрителей, оставшаяся недовольной, – традиционно брутальные израильские таксисты, возмущившиеся тем, что их коллега изображен чересчур трепетным и застенчивым.

Кадр из фильма «Затерянные острова».

Режиссер Решеф Леви.

2008 год

В Ливан, в Ливан

«Затерянные острова» Решефа Леви год назад стали самым кассовым фильмом в Израиле и получили кучу номинаций и четыре премии (лучшие главная и второстепенная мужские роли, саундтрек и костюмы) от израильской киноакадемии. Успех, может, несколько преувеличенный, но, в общем, объяснимый и по крайней мере отчасти заслуженный (трудно судить более определенно по той отвратительной копии, которую привезли на фестиваль). В «Затерянных островах» есть элементы комедии, драмы, мелодрамы, семейной саги, даже эпоса – и при всем том фильм вовсе не выглядит нелепым винегретом. Наоборот, если пытаться определить его одним словом, то это будет слово «естественный» (особенно это касается первой половины). Кажется, что здесь, как в «Аджами», играют не профессиональные актеры, а ребята с улицы. Вот только для импровизации им предложили не криминальную драму, а наивную, человечную и

трогательную, балансирующую на грани сентиментальности историю о дружной многодетной семье, живущей в начале восьмидесятых в Кфар-Сабе.

Пятеро детей, которыми верховодят 17-летние близнецы, Офер и Эрез (есть еще старший сын, но он позор семьи: мечтает стать сантехником да к тому же вынужден жениться по залету на дочке соседней). Отец, влюбленный в кактусы и в свой автомобиль, который согласен ездить на виски, если не хватает бензина. Мать – домохозяйка и опора семьи. Австралийский сериал «Затерянные острова», от которого в восторге и дети, и родители (говорят, название фильма Леви немало способствовало его популярности – на тех, первых, «Затерянных островах» выросло целое поколение израильтян, так что это словосочетание является в стране мощнейшим возбудителем ностальгии). Маленькие развлечения маленького городка. Соперничество двух братьев из-за рыжей принцессы-оторвы по имени Нета, поселившейся по соседству. А потом – случившаяся по вине одного из близнецов авария, отец, остающийся полупарализованным, крах жизненных планов, нарастающее напряжение, раздоры. Мечтавший о спецназе атлет и победительный красавец Офер остается дома, чтобы ухаживать за отцом. Утонченный и рефлексирующий Эрез, стремясь заглушить чувство вины, отказывается от своей мечты о режиссуре и пытается воплотить несбыточную мечту брата, отправляясь служить в элитную часть. 1982 год, ЦАХАЛ входит в Ливан, Эрез оказывается на передовой...

Потом сюжет перевернется еще и еще раз, чтобы в итоге обернуться неглупой притчей о том, что альтруизм и эгоизм нужно проявлять с умом. Главное в обоих случаях не переусердствовать.

В СУМО, В СУМО

И толстушки тоже любить умеют. А уж толстяки тем более. Четверо крупногабаритных героев фильма Шарона Маймона и Эреза Тадмора «Размер имеет значение» страдают от диктатуры худых и безуспешно пытаются похудеть ровно до тех пор, пока один из них не поступает на работу в японский ресторан и не выясняет, что японцы на всех толстых смотрят с исключительным уважением как на потенциальных сумоистов. Товарищи по несчастью немедленно организуют секцию сумо, а хозяин ресторана, японец-сионист, после недолгого сопротивления соглашается стать их тренером. И все у них стремительно налаживается. Главный герой, несмотря на неудовольствие поджарой мамы, влюбляется в женщину своих габаритов, а та в него. Его приятель-соперник перестает комплексовать и мирится с женой. Толстяк-гомосексуалист (куда же без него) выясняет, что в гей-мире крупные мужчины (gay bears) пользуются повышенной популярностью. И наконец, четвертый персонаж, журналист-неудачник, снимает сенсационный репортаж про то, как в лесочке посреди Израиля четыре еврея под руководством японца занимаются сумо.

Несколько запоминающихся фраз, в основном принадлежащих харизматичному японцу («Ничего у вас с сумо не выйдет. Вы слишком худые», «Настоящий йокодзума гордится своими маваси»). Несколько по-настоящему смешных сцен. На выходе получается качественная голливудская комедия, немало украшенная национальным израильским колоритом.

Кадр из фильма «Размер имеет значение».

Режиссеры Шарон Маймон и Эрез Тадмор.

2010 год

В ЭЙЛАТ, В ЭЙЛАТ

Фаина Раневская любила говорить, что ее половая жизнь продолжается, поскольку по ночам она слышит, как за стеной сосед трахает соседку. Но всякому дается по вере его. В триллере Дани Лернера «Стены» простая украинско-израильская киллерша Галя (Ольга Куриленко, супермодель и девушка Бонда из «Кванта милосердия») каждую ночь не может уснуть, вслушиваясь в звуки соседского мордобоя, пока наконец не знакомится с избиваемой мужем соседкой по имени Элинон (победительница израильской «Фабрики звезд» певица Нинет Тайеб). Элинон, работающая продавщицей в супермаркете, учит Галю правильному выбору продуктов и ивритской фразе «Ани ло фрайерит» («Я вам не дура»), а Галя Элинон – феминизму и обращению с огнестрельным оружием. Почему отслужившая в армии Элинон этого не умеет – вопрос в данном случае праздный: с самого начала понятно, что пистолет попадает в руки девушке исключительно для того, чтобы выстрелить в последнем (ну хорошо, в предпоследнем) кадре.

У Элинон есть мечта: снова попасть в Эйлат, куда она однажды, в самом начале совместной жизни, ездила с мужем, который тогда ее еще не бил, а просто любил. Есть мечта и у Гали: она очень хочет вернуться в Киев, где ее ждет маленькая дочка. Но Элинон побеждает, и девушки отправляются в Эйлат. Доберутся ли они туда – вопрос открытый, зато по пути будет старательно раскурочен междугородный автобус и уничтожена интернациональная израильская мафия (в роли русского ее представителя – тот самый Владимир Фридман, который в «Пяти часах от Парижа» играет мужа Гришу).

Именно герой Фридмана произносит, обращаясь к Гале, ключевую фразу фильма: «Давай вечером посидим, отметим как следует: хумус, водка». «Хумус & водка» – кажется, наиболее адекватное жанровое определение ленты Дани Лернера. За национальный колорит в этом боевике с артахусными претензиями отвечает сцена погружения Гали в микву. Бедная, бедная Никита!

В ТЮРЬМУ, В ТЮРЬМУ

Двенадцатилетний Элай обожает своего отца Бена, главного архитектора Герцлии (секс-символ израильского кино Лиор Ашкенази), но того внезапно арестовывают по обвинению в получении крупной взятки. Сын до последнего верит в невиновность отца, но в конце концов понимает, что тот обманывает его. Так начинается фильм Ори Равида «Элай и Бен» – хорошее подростковое кино из серии «отправьтесь в кинотеатр всей семьей».

Элай пытается помочь отцу и попутно покорить сердце школьной красавицы Ширли. Без проблем, конечно, не обойдется, но в конце концов все у него получится – не в последнюю очередь благодаря пронизательности и благородству полицейского Амоса (не менее известный и представительный актер Цахи Град), расследующего дело об отцовской взятке и покровительствующего Элаю, которого он пытался было превратить в Павлика Морозова, однако вовремя устыдился. Отец отправится в тюрьму, но в хорошую и на минимальный срок, а завоевание Ширли и вовсе окажется делом ненужным – как выяснится в процессе, гораздо больше подходит мальчику ее подруга Илит. Зрителю же объяснят, что Бен вовсе не так плох и взятки брал не корысти ради, а из чувства творческой неудовлетворенности (вспомним «В пяти часах от Парижа»). Просто он, наивный, надеялся, что подрядчики позволят ему спроектировать тот самый объект, разрешение на строительство которого он так неосторожно подписал.

И все бы ничего, только царапает один момент. По законам жанра никакой моральной амбивалентности в такого рода фильме быть вроде не должно – наоборот, умеренная дидактичность и правильно расставленные акценты. Но вот Элай узнает, что его приятель, главный школьный хулиган, издевающийся над слабыми и беззащитными, после очередной выходки не был изгнан из школы потому, что его, хулигана, отец установил в кабинете директора дорожный аквариум со всякими элитными рыбками. И не просто узнает, а приятель сам Элаю об этом рассказывает в ответ на его настойчивые расспросы и заверения, что никому, мол, могила. После чего Элай пишет про всю эту историю статью в школьную газету, каковой поступок авторы фильма подадут как однозначно героический и заслуживающий всякого одобрения. То есть смелость-то налицо, ибо приятель на голову выше Элая, может и побить. И взятки, безусловно, брать нехорошо, хоть борзыми щенками, хоть золотыми рыбками, кто же спорит. Но осадок, тем не менее, почему-то остается.

[1] *Не в тему, но удержаться трудно. На круглом столе был рассказан анекдот от Макса Фрая: «Что такое французский детектив? Есть два человека, один из них убил другого, возможно, у одного из них семья. Что такое израильский детектив? Есть два человека, у одного семья, у другого семья, возможно, один из них убил другого».*

СИНЕМАТОГРАФ ДЛИННЫМ СПИСКОМ

Репортаж с Иерусалимского кинофестиваля

יְהוּדָה צֵי אֵד

С 8 по 17 июня в Иерусалиме проходил 27-й Международный кинофестиваль, как всегда сопровождавшийся вспышкой зрительского энтузиазма, которая еще раз продемонстрировала, что слухи о смерти киноискусства хоть и не вовсе лишены оснований, но все же несколько преувеличены. Этот год – юбилейный для иерусалимского киноцентра, выросшего и развивающегося вокруг Киноархива, созданного пятьдесят лет назад Лией и Вимом Ван Лир. Сегодня он является крупнейшим фильмофондом на Ближнем Востоке и самым богатым собранием еврейского кино в мире. И столичная Синематека, и фестиваль, и множество сопутствующих начинаний стали производными деятельности Архива.

Кадр из фильма «Проникновение».
Режиссер Довер Косашвили.

2009 год

Фестиваль открылся показом франко-немецкого фильма Роселин Бош «Сборный пункт», рассказывающего трагическую историю депортации 13 тыс. парижских евреев вишистским режимом в июле 1942 года. Церемония открытия по традиции проходила на свежем воздухе, на территории Султанского пруда. А потом было восемь фестивальных дней с тремя десятками сеансов ежедневно.

Начнем с израильского кинематографа. Он продолжает плодоносить, но, увы, редко приносит подлинную радость. Очень многое слишком предсказуемо: как бы изобрести что-нибудь «покруче». «Бродяга» Авишая Сивана – история странствий мучающегося проблемой собственного бесплодия 19-летнего ешиботника Ицхака. «Морская соль» Итая Лева – очередная вымороченная драма как бы из жизни отечественной творческой тусовки с неизбежными треугольником, четырехугольником и прочими геометрическими фигурами, издавна поддерживающими слабые силы сценаристов. «А на третий день» Моше Ивги – израильская антиутопия, рисующая общество первертов и чудовищ, после которой особенно приятно выйти из кинозала на улицу и убедиться, что вокруг тебя прежние, вполне симпатичные люди, к которым ты

привык. Не слишком способствуют поднятию тонуса «Разложение» Нины Менкес и «Саваны» Шалом Хагера. Несколько более интересны удостоенная главной премии в категории полнометражных израильских фильмов «Интимная грамматика» Нира Бергмана по роману Давида Гроссмана – история мальчика, за три года ни на сантиметр не прибавившего в росте; «Анданте» Асафа Таджера – нечто вроде научно-фантастической притчи о людях, лишенных возможности видеть сны и о пребывающих в коме медиумах, продуцирующих столь необходимый человечеству продукт; «Золотой гранат» Дана Турджемана – историческая сага из жизни йеменской семьи в османском Иерусалиме, а также «Во цвете лет» Лины и Славы Чаплиных – экранизация рассказа Шмуэля-Йосефа Агнона, действие которого перенесено в наши дни.

Фильм Довера Косашвили «Проникновение» (на основе романа Йошуа Кназа) переносит зрителей в тревожные и тоскливые пятидесятые годы. На армейской тренировочной базе небольшое нестроевое подразделение новобранцев проходит курс молодого бойца. Перед нами группа физически слабых и психически неустойчивых молодых людей – уроженцев страны и беженцев из стран Европы и Северной Африки, тот самый «человеческий материал», который и составлял содержимое израильского «плавильного котла» эпохи становления государства. Где-то совсем рядом с «новыми евреями», героями воплощенного мифа, из последних сил борются за элементарное выживание те самые грустные солдатики, которым «нет смысла в живых оставаться». Возможно, фильму недостает визуальной достоверности, точности в деталях и образах для передачи атмосферы тех лет. Но возможно, что это и не входило в задачу создателей фильма: проблематика современности воодушевляла их значительно больше. Особо хочется отметить прекрасный музыкальный ряд, созданный Иосифом Барданашвили, – точно найденный лейтмотив и его виртуозное развитие – классический пример того, какой силой воздействия обладает в кино сокрытое от глаз.

Кроме того, израильский кинематограф был представлен немалым набором полнометражных и коротких игровых, документальных и мультипликационных лент – едва ли не всем тем, что было снято здесь за минувший год.

В последние годы большой популярностью в Израиле пользуется кинематограф стран Дальнего Востока. Вот и на этот раз на фестивале был показан разнообразный набор китайских, корейских, японских, вьетнамских и малайских фильмов, от исторических драм до современных лирических *road movies*: «Женщина, пистолет и ларек с лапшой» Жанг Йиму, «Каникосен» Сабу, «В конце восхода» Хо Юханга, «Корова» Гуана Ху, «Большой маленький солдат» Динг Шенга с Джеки Чаном в главной роли, англо-франко-немецко-китайская «Она, китаянка» Гуо Шиаолу, «Дрейф» Буй Так Чуина.

Кадр из фильма «Сорняки».
Режиссер Аллен Рене.

2009

Беспрецедентный наплыв публики вызвал тайландский фильм «Дядюшка Бунми, который помнит свои прежние жизни» Апичатпонга Вирасетакула, удостоенный «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля. Особая образность, совмещающая присутствие призраков и видений из мира иного с безрадостным современным бытом, жутковатый юмор и физиологизм, мифология и политика создают странный эффект проникновения в совершенно непривычную, иногда чарующую, иногда пугающую культуру, в которой существуют личности, способные стереть других людей, как стирают информацию с компакт-диска, зато стараниями влюбленного сома отражение в воде способно сделать уродливую женщину красавицей, а умершие жены помогают умирающим мужьям покинуть наш иллюзорный мир.

Одна китайская лента проникла даже в традиционную программу фильмов на еврейскую тему: «Еврейская девочка из Шанхая» Ванг Генфа по мотивам популярного романа-комикса Ву Лина, обращенного к событиям далекого 1939 года. Полнометражный мультфильм, если не ошибаюсь, – первое в истории обращение китайского кинематографа к цветущей по всему миру еврейской теме. Тема эта – неперенная составляющая иерусалимских фестивалей на протяжении многих лет. И в ней, как полагается, всегда есть свои взлеты и падения.

Документальная лента Фабьена Руссо Ленуара «Кабаре Берлин» весьма кратко рассказывает историю этого жанра в Веймарской республике, в котором евреи играли ведущую роль. Фильм целиком построен на уникальных архивных видео- и аудиоматериалах.

Английская комедия «Неверный» Джоша Апигнанеси оказалась вопреки ожиданиям апофеозом политкорректности. Взятая за основу сценария ситуация – лондонский мусульманин внезапно узнает, что он еврей, – обещала больше, чем восторжествовавшая на экране разлюли-малина. Сценарий полон нелепых неувязок, фильм держится на игре Омида Джалила, если не считать того вполне банального набора «еврейских шуток», которыми можно удивить разве что аудиторию исламских фундаменталистов. Если бы публика та действительно согласилась почтить фильм своим вниманием, усилия создателей ленты с гуманистически-примиренческим месседжем можно было бы счесть не напрасными.

Гораздо тоньше «Троцкий» канадского режиссера Жакоба Тьерни. Разговор об этой ленте вполне заслуживал бы отдельной статьи. Коллизия ее достаточно проста: 17-

летний Леон Бронштейн, сын заурядного еврейского папы-капиталиста из Монреаля, приходит к убеждению, что он – инкарнация Льва Троцкого, и начинает вести себя в полном соответствии с образом. Джей Барухел в заглавной роли достигает наибольшей убедительности той полной серьезностью вживания в образ великого революционера, которая составила бы честь отцам Московского художественного театра. И выясняется, что даже в современной сверхдемократичной и толерантной Канаде подлинному борцу есть за что бороться. Фильм заканчивается тем, что Леон, изгнанный из провинции Квебек и получивший на память от папы красный цитатник товарища Мао с дарственной надписью «От любимого фашиста», находит переживающего разрыв с Надей и страдающего утренним похмельем Владимира Ульянова. Едва ли не смешнее всего вышеперечисленного тот факт, что один из показов «Троцкого» на фестивале сопровождался совершенно серьезной дискуссией на тему кампаний в защиту прав трудящихся в Израиле при участии трех общественных организаций: израильских студентов, ортодоксальных женщин и ведущего фонда поддержки социальных и общественных проектов.

Однако для подобных дискуссий лучше выбирать место и время подальше от насквозь ироничного постмодернистского фильма Тьерни. «Троцкий» получил поощрительную премию в категории фильмов на еврейскую тему. Главной же премии в этой категории была удостоена «Жизнь в военное время» Тода Солонза, недавно произведенного в наследники Вуди Аллена.

**Кадр из фильма «Троцкий».
Режиссер Жакоб Тьерни.**

2010 год

Столь же традиционна на Иерусалимском фестивале программа нового французского кино. Пересмотреть все, что привезли в этом году французы, не представлялось возможным. Но, безусловно, стоило посмотреть «Сорняки» Алена Рене с

замечательными Сабин Азема и Андре Дюссолье – хотя бы для того, чтобы убедиться в способности знаменитого мастера и в возрасте 88 лет резвиться, что называется, на полную катушку. «Микмак» Жан-Пьера Жене, популярного создателя «Амели» и «Деликатесов», на поверку оказался не более чем ладно скроенным и лихо закрученным триллером с характерным набором фриков и массой компьютерных эффектов.

«Синяя борода» Катрин Брейа в который раз доказала, что снимать красиво и даже очень-очень красиво сегодня умеют многие, но этого, увы, не всегда достаточно. К классической сказке Шарля Перро, разыгранной с большим вкусом к визуальным деталям, добавлен параллельный сюжет, в котором маленькая девочка читает ее своей старшей сестре, в конце концов доводя несчастную до летального исхода. Зачем? Почему? Спросите меня о чем попроще. Девочка, впрочем, прелестная.

«Ненет» Николя Филибера – полнометражная документальная лента о старейшей в мире бабушке орангутанге, живущей в парижском Jardin des Plants. К сожалению, даже скромное обаяние человекообразных и прекрасные крупные планы не спасают зрителей этого фильма от скуки – отсутствие действия губит все.

Специальной премии «В духе свободы» был удостоен фильм «Нелегалы» Оливье Массе-Депасса, повествующий о нелегкой судьбе Тани и ее сына Ивана в Бельгии.

Отдельная программа была посвящена памяти Марчелло Матростройни. В ней кроме классики – «Сладкой жизни», «Ночи» и «Развода по-итальянски» – был показан документальный фильм Анны Марии Тато «Марчелло Матростройни: Я помню, да, я помню». В фойе проходила фотовыставка Рино Бариллари «My Dolce Vita», на которой можно было увидеть в сепии почти весь цвет Cinocita за последние полвека.

Те, кто соскучился в столице Израиля по русскому языку и языку русского кинематографа, могли посмотреть два фильма украинского производства: «Счастье мое» Сергея Лозницы и «Мелодию для шарманки» Киры Муратовой, названную одним местным критиком «андерсеновской рождественской сказкой».

«Вы не знаете Джека» – фильм Барри Левинсона с Аль Пачино в главной роли рассказывает о Джеке Геворкяне – американском докторе, в борьбе за идею эвтаназии совершенно безвозмездно помогшем умереть 130 безнадежно больным пациентам. Режиссер рассчитал все точно: трудно не испытывать симпатию к герою, которого играет Аль Пачино, даже если он наделен нарочито неприятным голосом и скверным характером. Несколько лет назад мы уже убедились в этом на примере сыгранного им Шейлока, но тогда еще можно было заподозрить вызванную национальными чувствами необъективность в отношении героя...

И конечно же, остается еще длинный список европейских, американских, африканских, австралийских и прочих фильмов, нашедших тут свою требовательную публику. А также показы короткометражек в городских барах, симпозиумы, дискуссии, книжная ярмарка и многое другое, что обычно приносит с собой кинофестивальная волна.

ЦИМЕС, ДА И ТОЛЬКО!

Г'עראַ אַ אַעסעיאַיאַ

В сентябре, в начале месяца тишрей, на Рош а-Шана, цимес – «то, что надо». И даже приготовленный с мясом, он все равно настоящий десерт – вкусный, сладкий, ароматный... Существует множество вариаций его приготовления, он бывает вегетарианский, морковный, нутовый, фасолевый, с мясом или с курицей, подавать его можно горячим или холодным.

Это большое дело – «ганцер цимес» – приготовить настоящий цимес, наполненный букетом сладких и пряных ароматов. Он – украшение субботнего обеда и праздничного стола на Рош а-Шана. «В праздник у меня непременно и цимес должен быть», – говорил Шолом-Алейхем.

«И вот послушайте историю: в прошлом году накануне Суккеса морковь страсть как вздорожала. Привозить ее, что ли, перестали, кто их знает, только каждая морковочка на вес золота. Но ничего не поделаешь: цимес моему мужу милее всего. Он и от рыбы готов отказаться, и от мяса, и от всего прочего, был бы только цимес! Хотя я-то знаю, что так только говорится, будто прочее ему нипочем: цимес ведь подается напоследок, – значит, нетрудно быть уступчивым...» (Шолом-Алейхем, «Праздничный цимес»).

Неоднократно цимес упоминается и в его же «Блуждающих звездах», например: «Я бы охотнее поел хороший цимес. И запил бы кружкой настоящего виноградного вина <...>» С любовью говорит о цимесе Иосиф Уткин в «Повести о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайте и комиссаре Блох»:

Ё óÏ îòÿä

*Áúëà ì àì à,
Ñò àðàÿ ááðáëñéáÿ ì àòü
Êàé ó áññ, éñíá-íí, ëðáèì à
(Ý-ý-ý...
Íá ÿòíì íá ãáñðÿò!)
Ííà õíðñí
Áàðèëà òèì áñ
È õíðñí
ðñæàèà ðááÿò.*

Цимес упоминает, между прочим, и Матвей Бердичевский, персонаж романа «Пелагия и красный петух» Бориса Акунина.

Своими израильскими наблюдениями, в которых также присутствует цимес, делится Игорь Губерман («Бородино под Тель-Авивом»):

*Íáá ì áñòíì áíÿ ññéí óá ñòóíáò,
èç áóðáðéíá òá-àò áñáà,
á éíòéá ùáì ÿùá í áññí àò òèì áñ
éàé á ì áñòá-éíáñíá ãáà*

Шеф ресторана «Йона» при МЕОЦе Пинхас Слабодник, раскрывая секрет приготовления морковного цимеса, говорит о нем с особой, теплой интонацией.

На 4 порции: 1 кг моркови; 1 небольшой клубень фенхеля; 1 луковица репчатого лука; 3–4 перышка зеленого лука; 2 небольших яблока; 3–4 апельсина; 1 ст. л. апельсиновой цедры; 1/2 стакана апельсинового сока; 1/2 ч. л. очищенного кусочка корня имбиря; 1/3–1/4 корня сельдерея; 50 мл растительного масла; горсть изюма; 10–12 шт. кураги; 8–10 шт. чернослива; 2–3 палочки корицы; на кончике чайной ложки молотой звездочки; 3 ст. л. меда; 4 ст. л. сахара.

Делаем жженный сахар: насыпаем сахар, например, в половник и нагреваем над плитой на небольшом огне; когда сахар расплавится и приобретет медовый оттенок, быстро опускаем половник в миску с холодной водой и оставляем на некоторое время. Маленький кусочек корня имбиря очищаем от кожицы и натираем на терке. Чистим фенхель, сельдерей, репчатый лук и нарезаем их соломкой, мелко режем зеленый лук. Натираем необходимое количество цедры апельсина, выжимаем полстакана сока. Оставшиеся апельсины понадобятся нам для украшения блюда. Яблоки очищаем от кожуры, удаляем сердцевину с зернышками и нарезаем их дольками. Если изюм и курага суховаты, их можно замочить на полчаса-час в холодной воде. Чистим морковь (для цимеса лучше выбирать маленькие и аккуратные морковки, можно «детку») и нарезаем

ее тонкими кружочками или ломтиками. В горячем масле в казанке или большом сотейнике слегка припускаем морковь (3–5 минут), не давая подрумяниться, добавляем к моркови капельку воды, жженный сахар и доводим до кипения. Следом кладем фенхель, репчатый лук, имбирь, курагу, изюм, гвоздику и небольшую раскрошенную часть одной палочки корицы. Тушим. Минут через 30 добавляем зеленый лук, яблоки, цедру, апельсиновый сок и мед и тушим под крышкой еще около получаса. По необходимости в процессе тушения можно добавить немного кипятку. Главное, цимес не должен получиться ни сухим, ни жидким. Через 1 час снимаем крышку и тушим еще минут 15–20.

Морковный цимес

Цимес готов – вы это понимаете по насыщенности ароматов, наполняющих все пространство вокруг. Выкладываем его на блюдо, украшаем кольцами апельсина и палочками корицы и подаем к столу. Пришло время наслаждаться.

«Вот небольшая картина. Человек сидит на крыше дома и ест, другой в одной рубашке идет по улице. Видите ли, <...> тут вся моя биография: моего дедушку часто находили на крыше, он любил есть там цимес. А мой дядя любил ходить по улицам в одной рубашке», – вспоминает свое детство художник Марк Шагал.

Это блюдо удивительно тем, что позволяет творить, экспериментировать, пробовать новые варианты приготовления. В каждом городе, поселении готовят свой цимес из тех продуктов, которые под рукой.

К предлагаемому нами рецепту вы тоже можете подойти творчески, изменив или дополнив его по своему вкусу. Например, добавить чернослив и в этом случае отказаться, скажем, от сельдерея и фенхеля. Чернослив можно положить и в вегетарианский, и в мясной цимес – он будет прекрасно сочетаться с курицей или говядиной. А вместо кураги, к примеру, используйте кусочки тыквы, цимес получится чуть менее сладким и десертным и больше напоминающим овощное рагу. Придумывайте! Главное, чтобы блюдо получилось солнечным, теплым, золотистым – символом благополучия и удачи, как раз к Новому году.

Блюдо «цимес», в общем, удержалось в рамках еврейской кухни, а вот еврейское слово «цимес» (современные исследователи склоняются к тому, что слово происходит от немецкого «цум эссен» [«к еде»]) ушло в другие языки, прижилось у других народов, и далеко не все знают, что это прежде всего вкусная еда.

Началась самостоятельная жизнь слова «цимес», наверное, с «навара». Иначе говоря, главная прелесть цимеса – в его наваре – сладком, немного вязком соке-сиропе. Отсюда, возможно, возникло: «В чем цимес?» А дальше понеслось – как с рецептом блюда, так и со словом, – бесконечное проявление фантазии. И сегодня «цимес» – это «супер», «класс», «отлично»; это «сливки», «навар», «самый сок»; это «суть», «нюанс» и ключевая деталь, без которой никак нельзя.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2010 ЭЛУЛ 5770 – 9(221)

«СТАРШИНУ» УЗНАЮТ НА УЛИЦАХ ПЕТЕРБУРГА

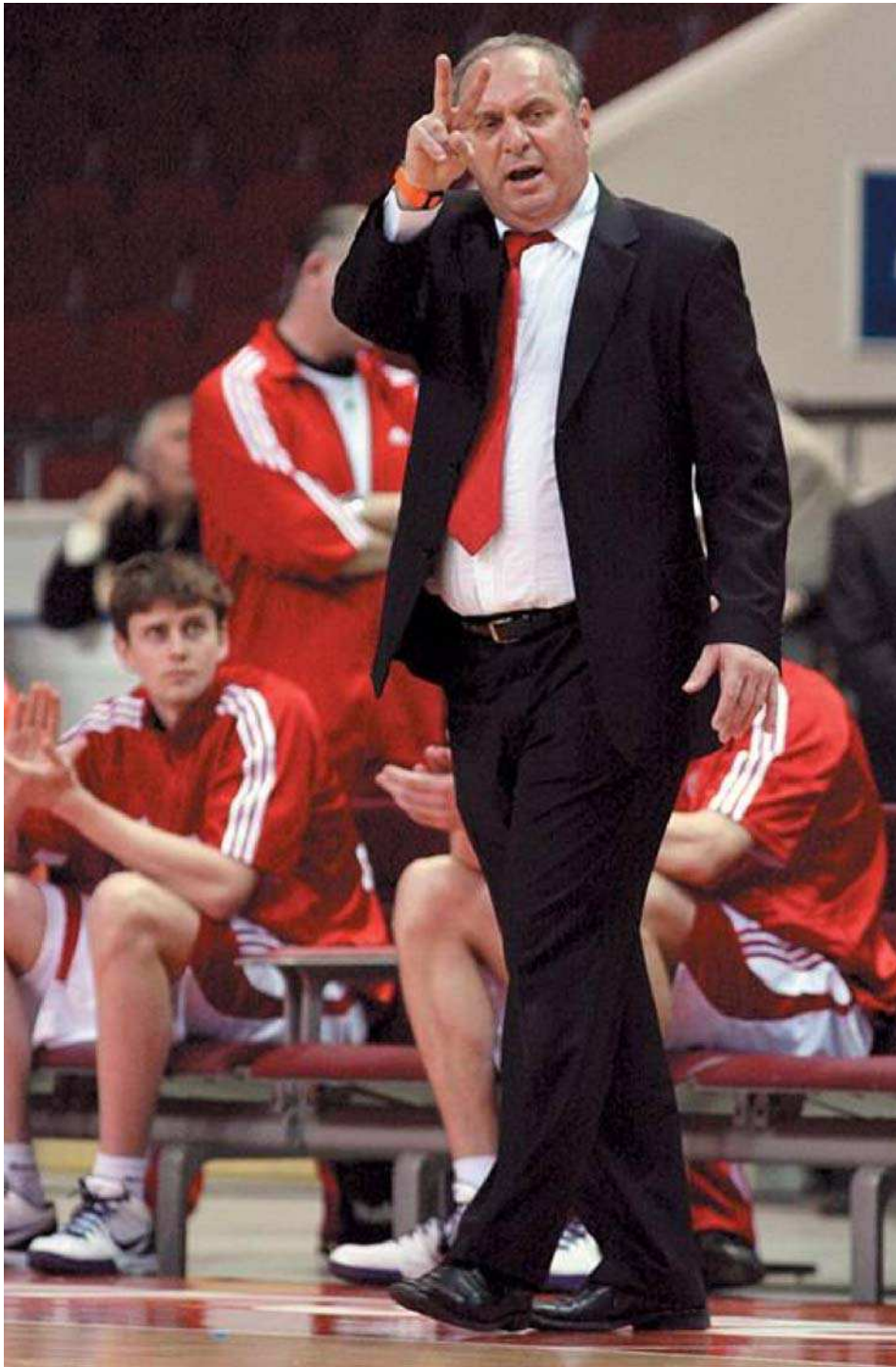
יְאֹדֶה צְאֵרֶיָּהוּ

Цвика Шерф, человек, которого в Израиле часто называют «старшиной»

из-за его тренерских установок/предпочтений («дисциплина и труд все

перетрут»), сегодня выглядит более чем умиротворенно. Его можно понять. Он

славно поработал в питерском «Спартаке» в прошлом сезоне, приняв команду, занимающую последнее место, и выведя ее в плей-офф российского чемпионата. В итоге – 6-е место.

Цви Шерф на чемпионате России по баскетболу.

**Матч «Спартак»
(Петербург) – «Красные крылья» (Самара).**

10 апреля 2010 года

- Я верю только в работу, – говорит Шерф очень спокойно, тоном, не допускающим возражений, и жмурится, по-хозяйски глядя на утреннюю, недавно проснувшуюся улицу, ведущую к главному шоссе на Тель-Авив, – в работу и еще раз в работу... В Петербург я приехал сразу же после приглашения, соскучившись по настоящим тренировкам. Со сборной страны контракт закончился, к тому же это были совсем не те рабочие нагрузки, что в клубной команде. По приезде я пригласил Сергея

Гришаева, второго тренера «Спартака», в ресторан и спросил, хочет ли он со мной работать. Узнав, что Сережа не против попробовать себя вторым тренером в паре со мной, немедленно предложил ему взяться за работу, к которой сам уже приступил. Тренировки команды два раза в день, тренажерный зал, тактика, все как обычно...

Слушая его, я не мог не задуматься, почему в словах баскетбольного наставника напрочь отсутствовало такое слово, как «дарование», может быть, оно как-то само собой подразумевалось. Ведь куда ж без дарования?

- Где вы поселились в Питере?

- На Васильевском, недалеко от тренировочной базы «Спартака». Знаете, там так тихо, так спокойно. И пять минут хода до тренировочного зала. Расстояния не московские. Петербург значительно отличается от Москвы. Люди другие, ритм жизни, да вы и сами знаете. В Москве я проработал с «Динамо» больше года.

- Чего вы ожидали от команды, чего директорат «Спартака» ожидал от вас?

- Чего могут ждать от тренера? Побед, конечно... Мы довольно быстро поднялись в таблице, команда заиграла чуть ли не сразу. Но нужно было закрепить успех... Нужно было, чтобы игроки поверили, что способны на большее. Успех – вершина тяжких трудов и тщательной подготовки.

- Вы, конечно, знали о легендарном «Спартаке» 60–70-х, о великой команде тренера Кондрашина?

- Еще бы. Однажды в Петербурге меня пригласили в школу, где я выступил перед детьми, после этого ко мне подошла женщина, вдова легендарного игрока Саши Белова, и долго благодарила за спасение «Спартака». Я был очень тронут.

О том легендарном «Спартаке» надо сказать отдельно. В 1972 году сборная СССР по баскетболу выиграла олимпийские золотые медали, победив в финальном матче сборную США со счетом 51:50. Тренером той команды был замечательный наставник «Спартака» Владимир Петрович Кондрашин, а решающий мяч забросил 20-летний Саша Белов, гениальный питерский игрок. Юноша с чуть удивленным лицом, странной походкой кузнечика, невероятным прыжком и замедленной речью. В 15 лет Белова пригласил в команду «Спартак» Кондрашин, и до смерти Белова в 1977 году от страшной болезни они не расставались.

Эта была та самая Олимпиада, запомнившаяся всем из-за ужасного преступления арабских террористов, убивших 11 спортсменов из олимпийской команды Израиля. Двое из убитых израильтян были репатриантами из СССР – борцы Марк Славин (18 лет) и Элизер Хальфин (24 года).

- Вас узнают на улицах города?

- Часто подходят израильтяне, которые знают меня по работе в «Маккаби». Подходят болельщики «Спартака», благодарят, желают успеха. Все достаточно корректно. Город заставляет всех вести себя сдержанно, по крайней мере, мне так кажется.

- Вы довольны своей командой?

- Скажу так: у нас есть возможность играть лучше, и мы будем играть лучше, я это точно знаю. Понятно, что бюджетные возможности «Спартака» намного слабее, чем возможности тех же «ЦСКА» или «Химок», но мы стараемся. Самое важное, что ребята из «Спартака» прибавили в игре после моего прихода. Например, Женя Колесников, которого пригласили в сборную России.

- С кем вы общаетесь вне работы?

- Зимой почти не выхожу из дома, все-таки непривычно, холодно мне. В другое время года гуляю в окрестностях базы. Мне часто звонит раввин Петербурга, Менахем-Мендл Певзнер, милейший и заботливый человек. Приезжает жена на неделю-другую, раз в месяц, есть несколько закадычных друзей, в конце концов, Интернет... Что вы хотите, обычная жизнь тренера в другой стране.

Дома в Израиле Шерф каждое утро ходит по берегу моря около 7–8 километров быстрым шагом, по твердому после ночного прилива песку Средиземного моря. «Переход» Цвики начинается в 6 утра, от Герцлии в сторону Тель-Авива и обратно. Каждый день. Идет, думает о баскетболе, здоровается со знакомыми. Эта прогулка ему необходима.

О «Маккаби», об израильском баскетболе, об отношениях с людьми Шерф говорить не хочет.

- Оставим эту тему, слишком все свежо и болезненно.

Я не настаиваю, потому что другая тема – тема его контракта с российским баскетбольным клубом «Спартак» – сейчас выглядит более основательной и заслуживающей пристального внимания. Тем более что в Израиле вообще «все сложно, кроме того, что просто», а уж баскетбол и отношения внутри баскетбольного мира – минное поле. То самое, которое трудно перейти без потерь.

-,«Спартак» начал строительство своего игрового зала, – оживился Шерф, – каждый день приезжаю на строительство, смотрю, что там происходит. Через год-полтора все будет готово.

Объяснить толком, где находится место стройки, он не в состоянии: не ленинградец.

По словам Шерфа, Алексей Карванен, спортивный директор «Спартака», сам вышел на него, и стороны довольно быстро договорились об условиях контракта.

Карванен играл у Шерфа в московском «Динамо» во время его первого приезда в Россию в 2003 году. Он запомнил израильянина, был под впечатлением от его тренерской работы.

Я позвонил Карванену в Россию.

Карванен рассказал, что команда существует на деньги президента клуба Александра Красненкова. Об этом человеке известно, что он филолог и экономист, учился в Гарварде, очень успешный бизнесмен, а главное – любит спорт. Что еще надо «Спартаку»?

Президент БК «Спартак» Александр Красненков и главный тренер «Спартака» Цви Шерф

- А любовь мэра, госпожи Матвиенко? Ведь не может же она не помнить великой команды Владимира Петровича Кондрашина?

- Да, от любви мэра мы бы не отказались.

Алексей рассказал, что Шерфом в Питере все очень довольны.

- Знающий, опытный специалист, многое нам дал, надеемся, даст еще больше, – высказался он без тех оглядок и пауз, какие обычно случаются с директорами спортивных клубов в момент их общения с журналистами.

Характеризуя Шерфа, Карванен делал ударение на слове «порядочный»:

- Шерф человек непростой, импульсивный, но порядочный. Подлостей делать не любит, да и не умеет. Не расположен он совсем к этому.

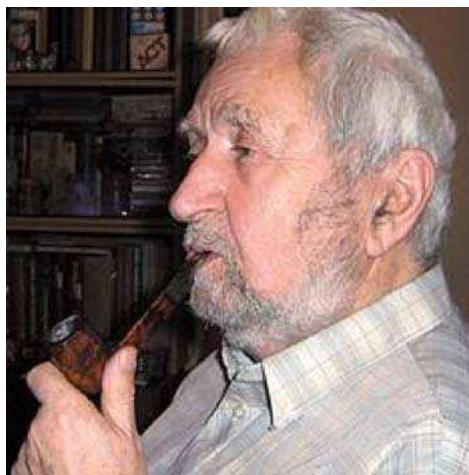
Карванен сообщил мне, что новый стадион строят неподалеку от старого, имени товарища Кирова.

- Место замечательное, только играй, – подводит итог нашей беседе спортивный директор «Спартака». – И я уверен, мы будем играть, потому что команда наша с большой историей. И Шерф знает и помнит ее, как никто другой.

«Как и положено действующему “старшине”», – кладя трубку, добавил я уже про себя.

ИСАЙ КУЗНЕЦОВ: ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

На исходе невыносимо жаркого июля пришло скорбное известие: на 94-м году скончался киносценарист и прозаик Исай Константинович Кузнецов.

В ноябре 2006-го я брал у него интервью. На вопрос, как вышло, что в кино и театре он много занимался приключенческим жанром, пьесами и фильмами для подростков, девяностолетний Исай Кузнецов, улыбнувшись уголками рта, ответил: «Возможно, так проявлялась моя инфантильность». «Инфантильность» его проявлялась бурно. Демобилизовавшись в 1946 году, тридцатилетний старший сержант запаса Исай Кузнецов вернулся в Москву. Позади – служба в понтонно-мостовой бригаде Ленинградского, а затем Первого Украинского фронта, на груди – ордена Красной Звезды и Великой Отечественной войны, медали за «За оборону Ленинграда», «За взятие Праги», «За Победу». А до войны – театральная студия Алексея Арбузова и Валентина Плучека, знакомство с Зиновием Гердтом, с которым играл на одной сцене, и пьеса, написанная совместно с Всеволодом Багрицким и Александром Галичем.

В охваченной эйфорией послевоенной Москве состоялась встреча, надолго определившая его жизнь, – он познакомился с будущим соавтором Авениром Заком. В 40–50-х они написали ряд пьес, которые с успехом шли в лучших театрах Советского Союза и Восточной Европы, с одной из них, «Два цвета», начинался ефремовский «Современник».

С начала 60-х они стали писать для кино. На их остросюжетных приключенческих фильмах выросло не одно поколение. Не было в 70–80-х школьных каникул, когда б не показывали по ТВ фильмы, снятые по их сценариям. Кружащее голову дорогое шампанское, дух авантюризма, опасного, но желанного приключения присутствовали в этих картинах, так выделявшихся на общем сером фоне. Я имею в виду не кинематограф, а советскую действительность в «период развитого социализма». Кто помнит те времена, подтвердит. Андрей Миронов в роли учителя фехтования по кличке Маркиз с песней «Кто на новенького?» из комедийного актера моментально перешел в разряд подростковых кумиров, примеров для подражания. И была во всем этом, как

понятно теперь, спустя годы, своего рода терапия. Достаточно назвать такие ленты, как «Достояние республики», «Пропавшая экспедиция», «Москва–Кассиопея» и «Отроки во Вселенной». Фантастическая дилогия, снятая режиссером Ричардом Викторовым, обладала тогда не меньшей популярностью, чем сделанные в том же жанре «Человек-амфибия» и «Солярис».

В 1974 году Зак и Кузнецов стали лауреатами Государственной премии Российской Федерации им. братьев Васильевых. В том же году произошло трагическое событие – умер Авенир Зак, младший в тандеме. Смерть одного из соавторов – всегда испытание для другого, испытание психологическое и творческое. Кузнецов его выдержал, работал один, последний фильм, «Верните бабушку», по его сценарию вышел на экраны в 1986 году. С 1976 по 2000 год Кузнецов руководил сценарной мастерской во ВГИКе, среди его учеников Рената Литвинова, Валерий Тодоровский, Аркадий Высоцкий...

Отойдя от сценарной работы, он начал писать прозу, подводя итоги века. Родившийся в Петрограде в 1916-м, лишившийся отца в 1937-м, потерявший на войне жену и двух братьев, он из того поколения, которое пережило всю советскую эпоху, от возникновения до краха. Ему, как свидетелю событий, как участнику их и, наконец, как писателю, было что сказать об этом периоде. В 1990-м вышел его роман «Лестницы», в 2000-м издана книга с невеселым названием «Все ушли...».

Еще при его жизни словосочетание «достояние республики», придуманное для названия картины, ушло в массы, стало «крылатым». И вот ушел он сам. Остались любимые фильмы. Остались выпускники ВГИКа, которые вспоминают об учителе в своих блогах. В писательском столе остался нереализованный сценарий «Клон», рассказы и два неопубликованных романа. Закончу его же словами, цитатой из последнего, как оказалось, интервью: «В советское время искусство было отдушиной. И туда приходили лучшие».

Àéàéñ Dàì ñí ñòò

АВТОРЫ СЕНТЯБРЬСКОГО НОМЕРА

Ī ēnī ā Āēāēnīāā, æōđī āēēñō, лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2002».

Ŋāōēāīā Āī īmāā, yō īāāōō, автор статей по славянской и еврейской этнографии и фольклору, преподаватель Петербургского института иудаики.

Āīōēñ Āāōāāīīā (ā 1973) æōđī āēēñō, музыкальный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ».

Ī ēā Āōāī ēōēēē (ā 1954) ēñō īōēē, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Высшей школы экономики. Автор монографий «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1917–1957», «Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)» и др.

Ī āōāē Āāī āī ēūñēēē (ā 1953), æōđī āēēñō, ōāāāāōūēē, почти 20 лет работает на радио «Эхо Москвы». Лауреат многочисленных журналистских премий: трижды финалист «Тэффи», премии Международной конфедерации журналистских союзов, премии кинофестиваля «Золотой овен», премии «Телегранд» за вклад в развитие журналистики, а также премии ФЕОР «Человек года – 2009».

Ī āōēēē Āæīāī Āāōāā, āī āōēāīñēāy ī ēñō āēū ēōā, автор рассказов и романов. В книгах «Повелитель мира», «Болтун», «Бруклинское царство», «Мое старое сердце» исследует жизнь еврейской семьи во всей ее сложности и противоречивости.

Ī ēōāēē Āīēūā (ā 1972), æōđī āēēñō, главный редактор журнала «Мост» (Киев), заместитель главного редактора газеты «Еврейский обозреватель».

Ī ēōāēē Āīōāēēē (ā 1946) yñāēñō, īōāēēōēñō, ēēō āōāōōđī ūē ēōēōēē
Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Ēāī ēā Āōāēāō (ā 1962), āāōāēñō, āēāēēñō, īōāī īāāāō āēū Ōāī ōōā āēāēēñō ēēē ē ēōāēēē ĐĀĀŌ.

Ī āōē Çāē:ēē (ā 1947), æōđī āēēñō («Континент», «22»), прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»).

Ī æīā Çēī āō (ā 1960) ī ēñō āēū ī āōāīā:ēē, ēōēōēē, ōāāēō īō āāyçī:īīā ēēō āōāōōđī īā æōđī āēā «Āāī āō ī:ēā». Автор романа «Билеты в кассе».

Āēāēñīāō Ēēē:āāēēē (ā 1970), īōīçāēē, īīyō. «Случай», «Не-зрение», «Волга меда и стекла», «Нефть», «Ай-Петри», «Гуш-мулла». Лауреат премий им. Ю. Казакова (2006) и «Русский Букер» (2007) за роман «Матисс».

Ī āōēīā Ēāōīīāā, īōāī īāāāō āēū ī āōāīā:ēē, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

Ἰ ἀδελφὴ Ἐπιπέια, ἰθαύγατος ἀδελφὴ Ὀλίμπια-Ἰάω-Ἰἴα ὀλίγη ἀδελφὴ ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ. Специалист по еврейскому фольклору и этнографии. Автор более 30 работ.

Ἀιδὴν Ἐπέι (ἄ 1970), ἀδελφὴ, ὀλίγη, ἀδελφὴ, ἀδελφὴ ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ. обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Ἀδελφὴ Ἐπιπέια (ἄ 1949), ἐπιπέια, ἀδελφὴ ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура» и др.

Ἀἴα Ἐπιπέια (ἄ 1963), ἰθαύγατος ἀδελφὴ, ἰθαύγατος ἀδελφὴ ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ. С 1988 года в Израиле. Работает в русскоязычных израильских СМИ и в российских аналитических изданиях.

Ἀἴα Ἐπιπέια (ἄ 1973), ἀδελφὴ, ἰθαύγατος ἀδελφὴ, ἀδελφὴ ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ.

Ἐπιπέια Ἐπιπέια (ἄ 1964) ἐπιπέια, ἰθαύγατος ἀδελφὴ Сотрудник Центра Чейса по развитию иудаики на русском языке при Еврейском университете в Иерусалиме. Автор книг «Община и государство: хасидизм Хабад в царской России» (на иврите), «Иерусалим: история и облик города» и ряда статей по истории российского еврейства.

Ἀδελφὴ Ἐπιπέια (ἄ 1960) ἀδελφὴ ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрай Шрам».

Ἀδελφὴ Ἐπιπέια (ἄ 1965), ἐπιπέια ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ. печатается в журналах «Синий диван», «Теория моды».

Ἀδελφὴ Ἐπιπέια (ἄ 1960) ἰθαύγατος ἀδελφὴ (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист.

Ἀδελφὴ Ἐπιπέια, ἐπιπέια ἐστὶν ἐστὶν ΔΑΪΟ.

Ἐπιπέια Ἐπιπέια (1887-1959), ἰθαύγατος ἀδελφὴ Его перу принадлежит ряд романов, наиболее известна историческая эпопея «Раввин и царь». В 1929 году вышла в свет книга рассказов «Шкловские евреи», проникнутых мягкой иронией и ностальгией.

Ἀδελφὴ Ἐπιπέια (ἄ 1937), ἀδελφὴ, ἰθαύγατος ἀδελφὴ ἐστὶν ἐστὶн ΔΑΪΟ. В 1988 году удостоен высшей награды еврейского государства – Премии Израиля.

Ἰ ἐπιπέια Ἐπιπέια (ἄ 1972), ἀδελφὴ ἐστὶн ΔΑΪΟ. Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «Новом литературном обозрении» и др.

Аїаа Яїї аїї (а. 1935), прозаїк («Травяная улица», «Шампиньон моей жизни»), переводчик (Б. Брехт, Б. Шульц). Награжден офицерским крестом ордена Заслуги (Польша, 2000). Лауреат премии им. Казакова (2003).